

ФАНТАСТИКА 1966

2

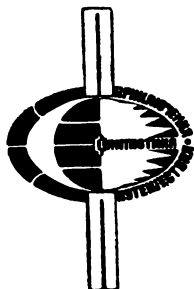
ВЫПУСК

ФАНТАСТИКА

19

Автоматы напялили на него однодневные ботинки, приклеили к рубашке одноразовый воротник, пристегнули теряющиеся запонки, залепили дыры быстроотклеивающимся пластырем и вручили модную шляпу «Носи-бросай»... Здесь были книги с исчезающим текстом — через неделю перед тобой белые страницы. Чернеющие газеты, которые не успеваешь прочесть и вынужден приобретать следующий ежечасный выпуск. Быстрохолодеющие и легкоплавкие сковородки. Микродырявые канистры. Твердеющие по-

ФАНТАСТИКА 1966

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

МОСКВА

ТАСТИКА
ФАН
1966
выпуск **2**

В. Фирсов
Б. Зубков, Е. Муслин
М. Емцев, Е. Парнов
Е. Войскунский, И. Лукодьянов
А. Днепров
В. Григорьев
В. Михайлов
М. Ибрагимбеков
С. Лем

Составитель Н. БЕРКОВА

Художник И. ОГУРЦОВ

АНКЕТА СБОРНИКА «ФАНТАСТИКА, 1966»

[Адресуется читателям, систематически интересующимся научной фантастикой]

1. Что более всего интересует вас в фантастическом произведении: сюжет, образы или научные идеи и проблемы? философские идеи и проблемы? социальные идеи и проблемы?

2. Считаете ли вы художественные достоинства главным в фантастике? Если нет, то что, по вашему мнению, является главным в фантастике? (Идеи, занимательность сюжета и т. д.)

3. Помогают ли вам фантастические произведения разобраться в современной действительности, в проблемах мира и нашего общества, в тенденциях научного прогресса? Если да, то какие именно и в чем?

4. Помогает ли вам фантастика понимать, осмысливать новое в нашей жизни? Стимулирует ли фантастика ваше личное творчество в области науки, изобретательства, литературы, искусства?

5. Какие проблемы занимают вас? Какие из них советская фантастика отражает, по вашему мнению, недостаточно?

6. Какие произведения современных советских писателей-фантастов вам нравятся?

7. Какие произведения данного сборника вам более всего понравились?

8. Укажите ваш возраст, пол, образование, профессию.

ВАШИ ОТВЕТЫ ПРИСЫЛАЙТЕ ПО АДРЕСУ:

МОСКВА, А-30, СУЩЕВСКАЯ, 21.

ИЗД-ВО «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ», РЕДАКЦИЯ ФАНТАСТИКИ.

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник «Фантастика, 1966» открывается рассказом журналиста В. Фирсова «Бунт», где автор несколько по-новому показывает взаимоотношения человека и машины.

Привлекает внимание небольшой рассказ Б. Зубкова и Е. Муслина «Непрочный, непрочный, непрочный мир».

В новом рассказе писателей М. Емцева и Е. Парнова «Возвратите любовь» авторы с большим мастерством показывают, что развитие науки и техники в зависимости от социальной системы может принести человеку не только благо, но и быть причиной его моральной и физической гибели.

Значительное место в сборнике занимает произведение рижского писателя-фантаста Владимира Михайлова «Глубокий минус». В нем автор еще раз, в своеобразной форме, возвращается к теме тесной взаимосвязи всех поколений, ибо «не может быть человека без памяти и мечты».

В новой повести бакинских писателей Е. Войсунского, И. Лукодянова «Сумерки на планете Бюр» с юмором рассказывается о встрече землян с представителями инопланетных цивилизаций.

Рассказ А. Днепров «Там, где кончается река», посвященный необычному путешествию в мир без времени, в мир «застывших движений, неизменных предметов и связанных друг с другом мелочей», ставит перед читателями интересную научную проблему.

В рассказе Владимира Григорьева «Аксиомы волшебной палочки» затрагивается тема соотношения интуитивного и логического начал в деле первооткрывания, изобретательства.

Заключает сборник интервью с известным польским писателем-фантастом Станиславом Лемом.

Н. Беркова

БУНТ

Инокентий Борисович, связь кончается. Они уже пилят мачту, — сказал Лебединский.

Он полулежал в неудобном металлическом кресле перед экраном, стараясь дышать неглубоко и медленно.

«Как жаль, — подумал он, — что этот великолепный воздух нельзя будет взять с собой». В сущности, только здесь, на Луне, он впервые понял, как это замечательно — воздух, когда его много, когда его можно пить, пить, пить — без оглядки на стрелку неумолимого манометра. «Если вернусь на Землю, — подумал он, — буду все свободное время лежать где-нибудь на берегу речки и дышать по системе хатха-йоги — полной грудью, начиная вдох и выдох с диафрагмы, чтобы вентилировать легкие насквозь».

За иллюминатором ритмично вспыхивало бесшумное пламя — это взбунтовавшиеся машины разрезали массивные опоры радиорелейной мачты. Пламя атомных горелок выхватывало из мрака фантастические очертания машин, по изрытым склонам кратера металась длинные тени. Мачта уже заметно наклонилась в сторону. Как только она рухнет, погаснет экран видеофона, и связь со Станцией станет возможной только через спутники, если роботы не доберутся и до последней антенны на макушке купола. Но спутники появляются над Базой не так-то часто — им нужно два часа на облет Луны. «Неужели не успеют найти Федосеева? — подумал Лебединский. — Тогда мне каюк».

— Федор Ильич, а что они строят? — спросил с экрана

профессор Смольный. Лебединский молча пожал плечами. — Вы уж присмотритесь, пожалуйста. Почему-то мне кажется, что Федосееву это будет интересно.

Лебединский покосился на инфракрасный экран наружного обзора. Ночь наступила недавно, предметы еще не успели остыть, и на экране было довольно хорошо видно, как приземистые грузовики волокут длинные стальные балки, предназначенные для строительства обсерватории, к центру кратера, где выросло какое-то фантастическое сооружение. Вокруг него суетились юркие строительные роботы, что-то обнюхивая, ощупывая, поправляя. Машины двигались в строгом порядке, подчиняясь механической воле главного кристалло мозга.

Несколько в стороне ремонтный робот деловито распиливал вездеход Лебединского. Отрезанные куски он тут же взваливал на покорно ожидавшую «камбалу».

— Что-то не додумано в этих машинах, — сказал Лебединский. — На Земле они вели себя, как ягнята. Я не мог на них нарадоваться.

— Федор Ильич, может быть, вы все-таки приготовите взрывчатку? На случай, если Федосеев не отыщется. Иначе вам не прорваться.

— Не стоит к этому возвращаться, Иннокентий Борисович. Я понимаю, что Международный Совет вам не дает житья. Но Федосеев отыщется. Человек не иглока. Время еще есть.

Профессор Смольный кивнул головой и задумался. Конечно, в Совете предложили радикальное решение. Взрывчатка на Базе есть, и швырнуть пакет в «бегемота» — так назывался робот-координатор — даже в неудобном скафандре не составит труда. Пока взрывчатка долетит, Лебединский вполне успеет укрыться от осколков в куполе. Но если большой кристалло-мозг погибнет, строительство обсерватории будет сорвано. Роботы работают круглосуточно, а люди так не могут. Три смены по двадцать человек, прикинул профессор в уме. По человеку на машину. Станция не вместит даже половины. Да и прокормить столько народу мы не сможем. А времени нет. «Океан» стартует к Марсу через три месяца. Планеты ждать не будут. А отложить вылет — все равно что отдать готовый корабль на слом. За два года он безнадежно устареет.

Профессор привычным жестом поднес руку к подбородку, чтобы погладить давно сбритую бороду, и тут же опустил ее.

Что поделывать — бород на Луне не носят. В скафандре борода неудобна и опасна.

Лебединский увидел на экране, как за спиной у Смольного появилась фигура радиста. Он протянул профессору радиограмму.

— Это американцы, — сказал начальник Станции, пробежав текст. — «Потомак» завершил маневр и идет к Луне. Фостер сказал, что он или взорвется, или успеет к вам.

— Дай бог ему не взорваться, — вздохнул Лебединский. — Но я не знаю, как он надеется выгадать на этом перелете чуть ли не сутки.

— «Потомак» идет почти напрямик с десятикратным ускорением. Расход топлива невероятный — он сожжет за один рейс свой месячный запас, но зато выиграет время.

— Фостер славный парень, — задумчиво сказал Лебединский. — Ему сейчас нелегко.

Он снова вздохнул и посмотрел на циферблат часов.

На экране опять возникла фигура радиста.

— Иннокентий Борисович, — сказал он, — получена ракетаграмма от Чередниченко.

— Вот видите, Федор Ильич, — с притворной бодростью сказал Смольный, прочитав текст, — Чередниченко опережает график на две минуты. Водители — молодцы. Ваша задача значительно облегчается. Но вы все-таки приготовьте взрывчатку. — И он исчез с экрана.

«Все, — подумал Лебединский. — Спилили они мачту. Теперь остается только ждать. Неужели так и не найдут Федосеева?»

Он протянул руку к пульта и выключил ставший ненужным экран.

Разведочный робот-скалолаз стоял наготове в открытой камере шлюза, слегка шевеля восьмью суставчатыми ногами. Казалось, он дрожит от волнения перед предстоящей ему безумной гонкой. Но Лебединский знал, что это идет обычная проверка механизма после получения новой программы. Машина не может волноваться.

Он вышел из шлюза, закрыв за собой герметическую дверь.

На удачу своего замысла он почти не надеялся. Вероятнее всего, что и этот робот сразу выйдет из повиновения, как толь-

ко окажется вне купола. Так случилось с предыдущими машинами. Один за другим два строительных робота, стоявших в бездействии под навесом, отключились от связи и примкнули к бунтовщикам, как только Лебединский вставил им в пасти перфокарты с программами. Однако выбора не было — дышать под куполом становилось все труднее.

Все произошло неожиданно и глупо. Лебединский приехал на Базу, чтобы встретить ракету-автомат с конструкциями будущей обсерватории. Роботы мирно трудились, прокладывая дорогу к месту строительства. Ими руководил «бегемот» — робот-координатор, приземистый, с прочнейшей титановой броней, спасавшей его огромный кристалломоzg от ударов метеоритов. Лебединский сменил программу у «бегемота», и роботы покорно поплелись за вездеходом к космодрому. За сутки они закончили разгрузку ракеты. До захода Солнца оставалось несколько часов, и Лебединский радовался, что не придется возвращаться в темноте. Когда роботы уложили возле шоссе последнюю ферму и ракета улетела, он вышел из купола, чтобы отправить их на постройку дороги. В тот момент, когда он извлек программу из-под массивной крышки на теле «бегемота», раздался сигнал тревоги.

Причина была обычная: вспышка на Солнце. Лебединский поступил по инструкции — он укрылся под непроницаемый купол Базы и стал дожидаться, когда поток радиации ослабнет. Ждать пришлось долго. Наконец красная лампочка индикатора на пульте погасла. Лебединский вышел наружу и увидел картину чудовищного разгрома.

В кратере творилось что-то неописуемое. На том месте, где недавно стояла ракета, возвышался каркас странного сооружения, вокруг которого суетились роботы. Ярko вспыхивали огни сварочных аппаратов. Оторопевший инженер увидел, как два робота деловито приваривают к каркасу только что привезенную ракетой ферму от будущего телескопа. Антенны приводных радаров на гребне кратера были спилены, с ног вездехода, на котором приехал Лебединский, сняты гусеницы, и раскрашенный в веселую желтую краску ремонтный робот разрезал его пополам. Из вездехода била серебристая струя и падала на почву белыми хлопьями. Лебединский не сразу сообразил, что это вылетают из разрезанной магистрали остатки кислородного запаса.

Впрочем, о кислороде он в первый момент не подумал. Пе-

реключив связь на роботов, он попытался остановить их, но машины не реагировали на его сигналы. Испуганный и разозленный инженер бросился вперед и встал у робота на пути. Еще не было случая, чтобы машина не остановилась перед человеком. Но на этот раз взбесившийся механизм сбил его с ног, и он чудом избежал смерти под гусеницами.

Тогда Лебединский понял, что дело плохо. Он вернулся в купол и доложил начальнику Станции о странном бунте.

— Сколько у вас кислорода? — сразу спросил Смольный.

Лебединский посмотрел на поясной пульт скафандра. Тусклый глазок индикатора показал, что воздуха в баллонах осталось совсем мало — от силы часа на два. «Пора зарядить их», — решил Лебединский и тут же вспомнил про белые хлопья вокруг вездехода. «Придется ждать в куполе», — подумал он. В куполе всегда был месячный запас кислорода. Для очистки совести он взглянул на манометр и похолодел — стрелка стояла на нуле.

— Иннокентий Борисович, тут что-то не в порядке, — сказал он. — Я выйду проверить.

Он захлопнул забрало шлема и через шлюз вышел из купола.

Кислородный запас Базы хранился в больших баллонах, стоявших в ряд под противометеоритным навесом вдоль наружной стены. Такое размещение было удобно для смены опустевших баллонов. Но сейчас Лебединский с ужасом увидел, что ни одного баллона не было на месте. Оплавленный отрезок кислородной магистрали и знакомые белые хлопья под ногами свидетельствовали о том, что роботы похозяйничали и здесь.

Он мгновенно прикинул в уме объем купола. Часов на шесть воздуха под куполом хватит. Часа на два — в баллонах. Итого — восемь. До Станции — пятьсот километров. Десять часов пути для вездехода. В лучшем случае — девять. Значит, вездеход не успеет. «Рубин» долетел бы сюда за пятнадцать минут, но он сейчас у Земли, на орбитальной станции — на нем меняют двигатели.

Через десять минут после рапорта Лебединского быстроходный вездеход «Кузнечик-3» вышел со Станции и на максимальной скорости направился к Базе. Его вели Шредер и Бек-Назаров. Еще через пятнадцать минут лучший водитель на Луне Степан Чередниченко повел вдогонку свою машину.

По радио полетели запросы — на Землю, на американскую

станцию Литл Америка, приютившуюся на северных берегах Моря Кризисов. Через час о событиях на Луне стало известно в Организации Объединенных Наций. Американский лунолет «Потомак», только что стартовавший с промежуточной орбиты, изменил курс и устремился к Луне с предельным ускорением. Была объявлена готовность номер один на десятках станций слежения и космической радиосвязи, на искусственных спутниках, в вычислительных центрах. Три с половиной тысячи человек, поднятые по тревоге, приготовились к борьбе за жизнь космонавта.

Станция была построена на южных склонах кратера Торричелли. Этот полуразрушенный кратер на окраине Моря Спокойствия оказался идеальным местом для возведения первого опорного пункта, откуда человечество начало осваивать Луну. Он был достаточно удален от экватора, что уменьшало нестерпимый нагрев в долгие полуденные часы. Лежавшие севернее тысячекилометровые равнины двух смежных морей — Спокойствия и Ясности, — на которых не было сколько-нибудь серьезных препятствий для вездеходов, открывали широкий простор для быстрых и плодотворных исследований. С юга вплотную к Станции подступал гигантский горный район с пятикилометровыми пропастями, с кратерами-исполинами Теофил и Кирилл, представлявший такой клубок увлекательных загадок, распутывать который не хватило бы и сотни лет. Но самое главное, в этом месте была вода — десятки тысяч кубометров льда, лежавшего сразу под поверхностью Луны.

Находка воды была необычайной удачей. Отпадала необходимость дорогостоящей транспортировки воды и кислорода с Земли. Атомный реактор Станции вырабатывал достаточно энергии, чтобы с помощью электролиза получить практически неограниченное количество драгоценного кислорода. С водородом было хуже — его постоянно не хватало. Электрореактивные двигатели «Рубина» пожирали неимоверное количество водорода. Все же с грехом пополам Станция обеспечивала себя достаточным количеством горючего для лунолета, отказавшись от доставки его с Земли. Это позволило намного увеличить темпы научных исследований.

При всех своих достоинствах место, выбранное для Станции, имело один серьезный недостаток. Коварный лунит, шлако-

подобный материал, из которого состояли почти все более или менее ровные участки Луны, не выдерживал веса космических кораблей. Для посадки «Рубина» была построена небольшая площадка рядом со Станцией, но тяжелые транспортные ракеты-автоматы приходилось принимать на экваториальной Базе, где в небольшом кратере, лежавшем на прочнейшем базальтовом массиве почти в самом центре видимого с Земли диска Луны, самой природой был оборудован превосходный космодром. Дальше грузы доставлялись сухопутным транспортом.

Станцию и Базу разделяло пятьсот километров. Именно это расстояние предстояло преодолеть вездеходам, устремившимся на выручку к Лебединскому. Электронные машины составили точный график движения и выбрали единственный возможный вариант. Через семь часов после отправления вездеходов Лебединский должен выйти им навстречу. В этот момент передовой вездеход будет в ста пятидесяти километрах от Базы. За два часа (именно на такое время хватит кислорода в баллонах у инженера) вездеход пройдет еще сто километров. Остальные пятьдесят километров Лебединский должен преодолеть сам. Пешком это невозможно. Но в его распоряжении оставался разведочный робот-скалолаз, способный передвигаться по ровному месту со скоростью до двадцати километров в час. Правда, никто не знал, станет ли робот слушаться команды или тоже примкнет к бунтовщикам.

Ответ на этот вопрос смог бы дать создатель роботов — Петр Иванович Федосеев, но никто на всей планете не знал, где его искать, — на Земле было воскресенье, а в подмосковных лесах достаточно укромных уголков для таких страстных любителей рыбной ловли, каким был Федосеев.

Специалисты из Института Луны предложили создать мощную радиозавесу с помощью нацеленных на Базу радаров станций слежения за космическими кораблями. Созданные радаром помехи, считали они, прервут всякую радиосвязь между роботами и главным кристалло мозгом и помешают скалолазу взбунтоваться. Однако подсчеты показали, что перекрыть всю полосу частот, используемых роботами, наличной техникой не удастся. Как на грех, не было известно, какие именно частоты отведены для скалолаза, и выяснить это в оставшиеся часы не представлялось возможным. Тем не менее вычислительные центры выдали программы для всех мощных радиолокаторов и ра-

диотелескопов, и десятки антенн повернули решетчатые уши к крошечной точке на окраине Центрального залива.

Никогда еще линии связи Земля — Луна не работали с такой нагрузкой. Вице-президент Международного Совета по Луне профессор Клейн то и дело осведомлялся о продвижении вездеходов, о самочувствии Лебединского, уточнял с начальником Станции профессором Смольным детали операции. Именно он предложил восстановить связь Станции с Базой через околоземную систему спутников. И уже через тридцать минут после того, как рухнула радиорелейная мачта, спиленная обезумевшими машинами, связь Станции с Базой восстановилась. Но теперь радиоволны, сорвавшиеся с антенн Станции, проделывали гигантский путь от Луны до связного спутника, висящего на расстоянии тридцати шести тысяч километров от поверхности Земли. Оттуда они попадали на Землю, пробегали несколько сот километров до гигантских антенн Центра дальней космической радиосвязи и вновь устремлялись к Луне, к тонкому прутику антенны, торчащему над куполом Базы. Эта связь была односторонней — сигналы слабеющей радиостанции Базы не долетали до Земли. Но каждые сорок минут над Базой появлялся один из трех экваториальных связных спутников Луны, и тогда Лебединского слышали на Станции.

— И все-таки я настаиваю на нашем плане, — возбужденно говорил Клейн начальнику Станции. — Радиозавеса не дает нам полной гарантии успеха прорыва. Если робот выйдет из повиновения, гибель вашего товарища неизбежна. «Потомок» тоже не успевает. Он придет к Базе в лучшем случае на тридцать минут раньше вездехода. Большого выжать из корабля не сможет сам господь бог. Я вообще удивляюсь, что Фостер еще жив и даже поддерживает связь.

— Я говорил с Федором Ильичом, — сказал Смольный. — Он категорически против уничтожения «бегемота».

— Нет, русские положительно неисправимы, — всплеснул руками Клейн. — Забота о себе никогда не была их национальной чертой. Какая-то дурацкая машина вам всегда важнее собственной шкуры. Но я категорически настаиваю, наконец, я требую от вас, как от начальника Станции, приказать господину Лебединскому взорвать главный кристалломоозг, и чем скорей, тем лучше.

— Хорошо, я прикажу ему, — без особого энтузиазма со-

гласился профессор. — Но боюсь, что Лебединский меня не послушает. Он уверен, что Федосеев найдется.

Смольный взглянул на большой циферблат, расположенный выше экрана. Вездеходы были в пути уже шесть часов. Под куполом Базы дышать почти нечем. Он представил, как Лебединский неподвижно лежит в кресле и тоже смотрит на стрелку секундомера, которая мягкими толчками неторопливо движется по кругу. Один круг — минута. Надо выдержат еще шестьдесят. Ровно через час с антенн наземных и космических станций выплснуты сгустки радиоимпульсов, за полторы секунды пролетят пространство между Землей и Луной и ворвутся в трехсотметровый кратер, залитый непроницаемой тенью. Они ударят в скалы, отразятся, замечутся, дробясь и ломаясь, заполняя вечно молчащую пустоту чудовищным, неслышимым для уха радиогрохотом. Внешне ничто не изменится в кратере. Но движения взбесившихся машин вдруг станут неуверенными. Не слыша в реве радиозавесы приказов главного кристалломозга, они остановятся. Тогда откроется камера шлюза, и уродливый металлический паук помчится навстречу вездеходам, держа в лапах неподвижную фигурку в скаффандре.

Электронные машины давно подсчитали каждый метр пути, каждый литр кислорода в баллонах. Всего час пятьдесят три минуты будет жить Лебединский после того, как он откроет вентиль кислородного баллона — откроет совсем, до отказа, чтобы очистить отравленный мозг и найти силы дойти до шлюза, — и ровно через минуту наполовину прикроет его. За эти час пятьдесят три минуты робот унесет его на сорок километров — большего скалолаз не сможет сделать даже с красной аварийной карточкой в пасти. Быстрее на всей Луне могут двигаться только разведывательные вездеходы — «кузнечики». Их максимальная скорость по ровному месту — пятьдесят километров в час. Но в тот момент, когда Лебединский повернет вентиль и захлопнет гермошлем, вездеход Чередниченко будет находиться в ста пятидесяти километрах от Базы. А это значит, что Лебединскому не хватит тринадцати минут.

Профессор раздраженно отшвырнул в сторону ленту вычислительной машины и повернулся вместе с креслом к Тевосяну, сидевшему у главного пульта. Сейчас должны поступить ракетограммы от вездеходов, и тогда станет известно, удалось ли Чередниченко опередить график и отнять хоть не-

много от этих проклятых тринадцати минут. «Поневоле станешь суеверным», — подумал он, разглядывая косо остриженный затылок Тевосяна.

Катушки магнитофона на главном пульте закрутились. Смольный взглянул на часы. «Шредер пунктуален, как всегда», — подумал он. Сообщение от него поступило секунда в секунду.

Но второй вздоход сейчас не интересовал начальника Станции. «Кузнечик» Шредера должен был идти к Базе с максимальной скоростью, но не переступать запретных границ аварийного режима. И сейчас он далеко отстал от машины Чередниченко, хотя и вышел на пятнадцать минут раньше. За эти пятнадцать минут Степан успел сбросить со своего вздохода все что можно, включая тяжелые баллоны с многосуточным запасом кислорода. Теперь кислорода у него не хватит даже на возвращение. Это не страшно — позади второй вздоход. Зато облегченная машина могла идти с максимальной скоростью, на что и рассчитывал профессор, разрешая рискованное путешествие, строжайше запрещенное инструкцией.

Профессор Смольный хорошо знал Чередниченко — неутомимого, неунывающего атлета, прекрасно тренированного борца и боксера, многократного чемпиона страны в технических видах спорта, человека, влюбленного в скорость, способного на рискованные, но безукоризненно обоснованные решения. Поэтому именно ему он доверил этот тяжелый пробег, от которого зависела жизнь Лебединского. Степан, как никто другой, умел водить машину, и только он мог бы вести ее много часов в опасном режиме, когда на пульте управления тревожно горят красные лампочки, предупреждая о возможности аварии, и только интуиция водителя спасает от немедленной катастрофы. Только человек отчаянной храбрости и железной воли мог выдержать это, и профессор знал, что Чередниченко выдержит.

В душе профессор боялся признаться себе, что относительно второго водителя — Миронова — у него нет такой твердой уверенности. Маленький геофизик появился на Станции недавно, и никто из нынешнего состава раньше его не знал. Сейчас профессору вспомнился полузабытый эпизод, относившийся к первым дням пребывания Миронова на Луне. Метеорит ударил в только что прибывшую цистерну с водой, которая стояла недалеко от входа в Станцию. Воды тогда не хва-

тало, и каждой каплей приходилось дорожить. Перевозили ее в цистернах-автоматах с электроподогревом — горячую воду было удобно переливать куда угодно. Метеорит разворотил в цистерне порядочную дыру, и струя кипятка била наружу, тут же замерзая на грунте, а Миронов, вызванный по тревоге, в это время педантично проверял свой скафандр, хотя выпускающий — это, кажется, был Бек-Назаров — сделал это еще раньше и заверил его, что все в порядке. Миронов поступил точно по инструкции, которая обязывала каждого выходящего лично проверить скафандр. Однако несколько тонн воды вытекло, и они остались без водорода. Очередной вылет «Рубина» был сорван. Правда, взамен обитатели Станции неожиданно-негаданно получили прекрасный каток, положивший начало повальному увлечению коньками. Но несколько дней Бек-Назаров разговаривал с Мироновым подчеркнуто официальным тоном.

Ничего особенного в этом случае не было. В конце концов вода — это только вода, а выход в неисправном скафандре означал быструю и неотвратимую смерть, поэтому понять состояние новичка профессору было нетрудно. Однако он не мог не признать, что Миронов, сам того не желая, высказал недоверие к товарищу. Несмотря на то, что поведение Миронова полностью обуславливалось инструкцией, эпизод оставил какой-то неприятный осадок.

Были и другие мелочи, обычно проходившие незамеченными в кипучей жизни лунных будней. Но сейчас они вспоминались все сразу, создавая у начальника Станции настроение тревоги и неуверенности. Профессор уже жалел, что послал на головном взездеходе именно Миронова, хотя иначе он поступить просто не мог. Ни Шредер, ни Бек-Назаров, идущие на «Кузнечике-3», особым мастерством вождения не отличались, а других людей под рукой не оказалось.

Начальник Станции снова покосился на нелепую прическу Тевосяна. «Кому-то из следующей смены придется учиться на парикмахера, — подумал он. — А то стригут ребята друг друга как бог на душу положит».

Он перевел взгляд выше, на циферблат часов. Ракетограмма от Чердиченко запаздывала.

Над темным овалом экрана настойчиво мигал зеленый глаз — Земля требовала связи. Профессор нажал кнопку.

— Иннокентий Борисович, мы отыскиали жену Федосе-

ева, — возбужденно заговорил с экрана молодой секретарь Астросовета. Он работал на связи со Станцией всего несколько дней и, выходя в эфир, каждый раз сильно волновался. — Она сказала, что Петр Иванович обязательно будет смотреть сегодняшний матч. Он взял в машину телевизор.

— Какой матч? — спросил недоуменно Смольный и тотчас вспомнил, что обитатели Станции с нетерпением ожидали полуфинальной встречи на Кубок мира между сборными СССР и Англии, которая транслировалась из Лондона по всемирной сети телевидения. Судя по времени, уже шел второй тайм.

— Ну и что же? — спросил Смольный равнодушно. Футбол сейчас не интересовал начальника Станции. Гораздо больше его занимало другое — почему запаздывает ракетаграмма от Чередниченко.

— А вот послушайте, — сказал секретарь, протягивая руку к пульту.

И тотчас же из динамика раздался рев двухсот тысяч глоток, сквозь который с трудом прорывался голос комментатора. На экране было видно, как клубок алых и белых маек катился по изумрудной траве к воротам советской сборной.

— ...ный и быстрый нападающий. Его точные передачи всегда очень опасны. Вот и сейчас он обходит нашего защитника и навешивает мяч на ворота. Сейчас будет удар!

Динамик загремел так, что Смольный даже поморщился. Но мяч прошел высоко над штангой и упал на трибуны.

— ...не удалось изменить счет, — расслышал, наконец, профессор. — Я воспользуюсь короткой паузой в игре, чтобы напомнить зрителям...

Голос прервался на полуслове, и на секунду стало очень тихо. Затем динамик заговорил снова.

— Товарищи телезрители! — сказал кто-то — уже не комментатор. — Я обращаюсь к вам по совершенно неотложному делу. Возможно, что эту игру смотрит сейчас Петр Иванович Федосеев. Его срочно вызывает Лунная Станция. Петр Иванович! Если вы слышите меня, немедленно, не теряя ни секунды, свяжитесь с Астросоветом. Повторяю: Петр Иванович Федосеев! Вы должны немедленно связаться с Астросоветом. От этого зависит жизнь человека.

Вратарь на экране разбежался и ударил по мячу. Тотчас же стадион исчез, и перед Смольным снова появился взволнованный секретарь.

— Вы слышали? — спросил он. — Думаю, что скоро Федосеев объявится.

— Пожалуй, что так, — пробормотал профессор. — Конечно, он сидел где-нибудь перед телевизором, забыв про свои удочки.

«Это хорошо, — подумал он. — Уж Федосеев-то придумает, как усмирить свои машины. Лишь бы Чередниченко успел».

Но Чередниченко молчал, хотя прошли все сроки для связи. Он молчал и через час, когда наступило время дать радио-завесу и надо было снова решать, выходить ли Лебединскому навстречу пропавшему вездеходу — может быть, на верную смерть — или отменить весь план и оставить его в куполе, обрекая на мучительную агонию, в надежде на то, что «Потомак» все-таки успеет.

Чередниченко молчал потому, что его разбитый вездеход в это время лежал среди непроходимых скал далеко в стороне от дороги.

Дорога до Базы была проведена еще во время постройки Станции. Ее сооружение не потребовало особых трудов — южная окраина Моря Спокойствия представляла гладкую равнину, на которой требовалось лишь местами выровнять почву да расставить ярко окрашенные металлические вешки с мигающими по ночам лампочками. Вести вездеход между двумя рядами огней было легко даже в полном мраке. Кроме того, вешки очень хорошо были видны на экране радиолокатора. Словом, поездка по такой дороге не представляла трудностей ни днем ни ночью. Даже грузовые роботы — «камбалы» с примитивным кристалломозгом благополучно преодолевали путь между Базой и Станцией без всяких происшествий.

С первой секунды пути Чередниченко выжимал из машины все, что было возможно. Утопив клавишу хода далеко за ограничительную защелку, он гнал вездеход вперед, заставляя моторы стонать от напряжения.

Широкий серп Земли, висевший почти над головой, давал достаточно света, чтобы привыкший к темноте глаз различал детали лунной поверхности. Поэтому Чередниченко вел машину, даже не включая фар.

Миронов молча сидел у него за спиной, борясь с подступающей тошнотой.

Быстрая езда на «кузнечике» имела свои особенности. При скорости, близкой к максимальной, тяжелая машина начинала раскачиваться с носа на корму, иногда почти отделяясь от грунта. Отличная амортизация не ослабляла, а даже усиливала качку. Казалось, машина мчится по морю, то и дело взлетая на гребни волн и скатываясь оттуда.

При испытаниях на Земле ничего подобного не наблюдалось. Это обнаружилось лишь на Луне, в условиях уменьшенного тяготения. Исправлять что-либо было уже поздно, и на качку махнули рукой, тем более что на большой скорости никто никогда не ездил.

Сейчас машину болтало основательно. И Миронов с удивлением заметил, что его желудок очень чувствительно отзывается на каждый взлет машины. Впереди было много часов пути, и вскоре он стал думать об этом с ужасом.

Вскоре на экране радиолокатора показалось пятнышко. Это был передовой вездеход. Чередниченко обменялся приветствиями по радио со Шредером и Бек-Назаровым. Затем «Кузнечик-3» остался позади, а Чередниченко и Миронову наступило время поменяться местами.

В кресле водителя Миронову стало еще хуже. Оно располагалось в самом носу машины, и качало в нем гораздо сильнее. К тому же впервые за месяцы его пребывания на Луне перед ним на пульте горели две красные лампочки, предупреждающие о том, что механизмы работают на пределе, и это действовало на него угнетающе. Кругом лежали сотни километров безвоздушного пространства, пронизанного потоками космических излучений, впереди ожидали долгие изматывающие часы сумасшедшей гонки в беспросветной мгле, и леденящая трехсотчасовая ночь только начиналась, а кислорода в баллонах было меньше, чем на сутки. Он невольно подумал, что любая неисправность со вторым вездеходом может оказаться для них роковой.

В корме вездехода за толстым слоем биозащиты рвалась наружу неукротимая энергия нейтронных вихрей. Атомный реактор всю свою мощность отдавал ходовым двигателям. Все потребители тока были выключены — радиостанция, фары, освещение и отопление кабины. Скорость «кузнечика» давно была на пределе. Тем не менее ее не хватало на то, чтобы

хоть немного опередить жесткий график движения, составленный электронной машиной.

Чередниченко задумался. По-видимому, большего из вездехода выжать было нельзя. Но в таком случае вся эта рискованная гонка теряла всякий смысл, потому что кислород у Лебединского кончится за тринадцать минут до встречи. Надо было что-то предпринимать.

На вездеходе стояли двигатели, рассчитанные на работу в самых тяжелых условиях. Какая-то светлая голова из конструкторов спроектировала их с большим запасом мощности. Но Чередниченко знал, что реактор не способен дать больше ни ватта, потому что ограничительные стержни держат режим реактора точно в расчетных пределах.

Ему даже стало жарко, когда мысль об этом пришла ему в голову. Стержни выведены уже до отказа. Теперь их можно только снять совсем. Тогда удастся выжать из реактора еще несколько процентов мощности.

Чередниченко участвовал в постройке и испытаниях первых «кузнечиков». Он знал, что, кроме перегрева, реактору ничего не грозит и, если снять только часть стержней, опасность будет не так уж велика.

Захлопнув гермошлем, он открыл дверку, ведущую в двигательный отсек.

Когда, утирая пот со лба, он снова появился в кабине, на пульте мигало несколько красных лампочек.

— Что вы сделали? — почти крикнул ему Миронов. — Мы сейчас взорвемся!

— Я снял ограничительные стержни, — сказал Чередниченко, кладя руку на клавишу хода.

Тотчас же вездеход заметно ускорил движение. Однако вскоре на пульте вспыхнула еще одна красная точка — начался перегрев реактора.

Впервые в жизни Миронов почувствовал, что ему страшно. Ему казалось, что вездеход постепенно превращается в заряженную бомбу, готовую взорваться от любого толчка. И эта бомба, неся на себе двух людей, стремительно мчалась в черной мгле прямо в звездное небо.

Спасительные автоматы контроля были отключены, иначе они давно вмешались бы в управление. Клавиша хода, утопленная далеко за ограничительную защелку, подрагивала под пальцем Миронова, стараясь вырваться. Его вдруг охватило

непреодолимое желание отпустить клавишу хоть немного, чтобы унять выворачивающее внутренности раскачивание, погасить тревожные огни на пульте. Он с трудом удерживался от этого, так как знал, что малейшее снижение скорости означает верную смерть для Лебединского.

Он бросил отчаянный взгляд на часы. Вездеход был в пути меньше двух часов. «Еще семь часов такой пытки, — подумал он. — Я не выдержу».

И тогда его охватила злость на бесконечную дорогу, на восставших роботов, на Чередниченко, который развалился позади него в кресле как ни в чем не бывало, на свое собственное бессилие, на весь этот жестокий лунный мир, освоение которого требовало таких мучений. И эта злость помогла ему держаться.

К счастью для него, настало время отправлять ракетограмму. Чередниченко сел в кресло водителя и взял микрофон. Митронов, из последних сил борясь со спазмами желудка, стал проверять готовность аппаратуры.

На крыше вездехода в коротких вертикальных трубах хранились четыре небольшие ракеты. Сейчас в одной из них закрутились катушки крохотного магнитофона, записывая на тонкую проволоку слова Чередниченко. Через несколько минут ракета рванулась на сто километров вверх, на лету расправляя свои антенны. В верхней точке подъема, где кривизна лунной поверхности уже не скрывала Станцию, катушки за доли секунды выплеснули свою информацию в эфир — раз, другой, третий, четвертый, а приборы Станции записали ракетограмму на такую же проволоку, чтобы тут же переписать ее на обычную ленту, но уже с нормальной скоростью.

Об этой-то ракетограмме сообщил Смольный Лебединскому за несколько минут до того, как связь с Базой прервалась.

На шестом часу пути дорога вошла в горы, отделявшие Море Спокойствия от Центрального залива. Чередниченко сверился с картой и задумался.

Облегченная машина шла легко и ровно. Но ее скорость была на пределе, и ее не хватало, чтобы вовремя дойти к той точке, в которой у Лебединского кончится кислород.

Оставался один выход. Когда-то Степан участвовал в прокладке дороги и хорошо знал эти места. Через несколько кило-

метров дорога опишет крутую дугу, единственную на всей трассе, огибавшую возвышенный горный район. В свое время предполагалось проложить ее напрямик, и Степан исколесил эти места при прокладке трассы. Потом от этой мысли отказались и проложили путь в обход. Степан помнил, что часть будущей дороги была даже размечена. Но ему ни разу не приходилось пересекать горы ночью.

Он остановил вездеход. Тотчас же над его плечом тяжело задышал Миронов.

— Что случилось? — хриплым шепотом спросил он.

— Надо идти напрямик, Олег Николаевич. Иначе нам не успеть, — сказал Чередниченко.

Последние часы пути окончательно измотали Миронова. Совершенно обессилев, он мотался в кресле, с трудом удерживаясь, чтобы не броситься к Чередниченко и не оторвать его руки от клавиатуры управления. Несколько раз он почти терял сознание, пока очередной приступ морской болезни не приводил его в чувство.

Чередниченко видел состояние товарища, но был бессилен помочь ему. Для этого надо было снизить скорость, но вот этого-то он сделать не мог. Проклятая качка начала действовать даже на его железный организм, но пока что Степан успешно сопротивлялся. Сменив Миронова в начале пути, он дальше вел машину сам, не требуя подмены.

У Миронова сил уже давно не было. Поэтому он почти обрадовался неожиданному решению Чередниченко. Он очень хорошо знал, что ждет их впереди, он наизусть помнил пункт инструкции, строжайше запрещающий ночное движение в горах, но сейчас предстоящие опасности казались ему нереальными и маловероятными. Он был готов на любой риск, только бы прекратилась качка, буквально убивавшая его. И он согласился.

Огромные немигающие звезды окружали вездеход со всех сторон. Прямо по курсу клубились облака бриллиантовой пыли, и среди них, величаво раскинув крылья, плыл Лебедь, держа в клюве огромный изумруд Денеба. Над самым вездеходом висел полумесяц Земли, окруженный голубой дымкой атмосферы. Откуда-то из-под машины выбегал двойной пунктир огоньков и крутой дугой уходил влево, пропадая за невидимым горизонтом, намеченным крапинками звезд.

Чередниченко положил руку на пульт. Из фар вездехода

вырвались невидимые в пустоте потоки света и легли изломанными сияющими пятнами на дорогу.

— Объявляю готовность номер один. Закрывать гермошлем, пристегнуться к креслу, — Чередниченко бросил взгляд на часы.

Вездеход медленно двинулся вперед, подмял ближайшую вешку и сполз с дороги.

Первые минуты пути были сравнительно легкими. Затем начался ад.

«Кузнечик» был идеально приспособлен для передвижения по лунной поверхности. Его суставчатые ноги с гусеничными башмаками легко несли машину над всеми неровностями почвы. Там, где пробирался «кузнечик», не мог бы пройти ни гусеничный вездеход, ни шарокат, ни любой другой движущийся механизм из всех, которые когда-либо действовали на Луне.

Но сейчас тяжело приходилось даже этой могучей машине. Скорость упала сразу, и защелку на клавише хода уже не приходилось удерживать вручную. Но не это беспокоило Чередниченко. Важно было другое — не сбиться с правильного направления.

И все-таки он сбился. Он заметил это потому, что каменный хаос стал вдруг угрожающим. Путеводный Денеб по-прежнему сверкал впереди, но на одном из многочисленных зигзагов вездеход уклонился в сторону от наиболее легкого пути. В чернильной темноте, окружавшей машину, не было видно ничего — ни скал, ни неба. Только впереди светилась фантастическая белая дыра в стене мрака, пробитая лучами прожекторов, и по ней метались непроницаемо черные тени.

Дважды путь пересекали широкие трещины. «Кузнечик» с легкостью перепрыгнул через них — прыжки на облегченной машине для Чередниченко не представляли большого труда. Но вскоре под вездеходом обрушился непрочный каменный карниз, и машина перевернулась. Она упала и покатилась дальше. Но автоматический стабилизатор замедлил кувыркание, и Чередниченко, повисший на ремнях вниз головой, успел выбросить в сторону все правые ноги машины и поджать левые.

Распластавшись на каменной осыпи, машина замерла. Чередниченко с трудом перевел дух и бросил взгляд на прибор-

ры. Кажется, все в порядке. Только перед глазами плавали белые мушки. Он протянул руку, чтобы протереть глаза, но пальцы наткнулись на стекло гермошлема.

— Как вы, Олег Николаевич? — невнятно спросил он.

— Жив, — прошелестел в шлемофоне голос Миронова.

Вездеход шевельнулся и сполз с осыпи. «Вперед, только вперед, — подумал Чередниченко. — Все равно пройдем». Он знал, что машина может пройти везде. Для нее недоступны только вертикальные стены. Он посмотрел на часы. Через несколько минут Лебединский выйдет из купола. Пора посылать ракетограмму.

Но послать ее не удалось. Легкие трубы, в которых хранились ракеты, оказались сплюснутыми, когда машина опрокинулась.

Все, что произошло в продолжение следующего часа, было заполнено сумасшедшим соревнованием с секундной стрелкой. Машина бросалась на штурм каменных громад, как ледокол на торосы. Ее швыряло по застывшим волнам каменного моря, она карабкалась, скатывалась, прыгала, скользила. В первые же четверть часа с двух ее ног были сорваны гусеницы. От тяжелых ударов вышли из строя приборы. Напрасно Чередниченко бросал взгляды на индикатор, сообщавший о появлении в зоне радиовидимости спутников связи — индикатор не загорался, хотя за это время спутники два раза, не меньше, прошли над вездеходом. Несколько раз рывки были такими сильными, что пристежные ремни едва не раздавили Степану грудную клетку. Вдобавок что-то произошло с системой терморегулирования, и в скафандре начала подниматься температура. Пришлось выключить обогрев совсем.

Во время коротких остановок, когда машина, одолев очередное препятствие, на секунду замирала перед новым броском, Степан бросал быстрый взгляд на черное небо, выискивая путеводный Денеб. Далекая равнодушная звезда смотрела из невообразимой дали немигающим холодным взором. До нее было так же далеко, как и в первый миг этой сумасшедшей гонки. Но Чередниченко знал, что это впечатление обманчиво и дорога должна быть уже близко.

Она действительно была близко. До нее оставалось меньше двух километров, когда рука Чередниченко дрогнула и «кузнечик», сорвавшись с края широкой трещины, медленно рухнул вниз, чтобы больше уже не двигаться.

Самым трудным было заставить себя следить за циферблатом. Голова раскалывалась от нестерпимой боли. Где-то внутри черепной коробки глухо бормотал голос начальника Станции — о чем-то напоминал, требовал, приказывал. Звон в шах не мог заглушить этих слов, но вникнуть в их смысл никак не удавалось.

Одно Лебединский ясно представлял себе: если он потеряет сознание, ему конец. Поэтому чудовищным усилием воли инженер заставил себя считать секунды на большом циферблате, который висел перед его глазами. Он уже не помнил, для чего это нужно, но упорно считал и считал.

Пожалуй, все было бы хорошо, если бы не этот надоедливый голос. Надо было немедленно что-то вспомнить, но голос мешал сосредоточиться. С огромным трудом Лебединский нажал кнопку у пояса, чтобы выключить голос, но тот не умолкал. Лебединский хотел удивиться, но это было ему не по силам. Тем не менее он вспомнил про существование радиостанции. Свесившись с кресла, он почти лег на пульт, шаря перчаткой по кнопкам. Голос взревел с чудовищной силой. Пришлось прислушаться.

— Федор Ильич, вам пора выходить. Почему вы молчите? Прошу ответить, слышите ли вы меня. Сейчас над вами спутник. Отвечайте, Федор Ильич. Включите подачу кислорода, закройте гермошлем и вставайте.

Голос профессора гремел под куполом, врывается в мозг. Он напоминал, требовал, приказывал. И Лебединский понял, что обязательно должен встать.

После нескольких попыток ему удалось оторваться от кресла. Но он тут же упал на пол.

Боль от удара вернула его к действительности. Не вставая, он повернул вентиль и почувствовал, как бодрящая струя кислорода вливается в легкие. Он захлопнул гермошлем, чтобы не потерять ни одного кубика драгоценного газа, затем поднялся на четвереньки и посмотрел на часы.

— Иду, — сказал он и встал. — Давайте завесу.

Через полторы секунды эти слова были услышаны на Земле, и невидимые потоки энергии помчались через черное пространство. На Станции профессор Смольный нажал кнопку контрольного секундомера. С этого момента все подчинялось бегу его стрелки, отмерявшей минуты жизни Лебединского — может быть, последние минуты.

Поворотом рубильника Лебединский включил прожекторы на куполе, и слепящий свет залил кратер. Теперь можно было выходить.

Но напрасно нажимал он на дверь шлюзовой камеры. Она не поддавалась. Он быстро проверил, открыты ли запоры, взглянул на манометр. Все было в порядке, но дверь не открывалась. Его охватил страх. Он с разбегу ударил дверь плечом, рискуя повредить скафандр. Она даже не вздрогнула. В отчаянии Лебединский оглядел тесный купол, ища что-нибудь тяжелое, чем можно было бы высадить проклятую дверь. Наверное, он даже застонал, потому что Смольный сразу спросил его, в чем дело.

Голос начальника Станции заставил его взять себя в руки.

— Все в порядке, — сказал он. — Сейчас я открою шлюз.

Он еще раз взглянул на приборы. В чем же дело? Что он мог упустить из виду? На мгновение ему пришла в голову дикая мысль, что это взбунтовавшиеся роботы держат дверь с той стороны. Но сигнализация показывала, что наружная дверь закрыта, а стоящий в шлюзе скалолаз был надежно экранирован непроницаемыми стенами от радиоприказов «бегемота».

Он прекрасно помнил, что несколько часов назад дверь закрывалась совершенно свободно. Что могло произойти за это время?

Автоматическая блокировка не позволяла открыть дверь, если снаружи и внутри была разность давлений. Но манометр показывал, что в шлюзовой камере нормальное давление.

И тут он понял, в чем дело. Уже много часов он находился в замкнутом объеме, где запас воздуха не пополнялся. Он знал, что легкие человека при каждом вдохе поглощают до четырех процентов попавшего в них кислорода и превращают его в углекислый газ, который исправно действующие регенераторы бесперебойно удаляют. Ясно, что давление под куполом упало — упало совсем немного, на два-три процента, но этого было достаточно, чтобы создать давление на дверь в несколько сотен килограммов.

Он быстро уравнил давление в шлюзе. Дверь открылась. Через полминуты из наружных дверей под лучи прожекторов выкатился робот-скалолаз. Слева, в ста метрах от купола, на-

чиналась дорога к Станции. Робот свернул направо — туда, где суетились остальные машины.

«Это конец», — подумал Лебединский. Его охватило полное безразличие. Стоило столько мучиться. Но он все-таки доложил начальнику Станции.

— Немедленно возвращайтесь в купол, — сразу приказал Смольный. — В аптечке есть снотворное. Примите три таблетки, уменьшите подачу кислорода, ложитесь и ждите вездеход.

— Это бесполезно, — устало сказал инженер. — Кроме того, я не хотел бы умирать спящим.

— Выполняйте приказ, — оборвал его Смольный. — Не теряйте...

Профессор замолчал на полуслове. Лебединский услышал перебивавшие друг друга приглушенные голоса, и затем в его шлеме зазвучал далекий-далекий незнакомый голос:

— Федор Ильич! С вами говорит Федосеев. Немедленно сообщите, что строят роботы. Вы слышите меня? Отвечайте немедленно!

Голос Федосеева звучал приглушенно — очевидно, связной спутник уже уходил из зоны радиовидимости.

— Вас понял, — четко сказал Лебединский. — Но что они строят, мне трудно определить. Это высокие фермы, на которых укреплены наклонные решетки. Больше всего это напоминает радиотелескоп.

— А какая программа задана «бегемоту»? — спросил взволнованный замирающий голос, доносившийся сюда через несколько АТС, коммутаторов и ретрансляторов из маленького подмосковного поселка.

— Программу я вынул перед самой вспышкой, — сказал Лебединский. Яркая, как молния, догадка сверкнула в его мозгу.

— Немедленно... вы слышите... — голос Федосеева прерывался, пропадал, — задайте... программу...

Голос умолк. Но Лебединский уже знал, что делать. Он повернулся и бросился к плюзу.

Миронов очнулся от пронизывающего холода. Он висел на пристегнутых ремнях. В кабине царил непроницаемый мрак. Нащупав замок, Миронов надавил на кнопку. Ремни растегнулись, и он, не удержавшись на ногах, упал на покатый пол.

Поднявшись на колени, он включил головной фонарь, однако вместо яркого света увидел лишь какое-то туманное мерцание.

«Неужели ослеп?» — со страхом подумал Миронов, поднося руки к шлему.

Серебристо-серый туман плыл перед глазами, вспыхивая отдельными искрами. Миронов попытался открыть гермошлем, но забрало не поддавалось. Тогда он понял, в чем дело, и это привело его в ужас.

Стекло гермошлема было покрыто изнутри толстым слоем инея. Очевидно, кабина вездехода разгерметизировалась, и сейчас в ней царил космический холод. Миронов лихорадочно надавил кнопку обогрева стекла. Через несколько секунд по его шее потекли ледяные струйки, и стекло очистилось.

В кресле водителя, бессильно свесив руки, висел на ремнях Чередниченко. В луче фонаря сверкнули осколки каких-то приборов, заблестела лужица замерзшей жидкости.

Миронов понял, что они погибли. Мозг его продолжал машинально работать, подсчитывая жалкие остатки кислорода, измеряя километры пути по непроходимым горам, взвешивая все шансы «за» и «против». Но он уже понимал, что это ни к чему, и, только подчиняясь чувству дисциплины, воспитанному в нем всей предшествующей жизнью, вяло перебирал в уме бесполезные варианты спасения. Его охватило тупое безразличие ко всему на свете. Тем не менее он машинально шагнул к Степану и расстегнул удерживавшие его ремни. Чередниченко застонал.

Этот стон прозвучал для Миронова, как самая сладкая музыка. Он открыл до отказа вентиль кислородного баллона Степана, а затем нажал на его пояском пульте голубую кнопку, отчего под шлемом Чередниченко лопнула маленькая ампула, и в его легкие хлынул живительный тонизирующий газ. Через несколько секунд Степан, пошатываясь, поднялся на ноги.

Еще ни разу в жизни у Чередниченко не было случая, чтобы он не выполнил поставленной перед ним задачи. И сейчас, как только оттаяло стекло гермошлема, он посмотрел на циферблат, вделанный в рукав скафандра. Часы показывали, что Лебединский уже давно находится в пути.

Он бросился к пульту и нажал клавишу хода. Что-то вздрогнуло в механическом сердце машины, ее опущенный нос немного приподнялся. Это было все.

Радость, охватившая Миронова, когда он почувствовал движение машины, была последним ударом по его до предела натянутым нервам. Он снова необычайно остро почувствовал, что заперт в железной скорлупке, брошенной на скалы за четыреста тысяч километров от родной планеты. Он уже не думал ни о Лебединском, которому оставалось жить считанные минуты, ни о своем товарище. Только одна мысль сверлила ему голову: ничего этого не случилось бы, продолжай они идти по дороге.

Остановившимися глазами он смотрел на Чередниченко. Тот что-то говорил ему, но Миронов не понимал ни слова.

Степан вынул из стенного зажима маленький аварийный баллон и прикрепил его у себя на груди. Большие заспинные баллоны сменить без посторонней помощи было трудно, но аварийный клапан на левом плече позволял при необходимости легко присоединять к скафандру любые баллоны.

— Через час вы начнете сигнализировать ракетами, — сказал он Миронову. — Каждые пять минут — ракета. Следите также за спутниками.

Немного неуверенными шагами он прошел по наклонному полу в конец салона и открыл стенной шкафчик. Миронов настороженно следил за ним, не понимая, в чем дело. Степан достал из шкафчика ракетный пояс.

Двадцатый век породил много новых технических видов спорта, стремительных, как само человечество. На смену привычным автомобильным и мотоциклетным гонкам, парашютизму и планеризму пришли водные лыжи и подводные скутера, полеты на воздушных змеях, реактивные лыжи. С развитием космонавтики тысячи людей стали увлекаться полетами на ракетных поясах.

Чередниченко был одним из первых чемпионов страны в новом виде спорта. Прыжки длиной в полкилометра для него не составляли труда. Его последний рекорд оставался непревзойденным уже более трех лет.

Владеть ракетным поясом умели все космонавты. Но на Луне пользоваться поясами избегали из-за трудностей в оценке расстояний — это могло привести к печальным последствиям. Не имея партнеров, Степан тренировался в одиночку, никогда не расставаясь с ракетным поясом. Притяжение Луны было в шесть раз меньше земного, и это позволяло ему совершать такие полеты, о которых на Земле не приходилось и мечтать.

Чередниченко привычным движением застегнул замки пояса. Только тогда Миронов понял, что сейчас останется один в разбитом вездеходе, среди непроходимых скал, и впереди его ожидает триста часов ледяного мрака.

«А как же я?» — с ужасом подумал он и сделал шаг к Степану, чтобы удержать его, но поскользнулся на ледяной корочке и упал навзничь, нелепо взмахнув руками. Степан нагнулся над ним и увидел сквозь стекло гермошлема его странные расширившиеся глаза. Будь у Чередниченко хоть немного времени для размышлений, этот взгляд заставил бы его задуматься. Но неумолимая стрелка отсчитывала уже не минуты, а секунды жизни Лебединского, и это было сейчас важнее всего на свете.

Степан протянул Миронову руку и помог ему встать.

— Я иду навстречу Лебединскому, — сказал он. — Через час подойдет «Кузнечик-3», и мы вернемся за вами. К этому времени выходите наружу с ракетницей. Не забудьте давать пеленги. «Потомак» уже близко, он поможет отыскать вас. Кислорода у вас достаточно. — И он повернулся к выходному люку.

Над разбитым «кузнечиком» горели равнодушные немигающие звезды. Чернильная мгла клубилась со всех сторон. Степан повертел головой, отыскивая Денеб. Вот он — светит как ни в чем не бывало...

На секунду Степану стало жутко. Он знал, что такое ночной полет. Едва поднимешься немного, сразу пропадут верх и низ и не будешь знать, куда ты летишь — прямо к звездам или стремительно падаешь на острые скалы. Он представил, как врзается в склон горы, и поежился.

Помедлив, он положил руки на рычаги управления ракетного пояса...

Этот полет, безусловно, был лучшим достижением Степана Чередниченко. Но он не попал ни в какие судейские протоколы. За него не полагалось грамот и наград. Тем не менее знатоки говорили, что Чередниченко побил все мыслимые рекорды на десятки лет вперед.

Сам Степан уверял потом, что полет был вовсе не трудным. Так это или нет, осталось неясным, потому что никто никогда не решился повторить его.

Продолжался он недолго. Через три минуты Чередниченко увидел под собой двойную цепочку огней и плавно опустился

на дорогу, а затем на остатках горячего длинными прыжками помчался над дорогой, пока в ракетном поясе не кончилось горячее. Еще через десять минут он увидел в луче фонаря уродливого металлического паука, несущего в передних лапах человека в скафандре.

Он шагнул на середину дороги навстречу Лебединскому, торопливо отстегивая аварийный баллон...

А через час с небольшим показались огни второго вездехода, и скоро Шредер, успевший связаться по радио с «Потомком», сообщил, что Фостер слышит пеленги Миронова.

Через пять дней, когда на «Рубине» закончилась смена двигателей, на Луну прилетел Федосеев.

В кратере Базы, залитом светом прожекторов, деловито суетились роботы. Возведенная ими постройка была уже разобрана, спиленные мачты и антенны поставлены на место. О недавних событиях напоминала только груда изрезанных балок, возвышавшаяся рядом с куполом Базы.

После того как помощники Федосеева собрали и отладили свои приборы, роботы были остановлены, и начались многочасовые исследования «бегемота».

Двое суток спустя Федосеев объявил, наконец, что исследования закончены, и в кратере снова закопошились роботы. Федосеев отказался полететь на Станцию, как ни прельщала его мысль об отдыхе. Он плохо переносил уменьшенное тяготение Луны и стремился скорее вернуться в привычный мир Земли.

Смольный и Лебединский приехали проводить гостя. Конечно, первым вопросом было — что же случилось с роботами?

— Самое удивительное в этой истории то, что открытое нами явление известно более двадцати лет, — объяснил Федосеев. — Оно было обнаружено при исследовании головного мозга человека. Но обнаружение его у роботов для нас полная неожиданность.

Вы помните, сколько споров о механизме памяти развернулось в последние десять-пятнадцать лет. Проблема казалась нетрудной, и решения ее ждали со дня на день. Однако и до сих пор память для нас во многом загадка. Поэтому при создании вычислительных машин, а потом и роботов блоки памяти у них пришлось создавать, исходя из совсем иных

принципов, ничего общего не имеющих с человеческой памятью.

Первые наши роботы были примитивными из-за ограниченного объема усваиваемой информации. Создание кристалло-мозга позволило при сохранившемся весе и размерах запоминающих устройств вкладывать в машину в сотни раз больше информации. Тем не менее машины с кристалло-мозгом в принципе ничем не отличаются от первых ламповых и триггерных вычислителей сороковых годов. Вы знаете, что лунные роботы, например, самостоятельно выполняют только самые простые операции. Для того чтобы сделать их универсальными, понадобился главный кристалло-мозг — «бегемот», объем которого превышает четыре кубометра.

А между тем ученые догадывались, что мозг человека имеет гигантские кладовые памяти, неизвестные нам. В свое время Джаспер и Пенфилд обнаружили в коре головного мозга отделы, при раздражении которых электрическим током происходили совершенно необычные явления. Люди приобрели способность вспоминать то, что было давно забыто ими. Одна женщина во время опыта начала читать целые страницы стихов на греческом языке, которого она не знала, но, как оказалось при проверке, слышала в детстве от брата-гимназиста. Люди, лишенные музыкального слуха и никогда не бравшие в руки ни одного музыкального инструмента, вдруг начинали совершенно правильно воспроизводить мелодии, услышанные много лет назад. Однако механизм этого явления до сих пор не раскрыт. Как это ни странно, не выяснено даже, на каком уровне происходит хранение информации — клеточном, молекулярном или атомном.

О том, что подобная память может быть не только у живого, но и у искусственного мозга, мы совершенно не подозревали. Мы считали, что вся информация в кристалло-мозге хранится в тех отделах и в том объеме, которые были заданы нами при конструировании. При введении какой-либо программы запоминающие устройства выдавали исполнительным блокам необходимую информацию в виде последовательности импульсов, сочетание которых определяло характер действий машин. Как только программа извлекалась, кристалло-мозг из активно-действующего центра превращался в пассивное хранилище разобщенных единиц информации.

При сравнительно небольшом объеме мозга роботов-испол-

нителей все это так и было. Но в большом кристалломозге образовались неизвестные нам связи, и он получил способность сохранять в себе отпечатки всех когда-либо выполненных им программ. Отпечатки эти очень слабы, и наши приборы обнаружили их только потому, что мы знали, что искать. В нормальных условиях они никак не могли отразиться на работе машин, хотя емкость памяти, по самым предварительным оценкам, возросла у большого кристалломозга на несколько порядков.

Если бы Федор Ильич не успел вынуть перфокарту до вспышки, мы еще долго не знали бы об этом. Сигналы, извлекаемые программой из блока памяти, настолько сильны, что совершенно заглушают слабые сигналы отпечатков. Но он вынул программу, а поток излучения от мощной солнечной вспышки подействовал на кристалломозг так, как электрический ток в опытах Джаспера и Пенфилда действовал на мозг их пациентов. Отпечатки программ стали действовать как программы. И только введение настоящей программы прекратило это действие.

Сейчас все это кажется простым и ясным, но, когда я узнал о бунте, мне и в голову не пришло, что виной этому отсутствие программы. Прежде всего я подумал о какой-то обычной неисправности, и только слова Лебединского о том, что роботы строят радиотелескоп, натолкнули меня на правильное решение.

Дело в том, что существует проект проведения ряда исследований на Венере с помощью одних только роботов. Предполагается, что таким образом удастся избежать возможных жертв от нападений птероящеров. Чтобы получать от роботов информацию через мощную ионосферу Венеры и контролировать их действия, намечается построить на Венере большие следящие антенны для связи с Землей и спутниками. Незадолго до отправки роботов на Луну были проведены испытания в пустыне Гоби. При этом один умник запрограммировал роботов свободный поиск строительных материалов да вдобавок заблокировал предохранительные цепи охраны человека в рассуждении, что людей на Венере нет. Я узнал об этом поздно и прилетел туда, когда роботы уже разогнали геологическую экспедицию и растащили буровую вышку. Геологи меня чуть не избili.

Но, как говорится, нет худа без добра. Благодаря этой исто-

рии перед нами открылась возможность увеличить емкость памяти кристалломоозга для начала, скажем, раз в сто при прежних габаритах. Если мои догадки верны, то скоро вашего увесистого «бегемота» можно будет заменить крохотным «мышонок». Вычислительные машины будут помещаться в кармане. Каждый студент сможет взять с собой на экзамен целую библиотеку. Думаю, что за два-три года мы справимся с этой проблемой. Кстати, я хотел посоветоваться с вами. Что, если назвать открытое здесь явление «эффekten Лебединского»?

Вылет Федосеева был намечен на лунную полночь. За час до старта «Рубина» на Базу прибыл со Станции «Кузнечик-3», и Федосеев смог, наконец, познакомиться со Степаном Чередниченко.

— К сожалению, Миронов приехать не смог, — объяснил гостю профессор. — Наш врач считает, что его синяки и царапины требуют чуть ли не госпитального ухода, и не выпускает Миронова со Станции. Зато Чередниченко, как видите, здоров и весел...

Наступила полночь, и Федосееву настало время улетать. Возле решетчатых лап лунолета он простился с хозяевами Луны. Двое суток работы в скафандре и короткие ночевки в тесном куполе совершенно измотали его, и он мечтал только об одном — как следует выспаться.

Он поднялся по лесенке на корабль и у двери обернулся.

Внизу стояли три фигурки в скафандрах, от которых тянулись под ракету непроницаемо черные тени. В лучах прожекторов суетились роботы, заглаживая последние следы учиненного ими разгрома.

Федосеев помахал перчаткой и шагнул в шлюз. Лесенка медленно уползла внутрь корабля.

На беззвучном столбе малинового пламени «Рубин» поднялся к зениту и исчез, затерялся среди звезд.

Профессор посмотрел ему вслед и повернулся к Чередниченко.

— С обратным рейсом к нам прибывают два геолога, — сказал он. — На рассвете вам предстоит разведка к Плинию.

Чередниченко задумчиво кивнул. Он не знал, что не вернется из этой разведки, потому что ровно через четырнадцать земных суток, в лунный полдень, он встретится с Эргами.

НЕПРОЧНЫЙ, НЕПРОЧНЫЙ, НЕПРОЧНЫЙ МИР

утешествие началось в подвале. Опасное путешествие через весь Большой Город. Ему вручили огромный неуклюжий сверток, и, когда он взял его в руки, он стал преступником. Его наспех обучили мерам предосторожности: каких улиц избегать, как вести себя при встрече с агентами Службы Безопасности, что отвечать на возможном допросе. Хотели дать провожатого, но он отказался. Зачем? Двое подозрительнее. Опасность, поделенная на две части, остается опасностью. Это все равно что прыгать с моста... вдвоем. Вместо одного утопленника будет два. И только. Пусть уж лучше он потащит через весь город страшный груз, останется наедине с неуклюжим ящиком, где лежит ЭТО.

...Какой все-таки неудобный сверток! Дьявольски неудобный! Будто весь он состоит из углов. Когда держишь его на коленях, острые углы вонзаются под мышки, твердое ребро раздавливает грудь, а руки, обхватившие сверток, деревенеют.

Но пошевелиться нельзя, обратишь на себя внимание. И без того всем мешает твой ящик. В вагоне подземки тесно, как в банке с маринованными сливами. Он любил маринованные сливы. В детстве. Теперь нет настоящих слив. Теперь главная пища — галеты «Пупс». В вагоне все жуют эти галеты. Их жуют всегда. С утра до ночи. Знаменитые ненасыщающие галеты «Пупс». Заводы, синтезирующие галеты, работают круглые сутки. «Галеты «Пупс» обновляют мускулы, разжижают

желчь и расширяют атомы во всем организме...» Как бы не так! Здесь простой расчет — выгоднее продать железнодорожный состав дряни, чем автофургон настоящей еды. Во рту галеты тихо пищат и тут же испаряются. Словно раскусываешь зубами маленькие резиновые шарики, надутые стопроцентным воздухом.

Проклятый сверток сползает с коленей. Руки онемели и словно чужие.

У его отца были камни в почках. Старинный благородный недуг. Сейчас редко кто им страдает. С какой гордостью мать готовила горячую ванну, когда отца одолевал очередной приступ! Пусть все знают, что ее муж болеет исключительной, благородной болезнью! Про галеты «Пупс» не скажешь, что они ложатся камнем на желудок или другие органы. Можешь сожрать пятифунтовую пачку галет и тут же вновь почувствовать зверский аппетит. И жажду. Кругом все жуют пищащие галеты и облизывают сухие губы. Он знает, о чем мечтают пассажиры подземки — на ближайшей станции броситься к автоматам, продающим напиток «Пей-За-Цент». Напиток не утоляет жажды, его пьют в огромных количествах, автоматы торгуют порциями по два галлона каждая, жаждущие подставляют под коричневую струю бумажные ведра...

Сверток все же сполз с коленей!.. Ужасная неосмотрительность!.. Уперся острым углом в чей-то живот, обтянутый зеленым плащом... Только этого не хватало!

Кен Прайс почувствовал, что владелец зеленого плаща пристально разглядывает его. Он ощущал этот взгляд кожей лба и кончиками ушей. Взгляд тяжелый, как свинцовая плита, и пронзительный, как фары полицейской машины. Прайс втянул живот, стараясь запрячь ящик куда-то себе под ребра, прижался к спинке дивана, желая уменьшиться в размерах, сплющиться в лепешку... О ужас!.. Обшивка свертка! Опа лопнула!.. Сейчас все увидят ЭТО — его преступление!.. Скандал, шум, негодующие лица... Тип в зеленом остановит поезд прямо в тоннеле. Холодная сталь наручников вопьется в кожу... В Службе Безопасности его ждет шар — изолятор для особо опасных... Он видел их в кино: стеклянные шары-клетки, висящие на здоровенных кронштейнах вокруг высокой железобетонной башни... Прайс вздрогнул и, не поднимая головы, нелепо выворачивая вверх глаза, отважился взглянуть на владельца зеленого плаща. Тот, сняв очки и близоручко щурясь,

протирали стекла бумажным платком. Прайсу повезло. Тип в зеленом носил дешевые быстротускнеющие очки — через неделю после покупки в них не увидишь и собственного носа. Все тот же Универсальный Торговый Принцип — непрочные вещи покупают чаще. Пусть даже покупают по дешевке, но все чаще и чаще. Ежемесячно, потом еженедельно, ежедневно, ежечасно... В кармане у Прайса громко и протяжно зазвенело, затем так же протяжно закрипело, и вдруг раздался взрыв. Взорвались часы с одноразовым заводом. «Когда кончается завод, часы взрываются удивительно мелодично». Рекламные побасенки! Ничего себе — мелодично! Скрип гвоздя по стеклопластику — вот она, ваша мелодия! Пусть его перепилят быстротатупляющей пилой, если он еще хоть раз купит такие часы. Конечно, если ему вообще придется когда-нибудь что-нибудь покупать. Если он и ЭТО не попадут в лапы агентов безопасности. Прайс сунул руку в карман. Пальцы нащупали нечто вроде комка слизистой глины. Брр... Это все, что осталось от часов. Новейший блицметалл, теперь из него делают массу вещей, даже автомобили. Кажется, его зять имел отношение к этому патенту. Специальный блицметалл с особой структурой ровно за две недели размягчается в слизистую пакость...

Тот в плаще все еще протирает очки, ему теперь не до подозрительных свертков. Зря перепугался! Ясно, что этот в зеленом не имеет касательства к Службе Безопасности. Не такие же они дурни, чтобы напаяливать на своих агентов быстротускнеющие очки.

Обшивка свертка!.. Прайс похолодел. Как он мог забыть про нее! Обшивка треснула сверху и сбоку и расплзается на глазах у всех! Еще секунда — и конец!.. Нет, нет! Все в порядке! Все идет хорошо! Ведь он завернул ЭТО в кусок старой брезентовой накидки, которой его дед прикрывал свой грузовичок. Только снаружи ЭТО обернуто в быстрорасплзающийся однодневный мешок, а внутри — надежный брезент. Отличный кусок брезента, теперь ему цены нет, достался по наследству, другой кусок дед завещал Мэди. Старый брезент надежно скрывает содержимое свертка.

И все же надо сделать еще одну пересадку. Замести следы. С безразличным видом стоять возле дверей и выскочить в последний момент, когда поезд уже трогается. Потом повторить эту процедуру в обратном порядке: дожидаться, пока все не

войдут в вагон, и прошмыгнуть между створками закрывающейся двери. Если никто не стремится за тобой, значит слежки нет. Так его учили там, в подвале.

Прайс сошел у Сентер-ринга и пересек платформу. Прозевал первый поезд, дождался второго, услышал сигнал к отправлению, помедлил еще секунду и, когда створки дверей начали сближаться, ринулся в вагон. Неожиданно навстречу ему выскочил замешкавшийся толстяк. Прайс пошатнулся, пошатнулся и, желая удержать сверток от падения, инстинктивно выставил его вперед на вытянутых руках. Створки двери зажали ящик и выдернули его из рук Прайса. Состав тронулся рывком. В какое-то мгновение Прайс успел заметить, что сверток больше чем наполовину свисает снаружи вагона. Мелькнул красный огонек в хвосте состава, и мрак тоннеля проглотил вагоны. Прайс бросился бежать по перрону вслед поезду. Его толкали. Он разбивал толпу. Перрон кончился. Поезд уносил сверток. Уже ничего не соображая, Прайс соскочил на рельсы. Сзади кричали. Завыла сирена, раскалывая пронзительным звуком плотный и жаркий воздух. Прайс бежал между рельсами. Они казались ему толстыми блестящими змеями, и он боялся, что они ухватят его за ноги. Поэтому он бежал, естественно высоко подпрыгивая. Сирена продолжала завывать. Прайс заткнул уши, упал, сильно ушибся. Вскочил на ноги и помчался вперед. Сбоку, сверху, внизу мелькали световые сигналы, перемигивались светофоры, ярко желтели надписи. Огни сливались и чертили вдоль тьмы сверкающие линии. Он падал еще три или четыре раза. Элегантные ботинки с быстропротирающейся подошвой расплозились, как кожа гнилого банана. Пластмассовым градом сыпались саморасстегивающиеся пуговицы. Воротник однодневной рубашки растаял и жирными каплями стекал по спине. Из кармана выскочил быстротеряющийся кошелек. Пояс из быстрогниющей кожи лопнул. Он бежал, спотыкаясь, придерживая одной рукой брюки. Мир непрочных вещей издевался над ним. А рядом бежал страх. Пожирающий пространство грохот обрушился сзади. Его настигал поезд. Но своды тоннеля обманули Прайса — грохот возвещал о приближении встречного. Ослепительный свет одноглазой фары парализовал Прайса, ноги прилипли к рельсам, он почувствовал дыхание металла — поезд надвигался и рос. Шквал горячего воздуха отбросил в сторону и спас его. Раскаленная пыль вонзилась в лицо, и грохот умчался.

С трудом переступая босыми ногами, он добрался до следующей станции. Его втащили на платформу. Разгоряченные лица. Как их много! Где его сверток? Подошел полицейский. Штраф? Он согласен, получите деньги... Где сверток?.. Он сумасшедший? Нет, вот карточка его психиатра, можете узнать... Где сверток?.. Вызвать санитаров? Спасибо, ему уже лучше... Где сверток?..

Сверток принесли. Изрядно помятый, но целый. Старый брезент выдержал испытание. Никто не увидел, ЧТО скрывается внутри. Никто... О боже! Все обошлось!

Волоча ногу и тихо постанывая, Прайс выбрался на свежий воздух. Он был полураздет и тащился к ближайшим торговым автоматам. Он опускал монеты и всовывал руки, ноги и шею в полукруглые дыры. Автоматы напялили на него однодневные ботинки, приклеили к рубашке одноразовый воротник, пристегнули теряющиеся запонки, залепили дыры быстроотклеивающимся пластырем и всучили модную шляпу «Носи-Бросай». Когда автомат с веселым скрежетом проглатывал монету, мощный динамик выкрикивал: «Все-Для-Вас-На-Один-Раз-Все-Для-Вас-На-Один-Раз». Железные молодчики торговали непрочной дешевкой... Вещи-однодневки. Ненадежные, как веревка из теста. Недолговечные, как кусок льда на раскаленной жаровне. Горсть праха, пригоршня дыма — не больше. Здесь были книги с исчезающим текстом — через неделю перед тобой белые страницы. Чернеющие газеты, которые не успеваешь прочесть и вынужден приобретать следующий ежечасный выпуск. Быстроохолодеющие и легкоплавкие сковородки. Микродырявые канистры. Твердеющие подушки. Засоряющиеся краны. Духи «Коко», начинающие через неделю мерзко пахнуть. Гвозди из блицметалла. Бумажные телевизоры... Их дешевизна не компенсировала их долговечность. Напротив, дешевизна разоряла покупателя. Карусель вынужденных покупок вертелась все быстрее и быстрее, выматывая душу, опустошая карманы...

Последнюю монету Прайс опустил в щель на желтом столбике. В тротуаре откинулся люк, и из него поднялась одноместная скамейка для кратковременного отдыха. После всех передрыг он мог позволить себе такую роскошь. Возле желтого столбика остановилась собачонка. Прайс нагнулся, чтобы придвинуть сверток ближе к скамейке. Собачонка злобно оскалила зубы, и Прайс отпрянул от нее. Бродячие собаки опасны. Крайне опасны! Следуя общему Торговому Принципу, компания

«Шпиц-Такса лимитед» снабжает старых леди комнатными собачками, которые через три недели становятся бешеными. Естественно, что владелицы собачек выбрасывают их на улицу, не дожидаясь истечения гарантийного срока. Получить в ногу порцию ядовитой слюны — кошмар! Прайс схватил сверток, вскочил на скамейку и угрожающе замахнулся на собаку. Собачонка поджала хвост и метнулась в сторону, но тяжелый сверток вырвался из рук Прайса и плюхнулся на асфальт. Тут же прохожие затолкали его ногами, отшвырнули на край тротуара. Болван! Дырявые руки! Испугался жалкой собаки!.. Подними сверток!.. Нет. Не доверяйся первым порывам! Будь осторожен, как верхолаз на телевизионной мачте. Если за тобой следят, то выгоднее сделать вид, будто ты не имеешь касательства к этому свертку, к этой ужасной улке преступления. Сейчас никто не сможет доказать, что сверток принадлежит тебе: ты — здесь, сверток — там. Успокойся! Сядь! Сделай вид, что ты занимаешься своей шляпой, она тоже упала от резкого движения. Подними ее, приведи в порядок. Вот так! Отличная шляпа, специально для хождения по солнечной стороне улицы. Есть и другие шляпы, очень похожие на твою, но они только для теневой стороны, на солнце улечиваются, как дым. Пшик — и все тут! А внутри этой шляпы ярлык «четырнадцать часов под солнцем». Потом, конечно, тоже улечивается... Сверток лежит на старом месте. Все спешат, проходят мимо, никто им не интересуется.

Никто не интересуется? Как бы не так! Блондинка в клетчатом костюме! Остановилась в пяти шагах от Прайса и делает вид, что рассматривает свое изображение в стекле витрины. Можно поклясться, что она притормозила именно в тот момент, когда он швырнул сверток в собаку. Женщина — агент безопасности. Многие домохозяйки подрабатывают в свободное время, выполняя щекотливые поручения Службы Безопасности. Что она рассматривает в этой дурацкой витрине? Ведь это магазин «Для мужчин». Что ей там понадобилось? Бальзам для лысых, превращающийся в Истребитель Волос? Или подтяжки из бумажных веревок?.. Ах, вот в чем дело! Она рассматривает в стекле свой клетчатый костюм. Коричневые полосы, образующие клетки, становятся все шире и шире. Костюм расползается!

Блондинка взвизгнула, обхватила себя руками, придерживая остатки костюма, и с видом купальщицы, входящей в хо-

лодную воду, побежала к ближайшей кабинке для переодевания. На всех перекрестках стояли такие пестрые кабинки, внутри которых ждали очередную жертву автоматы, торгующие готовым платьем.

Прайс неожиданно упал — это скамейка для кратковременного отдыха ускользнула из-под него обратно в люк. Поднявшись, он впервые за этот ужасный день вдруг почувствовал душевное облегчение. С безразличным видом, даже позволяя себе насвистывать, подобрал сверток и зашагал в сторону чetyреста сороковой улицы.

Там был его дом, там его ждали и волновались. И лишь там он почувствует себя в сравнительной безопасности...

Жена встретила его в подъезде. Бедняга! Сколько раз она выбегала встречать? Сколько раз прислушивалась к шагам, стукам, шорохам? Милая! Только ради нее он решился на столь кошмарное путешествие.

Они прошли прямо в кухню, где единственное окно выходило на безлюдный пустырь. Из дальней комнаты доносился визг циркульной пилы. Разумеется, там ничего не пилили, визжала недолговечная пластинка. После десяти проигрываний скрипичный квартет превратился в соло циркульной пилы.

— Ты принес ЭТО? — спросила Сали.

Она не решилась назвать содержимое свертка, как суеверный дикарь не называет вслух предмет своей охоты.

— Я принес. Ты так просила.

— Разверни, я хочу увидеть.

— Задерни шторы.

— Они рассыпались перед твоим приходом. Но не бойся, милый. Еще утром потемнели стекла в окне. Никто не увидит.

Он снял брезент. Внутри оказался продолговатый ящик из серого картона. Они разорвали картон и поставили посреди комнаты ЭТО.

Это была Кухонная Табуретка. Настоящая! Прочная! Из настоящей сосны. Ее сделали утром в подпольной мастерской, и свежие янтарные капельки настоящего столярного клея блестели так аппетитно, что их хотелось лизнуть языком.

Продажа и покупка прочных вещей были запрещены Федеральным Торговым Законом. Ослушников ждала суровая кара. Но Прайс все же сумел, не побоялся подарить жене в день ее рождения Настоящую Прочную Кухонную Табуретку!

ВОЗВРАТИТЕ ЛЮБОВЬ

Посвящается Е. С. Кнорре

Весь офицерский, сержантский и рядовой состав получают эрзац-копии своих возлюбленных. Они их больше не увидят. По соответствующим каналам эрзац-образцы эти могут быть возвращены.

Хемингуэй

Алые звездочки на свежую стружку. Кап-кап-кап... Бартон нагнулся, чтобы не испачкаться. Теплые струйки стали веселее. Наступило какое-то сладковатое изнеможение. В голове застучал дизель. В каком-то потаенном омуте зашевелилась тошнота.

Он опустился на колени и осторожно прилег. Перевернулся на спину и уперся подбородком в небо. Как можно выше, чтобы остановить кровь. Во рту сразу же стало терпко и солоно. Голубой мир тихо закружился и поплыл. Он еще чувствовал, засыпая, пыльную колючую травку, и острые стружки под руками, и подсыхающую кровь на верхней губе. Но сирены уже не услышал.

Подкатила санитарная машина. Его осторожно положили на носилки и повезли. Еще в пути сделали анализ крови, измерили температуру, подсчитали слабые подрагивания пульса.

Когда через четыре часа Аллан Бартон очнулся в нежно-зеленой палате военного госпиталя, диагноз был таким же определенным, как и постоянная Больцмана. «Острый лучевой синдром». Впрочем, чаще это называли просто лучевой болезнью, или белой смертью, как выражались солдаты охраны.

В палате стояла пахнущая дезинфекцией тишина. Изредка пощелкивали реле регулировки температуры и влажности и сонно жужжал ионизатор.

— Он не мог облучиться. Ручаюсь головой, — эти слова майор медицинской службы Таволски повторял, как заклинание. — Последние испытания на полигоне были четыре дня

назад. Я сам проводил контроль людей после. У Бартона, да и у остальных тоже, разумеется, все оказалось в порядке. Вот в этом блокноте у меня все записано. Здесь и Бартон... Двадцать шестого июля, одиннадцать часов... показания индикатора — норма. А после ничего не было.

— А он не ходил на полигон потом? — спросил главный врач.

— Что он — идиот?

— Но ведь чудес на свете не бывает, коллега.

— Конечно. Если не считать непорочного зачатия. Здесь аналогичный случай.

— Вы полагаете, что именно эту причину мне следует называть генералу? — Главврач иронически поднял бровь.

— А ведь нас с вами это не касается. Пусть сам доискивается.

— Я уверен, что в этот момент он уже создает следственную комиссию.

— Совершенно согласен, коллега. Скажу вам даже больше. Именно в этот момент он включает в комиссию вас.

Таволски достал сигареты, и главврач тотчас же включил вентилятор.

— Что вы уже предприняли? — спросил главврач, устало вытягивая вперед большие с набухшими венами руки.

— Ввел двести тысяч единиц кипарина... Ну, температура, пульс, кровяное давление...

— Нужно будет сделать пункцию и взять срез эпидермы.

— Разумеется. Я уже распорядился. Мочу тоже придется контролировать ежедневно... Если бы знать, что у него поражено! Можно было бы попытаться приостановить циркуляцию разрушенных клеток.

Главврач молча кивал. Казалось, он засыпает. Тяжелые веки бессильно падали вниз и медленно с усилием приподнимались.

— Когда вы сможете определить полученную дозу? — Вопрос прозвучал сухо и резко.

— Через несколько дней. Когда станет ясна кинетика падения белых кровяных телец.

— Это не лучший метод.

— А что вы можете предложить?

Главврач дернул плечом и еще сильнее выпятил губу.

— Надо бы приставить к нему специального гематолога. А?

— Разве что Коуэна?
— Да, да. Позвоните ему. Попросите от моего имени приехать. Скажите, что это ненадолго. Не очень надолго
— То есть... Вы думаете? — тихо спросил Таволски.
— Такое у меня предчувствие. Я на своем веку насмотрелся. Плохо все началось. Очень плохо.
— Но ведь это только на пятый день?!
— Тоже ничего хорошего. — Главврач покачал головой. — Какая у него сейчас температура?
— Тридцать семь ровно.
— Наверное, начнет медленно повышаться... Ну, да ладно, там поглядим. — С видимым усилием он встал из-за стола и потянулся. — А Коуэну вы позвоните. Сегодня же. А теперь пойдемте к нему. Хочу его еще раз посмотреть.

1 АВГУСТА 19** ГОДА. УТРО. ТЕМПЕРАТУРА 37,1.
ПУЛЬС 78. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 135/80

Бартон проснулся уже давно. Но лежал с закрытыми глазами. Он уже все знал и все понимал. Еще вчера к нему в палату поставили батарею гемодитометрических камер. Если дошло до экспресс-анализов, то дело плохо. Кровь брали три раза в день. Лаборанты изредка роняли малопонятные фразы: «Агглютинирующих сгустков нет», «Показались метамиелоциты».

Во всем этом был какой-то грозный смысл.

Бартон почувствовал, как Таволски взял его руку. Подержал и положил назад на одеяло.

— Ну и что вы нащупали, Эйб?

— Вы не спите, Аллан? Наполнение хорошее. Как вы себя чувствуете?

— Престранно, майор. Престранно.

— Что вы имеете в виду?

— Не знаю, как вам объяснить... Понимаете, такое ощущение, будто все это сон, наваждение. Я смотрю на свои руки, ощупываю тело — ведь ничего не изменилось, нет никаких видимых повреждений. Да и чувствую себя я вполне сносно. Только легкая слабость, но это же пустяки. Чашечка кофе или немного сухого джина с мартини — и все как рукой снимет. Так в чем же дело? Почему я не могу подняться? Кто сказал, что мое здоровое тело прощито миллиардами невиди-

мых пуль? Кто это знает? Почему я должен в это верить? Я больше верю своему телу. Оно такое здоровое с виду. Разве не так? И тогда я приподымаюсь, сажусь на постель, подкладываю под себя подушку. И медленно приливает к щекам жар, затрудненным становится дыхание, обессиливающий холодный пот выступает на лбу, горячий пот заливает горло. Мне делается так плохо, так плохо... И я падаю обратно на постель и долго-долго не могу прийти в себя. Все изменяет мне, все лжет. Мое тело, память, логика, глаза. Вот как я чувствую себя, Эйб. Престранно чувствую. Теперь вам понятно, что значит престранно?

— Я все понимаю, док. Но вы не должны так больше делать.

— Не должен? Что не должен? Чувствовать себя престранно не должен?

— Я не о том. Вам нельзя подыматься. Нужно только лежать.

— Зачем?

— Вы же умный человек, док. Гениальный физик! Мне ли объяснять вам, зачем нужно лежать?

— Да. Объясните, пожалуйста, зачем. Мне не понятно. Я обречен, а мне нужно лежать. Какой смысл? Впрочем, к чему этот спор, я все равно не могу подняться. Какая престранная штука, эта невидимая смерть. Ты ничего не чувствуешь, ничего не знаешь, но ты уже обречен. Часы заведены, и мина все равно взорвется. Будешь ты слушать врачей или нет, мина все равно взорвется. Так-то вот, Эйб... Расскажите лучше, что там нового на базе.

— Господи, что там может быть нового! Все ужасно обеспокоены, очень сочувствуют вам. Хотят вас видеть.

— Не надо. Я не хочу никого видеть.

— Понимаю. Но вы напрасно отпеваете себя. Вот увидите, все окажется не таким уж страшным. Мы вас подыдем... Прежнего здоровья у вас уже, конечно, не будет, но мы вас подыдем. Ничего угрожающего пока нет.

— Скажите честно, Эйб, сколько я схватил?

— Не знаю, Аллан. Не знаю! Мы ведь понятия не имеем, где и как это произошло. Откуда же тут знать дозу?.. Погодите немножко, все скоро прояснится.

— Ну примерно, Эйб, примерно! Больше или меньше шестисот?

— Ничего не могу вам сказать. И притом откуда вы знаете, что шестьсот рентген — летальная доза?

— Читал.

— Ерунда это. Все зависит от вида излучения и от того, какие органы поражены. Я знал одного. Он поймал тысячу двести... Выкарабкался. А другой, у него всего... В общем не забивайте себе голову дурацкими мыслями. Может быть, вы бы хотели увидеть кого-нибудь из близких? Скажите. Я общу.

— Нет, Эйб. Спасибо. У меня нет близких, с которыми мне бы хотелось повидаться... Теперь. Потом — не знаю, а сейчас — нет, не надо.

— Принести вам что-нибудь почитать? Это развлечет вас. Я назначил вам капельное вливание глюкозы на физиологическом растворе. Довольно утомительная процедура. В это время лучше всего читать. Хотите какой-нибудь детектив?

— Спасибо, Эйб. Принесите лучше фантастику. Она не только отвлекает от болезни, но и от работы тоже. Создает эффект присутствия. Точно ты все еще всемогущий теург-исследователь, а не полутруп. Нам, физикам, все время надо подсовывать какую-нибудь работу. Простой для нас опасен. Фантастика очень удачный эрзац. Достаньте мне фантастику, Эйб.

2 АВГУСТА 19** ГОДА. НОЧЬ. ТЕМПЕРАТУРА 37,2.
ПУЛЬС 78. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 137/80

У меня нет близких, которых бы я хотел увидеть здесь? У меня нет близких?! А Дениз? Отчего так кружится голова? Пространство свертывается в трубу и вытягивается в конус. Как гулко и звонко здесь эхо! Скорее в этот тоннель из световых колец. Скорее назад. И я увижу Дениз.

Сверкает ночь. Горят, переливаются, мигают газосветные трубки реклам. Многоэтажные отели залиты светом. Они кажутся прозрачными, как желтые чуть затуманенные кристаллы. Безлюдно шоссе. Неподвижны араукарии и драцены. Пустынен и темен пляж. Сказочный лес из поникших конусов. Это спущены разноцветные тенты. Где-то играет музыка. И в такт ей бухает гулкий прибой. Слева от нас казино и ночные бары. Ветер приносит запах духов и вянущих фруктов. Справа — черный провал океана и пляж, который кажется затонувшим.

Еле видны огоньки судов на внешнем рейде. Моргает белый циклопий глаз маяка. А мы идем по затененной листвою дороге. Мимо разноцветных огней и освещенных витрин, вдоль призрачного пляжа.

Но вот дорога раздваивается. Освещенный рукав сворачивает к океану. Это путь на пирс. И влекомые властной традицией, мы идем в черноту, чтобы целоваться под фонарем, угавающим в мутно-зеленом островке светлой воды. Мы одни на дороге, но там мы не будем наедине. И все же идем, словно притянутые магнитом.

На пирсе старик рыболов. Он ведет над бездной длиннущее удилище. Стайка узких темных рыб приплыла на огонь. Они качаются в молочно-зеленом прибое, потом исчезают в черной, как нефть, воде и вновь возвращаются, пересекая рожденную раскачивающимся фонарем границу. А старик суетится. Мечется по пирсу, перевешивается через перила. Он без усталости водит удилищем, но рыба клюет так редко. Он ловит на живых креветок. Я бы сам поймался на такую наживку, а глупая рыба не хочет. Вся стая качается на волнах, ослепленная, замороженная. Исчезает под пирсом и опять появляется. У старика на животе противопогазная сумка. В ней еще трепыхаются пять рыбок. Он показал нам их, и глубокие морщины на его лице разгладились от детского счастья. Он доволен, полночный рыбак.

Океан разбивается о сваи в мелкие брызги. Соль и свежесть тают на наших губах. Скамейки и шезлонги залиты водой. Головы неподвижно застывших парочек тоже сверкают влажным блеском.

Мы уходим назад, в темноту. И я вижу в конце аллеи яркую малиновую точку. Мы почти бежим, чтобы, задыхаясь от смеха, увидеть еще одного ночного сумасшедшего — продавца жареных орехов, раздувающего угли в дырявой железной жаровне.

Потом, держа в руках горячие благоухающие дымом пакеты, опять спешим в темноту, чтобы броситься на еще не остывший песок. Я вырываю ямку и осторожно опускаю туда горящую зажигалку. Вот наш крохотный островок среди ночи, в которой утопает мир. Красноватые отблески ложатся на лицо Дениз. А тени под глазами становятся еще чернее и глубже. Три черных провала: глаза и рот. Мы плывем через вечность — два маленьких теплых комочка, вдруг поверивших

в сказку. Нам кажется, что мы приблизились к великому таинству, и тоже будем вечны, и наша любовь останется вечной.

Я сказал ей потом: «Три года». — «Целых три года!» — сказала она. «Всего три года», — поправил я. Подумать только, через одиннадцать месяцев истекает срок моего контракта. Не истекает, истекал. Теперь время остановилось, и контракт пролангирован до страшного суда.

Я нигде не писал о Дениз. Ни в одной из анкет. Для военного ведомства у меня нет невесты. Иначе бы с нее сняли молекулярную карту. Теперь, даже если захочу, мы никогда не увидимся с ней. Юридически она посторонний человек. А посторонним лицам нечего делать на секретной базе. Ее даже не пустят в зону, если она каким-то чудом узнает обо мне и захочет приехать. Но она не узнает. Писать отсюда можно только близким родственникам, а Дениз — постороннее лицо. Ее адреса нет в спецреестре на пункте связи. Если я напишу ей письмо, его все равно задержат.

Вот какой ценой приходится расплачиваться за отказ от молекулярной карты. Даже о том, что меня не стало, она узнает только год спустя. Но все правильно. Иначе уже завтра утром я бы увидел у своей кровати молекулярную копию. Куклу, которая может ласкать и лить слезы. У нее тугая теплая кожа, тот же голос и смех, та же привычка натягивать чулок, выбросив вперед античную ногу. А ты ведь так одинок здесь, так истосковался. И ты не заметишь подмены. Ты не успеешь за две недели короткого счастья заметить обман. И кукла простится с тобой, и ты поцелуешь холодную мокрую щеку. Прощай, прощай! Прощай, уникальный дорогостоящий автомат, ты никогда не разгласишь стратегических секретов!

К нам на далекий полигон, где беззвучно и невидимо взрываются нейтронные бомбы и гамма-люстры, иногда приезжают женщины. Раз в год на две недели. Мне кажется, что все они куклы. Иначе почему же потом мужчины так горько и тупо пьют в одиночку? Напиваются вдрызг, разливая, как воду, «красную лошадь»? Отводят глаза, презирая самих себя, люто и остро тоскуют?

А быть может, все это не так, и к ним приезжают настоящие женщины из плоти и крови? Молекулярные копии производят лишь в самых экстренных случаях. Интересно, то, что случилось со мной, — это экстренный случай?

И все же, наверное, это нужно испытать самому, прежде

чем пытаться понять тех, других. Я не верю, что можно повторить и Дениз. Нельзя же вернуть ушедшие мгновения, и ту ночь на пляже тоже нельзя вернуть. Как бы ни была совершенна новая форма, она всегда нова. Нова во времени. У нее нет прошлого, а только чужая память. Память Дениз о той ночи, но не Дениз, прошедшая через ночь.

Я слышал историю одного летчика. Он служил в наших войсках, действующих в джунглях. Маленькая локальная война. Но на таких войнах тоже убивают. Их базу атаковали ночью.

Нападающие появились, точно гномы из-под земли. Они пустили на проволоку каток для укладки асфальта. В жутких искрах, с шипением и треском, он врезался в электрическое ограждение и смял бетонный столб. Потом застыл — дымящийся, весь в черных пропалях от крошечных молний. Они бросились в эту узкую брешь с винтовками на груди и фанерными листами над головой. По фанерным мосткам, по узким, изолированным одеялами лазам хлынула желтая река. Завыли сирены. С вышек ударили снопы света. В лучах прожекторов плясали струи дождя и дымились туманные ключья (был период муссонов). Они пустили ручные реактивные снаряды, и прожекторы потухли в нестерпимых магниевых вспышках. Наши ввели в бой огнеметы. Раскаленные клубы напалма, оттесненные угольными струями, зажгли землю перед первой линией окопов. Маленькие худые люди с автоматами Доуса и кривыми мечами падали в светящееся облако, прижимая руки к глазам. И все же их было слишком много. Они все лезли и лезли сквозь проволоку. По ограждению ударили пулеметы. Трассирующие пули перечеркивали темные фигурки. Но на месте упавшего оказывался новый. В окопы полетели гранаты и фосфорные бомбы. В разных концах базы раздались взрывы. Рвались неведомо кем подложенные пластиковые заряды. В окнах офицерской столовой полетели все стекла. Загорелся гараж. Из шести вертолетов уцелел всего один.

Наши зарядили автоматы специальными дисками. Пуля с белым пояском превращала человека в пыль. С истерпческим воем почь и туман прошили желтые нити. Казалось, наступление захлебнулось. Еще секунда такого огня, и противник не выдержит. Но откуда-то из римбы * по базе ударили реактив-

---

* Лес в тропической Азии.

ные минометы. Наступающие усилили напор. От взрыва бензиновой бомбы загорелся штаб. Телефонная связь прервалась. Очаги обороны оказались отрезанными друг от друга. Партизаны сумели закрепиться в районе теннисных кортов и обрушили на наши позиции огонь тяжелых пулеметов. Наши не могли даже высунуться из окопов. Кое-где бой кипел уже в ходах сообщения. Нападавшие мастерски орудовали своими короткими мечами и лучше ориентировались в темноте. Тогда полковник бросил в бой особый отряд разведчиков. В маскировочных балахонах, с респираторами на лице они, как дьяволы, скользнули в темноту. Почти неслышно лопнули гранаты с усыпляющим газом. Разведчики работали бесшумно и в одиночку. Они прекрасно знали свое дело. Через несколько минут ходы сообщения были очищены, а вскоре замолчали и пулеметы на теннисном корте. Опять судьба боя повисла на волоске. Чаша весов заколебалась и пришли в подвижное равновесие.

И опять база вздрогнула под серией взрывов. Легкие танки, прямой наводкой обстреливающие заграждения, вышли из строя. Загорелась библиотека. И вдруг стало светло как днем. С воем устремился в небо сноп огня. Что-то несколько раз хлопнуло, и над землей повисли клубы света и копоти. Удушающе и сладко запахло горящим бензином. Склад горюче-смазочных материалов перестал существовать. Взрывная волна снесла ангар с инженерными машинами. Из выбитых окон штаба, кружась и планируя, вылетали бумажки. Полковник отдал приказ применить молекулярный дезинтегратор. Но тут же выяснилось, что похищены ультразвуковые бор-ройны.

Все дымилось: земля, небо, струящаяся с неба вода. В раскаленном тумане метались темные призраки людей. Разведчиков перебили по одиночке. Бронеавтомобили прикрыли бреши в проволоке. Но вновь заработали спаренные пулеметы на корте. Стало ясно, что основные силы партизан, просочившихся на территорию базы, сосредоточились в северо-западном углу, в районе стрельбища. От окопов первой линии их отделял только широкий бассейн с двумя вышками для прыжков. На этих-то вышках они и устанавливали сейчас пулеметы. Загипнотизированные светом, темные фигурки людей застыли, как в остановленном кадре. С ними было покончено в несколько секунд. Потом ударили наши огнеметы. Напалм пошел

по воде. Но засевшие на другом берегу бассейна партизаны успели вовремя отступить. И все же это им дорого обошлось. Автоматы били почти в упор по отлично видимым целям.

Развивая мгновенный успех, полковник атаковал противника газом. Однако партизаны, неведомыми путями просочившиеся в тыл, сумели подорвать высоковольтную подстанцию, и плазменные шары лопнули в воздухе, полыхнув невероятным фиолетовым светом.

Ракетчики в джунглях тут же усилили огонь. Гранатами и зажигательными бомбами были выведены из строя броневые автомобили, защищавшие ограждение. Большая группа партизан прорвалась на территорию и, неся огромные потери, обошла передовую линию обороны. Стрельба теперь доносилась со всех концов базы. Связи между отдельными районами больше не существовало. Рукопашные схватки в окопах завязывались все чаще. База еще ожесточенно сопротивлялась, но судьба ее была решена. В ничем не защищенные бреши вливались все новые и новые отряды нападающих.

В небо поднялся единственный из уцелевших вертолет. С высоты двухсот футов он расстреливал атакующие группы, перелетая с одного конца базы в другой.

С вышек, которые к тому времени уже были заняты партизанами, открыли огонь. Пришлось подняться. В исходе боя не могло быть сомнений. Внезапно пилот заметил мечущуюся среди дыма и пламени женскую фигурку. На базе была только одна женщина — жена полковника, приехавшая к нему на две недели.

Вертолет пошел на снижение. Над самой землей, не переставая вести огонь, стрелок раскрыл дверцу и выбросил лесенку. Женщина вцепилась в нее и замерла. Пилот начал поднимать машину. Тогда женщина зашевелилась и быстро-быстро стала карабкаться по раскачивающейся лесенке. Стрелок высунулся, подхватил ее и втащил в кабину. И, медленно и тяжело накренившись, полетел вниз, прошитый автоматной очередью. Пилот захлопнул дверцу и взмыл вверх.

Сделав над пылающей базой круг, вертолет полетел к океану, где у самого берега стоял атомный авианосец с эскортом судов охраны.

С базой к этому моменту все было кончено. Партизаны добивали последних ее защитников. Часто оборачиваясь назад,

пилот и женщина еще долго видели пылающее во мраке мамино кольцо.

Но вертолет не дотянул до океана. Из-за нехватки горючего летчик совершил вынужденную посадку в заболоченной римбе. Огромный двадцатипятилетний детина и маленькая женщина, на глазах которой обезглавили ее мужа, оказались заброшенными в душной и смрадной мангрове среди причудливых сплетений воздушных корней. Повсюду шуршали крабы, и даже рыбы здесь сидели на суше, тараща огромные невыразительные глаза. Женщина поминутно вскрикивала — ей повсюду мерещились змеи. Холодные скользкие грибы, источенные слизняками, то и дело касались ее, и она опять вскрикивала, гадливо поеживаясь. А через несколько часов место, которого коснулся гриб, опухало, и она принималась плакать, горько жалуясь на судьбу. Словом, она вела себя, как всякая цивилизованная женщина, очутившаяся вдруг в джунглях. Но пилота не оставляло подозрение. Он-то знал, кто может приехать на стратегическую базу на две недели. И он следил за ней денно и ночью, точно старался уличить ее в каком-то страшном поступке.

Его подозрительность росла с каждым днем. Кое-какие основания для этого были. Женщина стала вести себя с ним так, словно это не она совсем недавно, спрятавшись среди бочек, видела, как пронесли на бамбуковой палке голову ее мужа. Впрочем, и на него временами накатывала волна какого-то помутнения. Он и сам забывал тогда, что у нее был муж — его хороший приятель, и ему начинало казаться, будто она всю жизнь провела с ним и к нему приехала на эти две недели. Он готов был поставить жизнь против никеля*, что и она в эти минуты думала так же.

Но потом на него находило. Изводил ее дикими расспросами, порой жестоко бил, чтобы через минуту молить о прощении, осторожно снимая губами слезинки с ресниц. Горькие, соленые слезинки. Как-то он разбил ей губы в кровь и с напряженным любопытством следил за тем, как тонкая алая струйка сбегает по подбородку и расплывается на сэйлоновой блузке ржавым пятном.

На другой день он бережно и нежно целовал коричневую корочку на распухшей губе и плакал от раскаяния и счас-

---

* Мелкая монета.

тя. А через час спрашивал, всегда ли так быстро свертывается у нее кровь.

Они пробирались сквозь джунгли по компасу, сгибаясь под тяжестью рюкзаков. Покидая вертолет, они забрали с собой всю провизию. Но с каждым днем рюкзаки становились легче, а конца мучительному пути все не было. Она кротко и безропотно сносила самые страшные оскорбления. И это еще больше настораживало и раздражало его.

Припадки буйства овладевали им все чаще. То мольбами, то побоями он во что бы то ни стало хотел вырвать у нее признание. «Кто же ты?» — кричал он. И столько было тоски в этом нечеловеческом вое, что где-то в джунглях отзывались на него звери и долго-долго не могли потом успокоиться.

А она, казалось, не понимала, чего он от нее хочет. Легко переходила от слез к смеху, преданно следила за ним большими фиалковыми глазами, осыпала его ласками.

И как-то ночью, когда вокруг, точно глаза хищников, светились грибы и звери неведомыми тропами шли на водопой, он совсем обезумел. «Я должен знать, кто ты, — хрипло сказал он. — Я больше не могу так. Скажи мне, кто ты... Признайся! Прощу тебя...»

Он разбудил ее. Но она по-прежнему не понимала, чего он от нее хочет, или делала вид, что не понимает. Тогда он стал душить ее, с ужасом сознавая, что делает нечто страшное и непоправимое, но не в силах остановиться, спокойный и безумный, с большой раздвоенной психикой. Когда она дернулась и затихла потом в его руках, он закричал как ребенок. Рванулся. Запутался в парашютном шелке. Слепленный, махал руками. Наконец как-то выбрался и побежал, продираясь сквозь влажные колючки. Он бежал и все пытался рассмотреть свои руки. Но было темно, и он ничего не видел, а все бежал, бежал. Так он и не понял, что все же произошло, не разрешил ничего, не избавился. Бежал и все спрашивал ее, пытаясь разглядеть свои руки. Но только летучие собаки бесшумно пронеслись над ним.

Из леса он вышел заросшим и грязным, с дикими блуждающими глазами, обведенными землистыми кругами, ясно видимыми на нездорово-зеленой коже. Говорят, он напоминал сумасшедшего лемура, если только лемуры могут сойти с ума.

Его поместили в психиатрическую больницу. С помощью хемотерапии кое-как вправили мозги. Но, по-моему, он так и остался свихнувшимся. Недаром некоторые принимают его рассказ за маниакальный бред. Ведь он один уцелел из всего гарнизона и долго шатался в римбе. Но кто может знать... Он же один уцелел из всего гарнизона.

Я почему-то поверил в эту историю. И сразу же представил себе нас с Дениз. Мне сделалось страшно и забко. Будто все это произошло со мной и это я бреду сквозь мокрый туманный лес, а Дениз навсегда осталась там... во мраке. Белые люминесцентные пятна грибов перед глазами и касание мокрой паутины к лицу, а руки никак не разглядеть. Хоть и светятся грибы, а рук не видно. Что-то невидимое то закрывает гриб, то открывает. Это и есть рука. Больше ничего не видно.

Тогда-то я и поклялся себе, что ни за что не разрешу снять с Дениз молекулярную карту. Ни за что! И хорошо, что так оно и случилось. Я запомню ее такой, как тогда на пляже. Она стояла на коленях перед ямкой, в которой горел огонек, и защищала его руками, будто молилась неведомому богу. Длинная черная тень ее тянулась по тронутому багровыми отблесками песку к крошечному океану.

Вот такой я и запомню ее... Большого и не нужно. Все равно уже ничем и ничему не поможешь. Как смертельно обидно, как больно... Почему это должно было произойти именно со мной? Я так был глупо уверен, что меня минуют все беды и несчастья. Как оно случилось, когда, где? Знать или не знать, какая, в сущности, разница, если ничего нельзя изменить? Сколько мне осталось? Нельзя же так лежать и думать, думать. Слишком мучительно. Надо бы как-то иначе... Но почему я так уверен, что обязательно умру, почему я это так знаю? Бывают же случаи... Вдруг у меня легкая форма?.. Но не надо, не надо! Ничто так больно не точит сердце, как надежда.

3 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

— Как вы его сегодня находите? — Главврач выглядел помолодевшим. Пепельно-серые волосы его были коротко и аккуратно подстрижены. Тщательно выбритые щеки даже слегка порозовели.

— До вас ему, во всяком случае, еще далеко, — усмехнулся Таволски, помогая шефу надеть халат.

— Да что вы, коллега? Есть какие-нибудь сдвиги к лучшему?

— Радиоактивность сывороточного натрия оказалась ниже, чем это можно было предполагать.

— Не очень-то надейтесь на это, — главврач махнул рукой и, как всегда, брюзгливо выпятил губу. — Не обольщайтесь. Это еще ничего не доказывает. Ровно ничего... Как сегодня кровь?

Таволски протянул ему сиреневый бланк.

— Так-с... Лимфоциты, нейтрофилы... — Голос его постепенно затихал, и к концу он уже едва слышно бубнил под нос и раскачивался, как на молитве. — Моноциты, тромбоциты, красные кровяные тельца... — вдруг внезапно вскинул голову и резко сказал: — Отклонения от нормы не очень существенны. Белых телец свыше двадцати пяти тысяч! Но и это ничего не доказывает. Своего рода релаксация. К сожалению, картина скоро изменится... Вы замеряете время свертывания крови?

Таволски кивнул.

— Хорошо. Продолжайте. А как спинной мозг?

— Пункцию, как вы знаете, сделали позавчера... Картина довольно неопределенная. Вероятно, и здесь требуется известное время...

— Да, да, конечно. Как только количество белых телец станет падать, начинайте обменное переливание. Введите в кровь двадцать миллиграммов тиаминоклорида и пятьсот тысяч единиц кипарина.

— Как вы смотрите на пересадку костного мозга?

— Пока повремените. Нужно выявить очаги поражения... Мы ведь все еще не знаем даже приблизительного количества рентгенных эквивалентов. По-видимому, желудочно-кишечная стадия болезни вступает в острую фазу. Надо быть начеку. Интересно все же, затронут ли у него живот...

— Коуэн придет послезавтра.

— Да, да, превосходно... Все же постарайтесь в первую очередь установить, затронут ли живот.

Таволски пожал плечами.

— Скоро десять. Пора на обход, — сказал он, направляясь к умывальнику.

— Доброе утро, Аллан. Как провели ночь?

— Спасибо. Долго не мог заснуть. Всякие мысли... А спал хорошо.

— Вам нужно побольше спать. Снотворное на ночь, — сказал Таволски, обернувшись к сестре. — Я принес вам обещанную фантастику. Сборник коротких рассказов. А сейчас давайте посмотрим вас.

Сестра осторожно приподняла пододеяльник. Бартон чуть поежился и отвернулся к окну.

Таволски внимательно оглядел живот, осторожно касаясь кожи холодными длинными пальцами. Они были желтыми от никотина, так как доктор курил сигареты без фильтра и докуривал их почти до конца. Он долго присматривался к бледно-розовому пятну там, где кончается линия загара. Потом обвел это пятно ногтем и спросил:

— Здесь болит?

— Нет, — ответил Бартон. Ему стало чуть холодно. Кожа покрылась крохотными пупырышками.

Таволски коснулся пятна каким-то блестящим инструментом. Прикосновение холодного металла вызвало легкую дрожь.

— Так. Все в полном порядке. Я доволен вами, Аллан. Читайте вашу фантастику. Я ее терпеть не могу. Мы скоро увидимся опять.

Сестра закрыла Бартона. Но он еще долго не мог согреться и прогнать внутреннюю дрожь...

Он взял книгу.

«— А-а! Добро пожаловать, добро пожаловать! — сказал Дэвис, завидев Питера Бэйкера, и что-то шепнул бритому.

— Чем могу служить властелину моей драгоценной сестрицы? — Он поднялся со старенького полинявшего от непогоды шезлонга и пожал пухлую влажную ладонь Питера.

— Эллен просила у тебя порошок, ты же сам обещал, — торопливо произнес Бэйкер, точно боялся встретить отказ.

Шурин всплеснул руками.

— Вот, — сказал он, обращаясь к бритому, — типичный представитель микрокосма. Он вторгается в микросистему и требует свое. Ему наплевать на великое, свершающееся на его глазах.

Бритый смущенно улыбнулся и еле заметно кивнул.

Питер почувствовал тоску. Микрокосм, система... Он хотел сказать, что ему вовсе не наплевать на великое. Но он не понимал, о каком великом шла речь, и, может, на такое великое и стоило плюнуть.

— Не сердись, родственничек, я шучу, — сказал Дэвис, — но тебе придется подождать. Естественно, это немного оттягивает час гибели ваших клопов, но в конце концов в этом мире кто-нибудь всегда остается в выигрыше.

Питер кивнул головой и присел на складной стульчик. Он втянул свежий воздух и, сладко щурясь, посмотрел на небо. Оно было бездонным и удивительным. Мелкие нежные облачка догоняли друг дружку, старательно обходя стороной сверкающий солнечный глаз.

— ...солнца, — донесся до Питера прыгающий голос шурина. — Таким образом, это, пожалуй, самая идеальная модель процесса, которая была сделана человеком.

Дэвис ткнул пальцем в ночник, стоявший на колченогом дачном столике.

— Самое интересное, что совершенная... Вы понимаете, что я обозначаю этим словом? Так вот, совершенная модель обладает свойством жесткой связи с моделируемой системой. Поняли?

Бритая голова подняла брови и меланхолично сказала:

— Вот это-то меня и потрясает.

— И тем не менее это так, — твердо сказал Дэвис. Он, улыбаясь, посмотрел на собеседника. — Здесь заключено солнце, самое настоящее светило, работающее поденщиком у Авроры. Естественно, уменьшенное в некоторое число раз... А все остальное — норма, включая и температуру.

Дэвис ласково пощелкал по полупрозрачному цилиндру.

— И самое главное — жесткая связь с исходным объектом, — повторил он.

— Да-а, — протянул бритоголовый статист.

Они помолчали.

— Ну хорошо, — спохватился шурин. — Вернемся в микромир. Я пойду пощипу порошок. Если хотите меня сопроводить... я еще кое-что расскажу...»

Бартон заложил книжку пальцем и закрыл глаза. Он медленно вдохнул и еще медленнее выдохнул — на три счета. И так несколько раз. Потом запел, не разжимая губ. Так он

боролся с тошнотой. Когда стало немного легче, опять принялся за чтение.

«Шурин и бритый ушли. Питер остался один. Он поправил шляпу и с интересом посмотрел на сосуд, стоявший на столе. Кусок трубы из неизвестного пластика, снизу и сверху увенчанный темными крышками с множеством разноцветных лакированных проводков. В его матовой глубине Питер разглядел искорку величиной с булавочную головку.

«Это и есть модель солнца?» — подумал он, подсаживаясь ближе.

Он несколько минут разглядывал невзрачное сияние, исходившее от искры, и думал: «Хорошенькое солнце, нечего сказать, ну и нахал этот Дэвис».

Внезапно ему что-то почудилось. Какое-то чуть уловимое движение внутри цилиндра, словно искра вспыхнула ярче. Питер внимательно присмотрелся, и ему показалось, что искорка начала пухнуть и увеличиваться. Сначала как дробь, потом — горошина, дальше — цент...

Перепуганный Питер Бэйкер схватил свою шляпу и накрыл цилиндр.

Сначала он даже не понял, что произошло. Потом содрогнулся. На землю хлынула тьма. Тяжелый чернильно-густой мрак залил парк. На темном небе проступили яркие звезды. Дом, трава, деревья, порхающие бабочки — все растворилось в волнах внезапно наступившей ночи.

Питер оцепенел от ужаса. Он сидел затаив дыхание и не мог пошевелиться.

Какой-то частичкой сознания, не поддавшейся смятению, он старательно и холодно фиксировал особенности разразившейся катастрофы. Его поразило, что наступившая ночь была по-особенному непроглядной. То черное, вязкое, что угадывалось, а не виделось вокруг него, имело странный зеленый оттенок. В воздухе разливался таинственный зеленоватый свет, как будто в аквариуме зажгли слабую лампочку...

— О идиот, о идиот! — Питер услышал голос шурина и шум его торопливых шагов.

Что-то упало к его ногам, и страшное ослепительное сияние, похожее на взрыв, ударило в глаза. Земле возвратили день. Дрожащими руками Питер Бэйкер поднял свою зеленую шляпу...»

Не могу понять, нравится мне рассказ или нет. Скорее он беспокоит, тревожит меня. Мысль о единстве доведена здесь до абсурда. Но впервые она получила конкретное, обывательское воплощение. Это уже не наместический бред египетского жреца или средневекового алхимика и не абстрактные математические выкладки какого-нибудь дремучего теоретика из Беркли. Я помню одно место у Рамакришны:

«Вселенная померкла. Исчезло само пространство. Вначале мысли-тени колыхались на темных волнах сознания. Только слабое сознание моего «я» повторялось с монотонным однообразием... Вскоре и это прекратилось. Осталось одно лишь существование. Всякая двойственность исчезла. Пространство конечное и пространство бесконечное слились в одно».

Вот оно! «Пространство конечное и пространство бесконечное слились в одно». Полубезумный полупророческий лепет, косноязычное бормотание, пронизанный внезапной молнией бред оракула. Идея такого единства, надежда на такое слияние никогда не покидали человечество. Красный вихрь пронесется мимо меня, черный стремительный вихрь, мерцающий звездной пылью. Халдейские маги в остроконечных колпаках, жрецы Тота в пантерьих шкурах, грозные предостережения библейских пророков, чадающий факелами сумрак Элоры... Вот где исток идеи. Она кружила голову, помрачала рассудок, неуловимая Майя, отвечающая голубоватым светом неограниченного и призрачного могущества.

Змея, пожирающая собственный хвост, — мудрейший из алхимических символов. Где-то замыкаются бесконечности, где-то большое переходит в малое, и безумие превращается в здравый смысл.

Меня эта мысль преследовала, как навязчивый, но почти позабытый мотив. Триумф науки я воспринимал, как личное поражение. Теоретики рассчитали диаметр фридмановской закрытой модели вселенной. Совместные усилия Беркли, ЦЕРН'а, Дубны и Кембриджа привели к экспериментальному обнаружению первичных кварков вещества. Бесконечности были обнаружены с обоих концов. Мир по-прежнему оставался неисчерпаемым, но конечным. И я понял, что рожден замкнуть его.

Степень доктора философии я получил в Колумбийском

университете, потом работал в Кавендишской лаборатории, в Геттингене, Копенгагене. Я исходил из весьма спорной космогонической гипотезы Леметра — Зельдовича о протовселенной, сжатой в один чудовищный атом. Нигде ничего, только странный сгусток материи. И вот он взрывается в некий условный нуль времени. Появляется вещество, формируется пространство, начинает течь время. «Тук-тук... Тук-тук... Тук-тук...» — отсчитывает метроном. Пространство распрямляется, чудовищное тяготение постепенно ослабевает, со скоростью света увеличивается диаметр новорожденной вселенной. «Тук-тук...» Вот уже можно различить элементарные частицы, которые ассоциируются в первые неустойчивые атомы легких элементов. Черный провал в бесконечность. Тихий звон астрономической бронзы. Галактики, звезды, планеты... «Тук-тук...»

Где-то на периферии заурадной спирали галактики, в системе тривиальной желтой звезды, на ординарной планете зарождается жизнь. Эволюция слизи, растворенной в H_2O , порождает гениальный мозг скромного служащего Бернского патентного бюро. Так природа осознает самое себя и с удивлением открывает, что разлетающиеся галактики — это все еще длящееся следствие первоначального взрыва. Но не этим замыкается логический круг. Парадоксальность ситуации в другом. Мы свидетели крушения того единства, о котором грезили еще в колыбели цивилизации. Конечное и бесконечное были сжаты в том единственном первозданном сгустке. Он был атом и вселенная одновременно, элементарная частица и бесконечная масса, чудовищное тяготение которой остановило время.

Но мир взорвался, распрямился и стал двойственным: бесконечно большим и бесконечно малым, конечным и необъятным. Вещество отделилось от поля, пространство от времени. Точнее, такое разделение совершил наш разум. Он разъял неразъединимое, проанализировал и вновь соединил путем блистательного математического синтеза.

Мне говорят, что есть граница,
Но до нее не дотянуться.
Она от нас куда-то мчится,
Как тень летающего блюда.

Я пытался написать поэму «Грезы об утраченном единстве». Но где бессильны интегралы, там беспомощен и анапест.

Впрочем, столь же тривиально и инвариантно звучит и другой постулат: «У меня нет таланта».

В поэме мыслилась глава: «Памятники единства». Это сверхплотные нейтронные и гиперонные звезды. По сути, это упрощенные модели протовселенной. Нейтронная звезда с не меньшим основанием может быть названа гигантским атомом. Частицы там сближены на такое же расстояние, как нуклоны в ядре. Можно и иначе. Звезда в гравитационном коллапсе — своего рода кварк, составленный из частиц, сближенных на расстояния меньшие, чем их собственные диаметры. Так большое замыкается в малом, а малое чревато бесконечным.

И кто знает, не встретим ли мы чудовищный лик бесконечности в нашей погоне за ультрамалым? Где-то должны исчезнуть критерии «больше» или «меньше». Природа их не знает. Солнце больше электрона. Галактика больше Солнца. Эти истины абсолютны. Но вдруг мы не сумеем сказать, что больше: метagalactика или кварк? Вдруг сближение частиц на сверхмощных встречных пучках в ускорителе отразится на всей вселенной? Не закроем ли мы шляпой Солнце? Если так, то природа безжалостно отомстит нам...

Будь я писателем, то написал бы такой рассказ. Физик сблизила на ускорителе частицы на расстояние элементарного кванта длины (по Гейзенбергу), и вдруг «бах!» — взрыв гиперзвезды. Впрочем, кто знает, может, этот чудовищный и необъяснимый феномен, который мы зовем квасаром, и есть лишь следствие экспериментов дремучих ядерщиков с Андромеды или Лебедя. А? Впрочем, сюжет можно повернуть и так. Как-то ракета достигает световой скорости — «бах!» — вселенная сжимается в элементарную частицу.

Господи! О чем только может думать человек. Я оперирую бесконечностями, углубляюсь на расстояния в миллиарды световых лет, а жить мне осталось считанные дни... Интересно, куда бы я мог улететь за это время, если бы полетел со скоростью света?

Допустим, я проживу еще дней десять. Это 864 000 секунд. Помножить на 300 000... Это будет примерно 250 миллиардов километров. Как мало! Как мало мне осталось жить! Только теперь я это понял со всей ясностью. Едва-едва оторвусь от солнечной системы. Лишь на шаг улитки приближусь к звездам...

А если смерть тоже звездный полет со скоростью света? При

такой скорости время останавливается, и, когда умирают, оно останавливается тоже. Как мы, люди, умеем утешать и успокаивать себя! Вся наша низость и все беды мира проистекают от этого. Истину должно принимать бесстрастно.

Эмоции — избыточная реакция на истину, которая порождает самообман. В юности я увлекался индуизмом и хотел сделаться йогом. Моими любимыми героями были Рамакришна и Вивекананда.

Нас вводит в заблуждение Майя, Иллюзия, которая, не имея начала и существуя вне времени, заставляет нас считать вечной реальностью то, что есть лишь поток преходящих образов.

Иллюзия бессмертия — самая древняя и самая неистребимая из всех иллюзий. На ней держатся все мировые религии. Вот почему только тот, кто бескомпромиссно знает, что смертен, по-настоящему велик. Он достоин большего почитания, чем любой бог. Но ему не нужно почитаний. Он просто человек, который смертен, но, несмотря на это или поэтому, все же работает на будущее. Лучшие люди земли работали на наше время, зная, что не сумеют дожить до него.

Как же могло случиться, что я оказался здесь? Я, который все знаю и все могу постичь, стал вдруг работать на смерть? Когда это случилось? Где тот не замеченный мной дорожный знак, который в последний раз предупредил об опасности?

Вот и расплата — белая кровь... И все же это только случайность. Белая кровь не расплата. Тяжелые, жгучие мысли последних дней... Я бы мог думать лишь о вселенной, о чистых и вечных глубинах, где застыло заledenевшее время. Моя мысль точна и обострена сейчас, как никогда. Я бы мог додумать, поймать неуловимую точку кольца, где сливаются прошлое и будущее, конец и начало. Но вместо этого я приговорен искать объяснение собственного падения. Вот мой ад на земле. Он открылся передо мной, прежде чем я предстану перед Озирисом, который взвешивает на аптекарских весах все наши грехи с точностью до десятого знака после запятой.

Когда-то так вот умирал Луис Слотин, молодой и красивый гений, который своими руками собрал в Лос-Аламосе первую бомбу. Шестьдесят три раза он благополучно сводил и разводил урановые куски, определяя критическую массу. В шестьдесят четвертый началась цепная реакция. Он разбросал блоки и прервал процесс. Все были спасены, а он умер. Даже

его золотой зуб стал источником наведенной радиации, и на губе возник ожог...

Он умирал трудно и мужественно. Хотел бы я знать, о чем передумал он, человек, собравший первую бомбу. Как они горели тогда, как спешили опередить нацистов! Но бомбой распорядились за них. Так о чем же он думал в последние минуты? О чем?

Мне кажется, я бы сумел понять это, если бы восстановил неуловимую цепь компромиссов и таких внутренних сделок, которая привела меня сюда. Он был героем, Слотин, а кто я?

Кто я? Кто мы? Откуда? Куда идем?

Дениз тоже продала меня и себя. Когда я заключил контракт, она не спросила, куда и зачем я уезжаю. Не спросила, потому что знала, догадывалась, предчувствовала. Но смерть, как и война, списывает все грехи. За той, обитой черным дерматином дверью нет уже ни подлости, ни предательства, ни преступления. Всеобщая нивелировка, разятие микротел на первозданные элементы. Стопятидесятичетырехчасовая неделя без праздничных и выходных дней. Поточное производство. Правление фирмы рекламаций не принимает. И никаких сношений с внешним миром, хуже, чем в зоне...

Почему же так тоскливо и беспокойно? Почему? А Дениз даже не знает, как мне здесь плохо...

Тихо подсел доктор. Думает, что я сплю. Осторожно нащупал пульс. Еле слышно шепчет: «Раз, два, три, четыре, пять...»

Раз, два, три, четыре, пять... Считаю падающие звезды. Августовский звездопад. Огненные штришки в ночном небе.

Загадай скорее желание, Аллан! Ну, загадай же!»

Ах, какая чудесная девочка сидит рядом со мной на крыше! Сколько кружев и лент! Сколько белого и голубого! Переплет чердачного окна. Синий отблеск па пыльном стекле. Черные горбатые силуэты кошек. И звезды, и звезды...

А я смотрю на самую большую, на самую яркую звезду. Она висит над трубой дома Смайлсов. Я гипнотизирую ее. Кажется, она пылает ярче и ярче, разжигаемая моим ожиданием.

Ну же! Ну! Я жду, когда она упадет. Просто интересно посмотреть, как будет падать такая большая звезда. О, уж она-то покажет себя! Она не чета этим крохотным звездочкам, кото-

рые исчезают, как мыльные пузыри. Это будет грандиозное падение. Может быть, почище фейерверка в ночь карнавала.

«Вот сейчас она упадет», — говорю я сквозь стиснутые зубы, не отводя от звезды глаз. «Вот эта, большая? — удивляется она. — Разве такие тоже падают?» — «Еще как! Она обязательно упадет. Я сброшу ее психической силой. Действие творит судьбу!»

И девочка плачет. Она умоляет меня пощадить звезду:

«Там ведь тоже живут мамы с детками. Пусть падают маленькие звездочки, где нет никого. А эта должна светить. Мне очень жалко деток и мам, и бабушек и нянь жалко. Ну что тебе стоит? Не смотри на нее так! Подумай, вдруг там кто-то сейчас смотрит на нас. Вот так же, как мы с тобой. Пожалей хоть их. Как же тебе не стыдно». Я уже не смотрю на звезду. Но Дениз об этом не знает и все просит меня, все просит...

Прости мне те твои слезы, Дениз! Прости... Ведь на другое утро ты уже обо всем позабыла и весело рисовала человечков на уроке. А я, я не забыл тот звездопад.

Как живо я помню холодок того детского любопытства! Нет, Дениз, я не хотел плохого мамам и деткам с далекой звезды. Просто мне было интересно, как она будет падать и что станет, когда она упадет. Чистое детское любопытство. Говорят, гениальные исследователи сохраняют его на всю жизнь. Такие, как Эйнштейн или Бор, при этом задумываются и о мамах и о детках, а некоторым это просто не приходит на ум.

Я и многие из моих коллег относимся к последним. Право, все мы неплохие люди. Просто мы как-то не задумываемся о многом. Что-то важное ускользает от нас. Торжество всякого нового научного открытия — это почти всегда насилие, ломка привычных взглядов — интеллектуальный деспотизм чистой воды. А вот безответственным быть он не должен. Всегда надо думать о мальчиках и девочках с далекой звезды. Особенно в те дни, когда звезды падают на крыши. Сколько их, Дениз?

«Девяносто, девяносто один, девяносто два...» — Доктор отпустил мою руку.

Девяносто два. Наверное, немного повысилась температура. Почему всегда так болезненны ночи? Утро приносит прохладу и успокоение, ровным светом озаряет все тупики, ласково развязывает запутанные узлы. Скорей бы утро. Я всегда хорошо засыпаю под утро. И сплю спокойно и глубоко.

Какую власть имеют над нами сны! Мне приснилась Дениз, и впечатление осталось мучительное, острое, более сильное, чем это бывает в действительности. Когда-то давно мне снились голубые женщины, и я долго потом не мог забыть о них.

Снам свойственна известная условность, как и всякому настоящему искусству. Каждый человек становится во сне не только зрителем, не только участником, но, неведомо для себя, и сценаристом, и режиссером, и оператором. Иные сны запоминаешь на всю жизнь, точно хорошие фильмы. Рожденное внутри нас живет потом самостоятельной жизнью. Здесь та же, свойственная нам, инстинктивная тяга к единству, точнее к целенаправленной гармонии. Гармоничное единство формы и содержания — солнце на горизонте искусства. Всю свою недолгую жизнь я искал гармонию физического мира. В хаосе распадов и взаимодействий, в звездах аннигиляций и в трансмутационных парадоксах грезилась мне законченные и строгие формы теории, способной объяснить все.

Помню, еще в университете кто-то предложил нам забавную анкету. Нужно было против названия каждой элементарной частицы написать цвет, в котором она видится в воображении. И это предстояло сделать нам, лучше всех на свете знающим, что частицы не могут иметь цвета, как не имеют формы и траектории. Все же вот поистине достойная загадка для психологов — семьдесят процентов участников написали рядом с протоном «красный». Я тоже написал «красный». До сих пор не понимаю почему.

Это был мой мир, и любого обитателя я знал здесь в лицо. Теперь я умираю, прошитый ливнем частиц, каждая из которых была в моем воображении окрашена в свой цвет.

Де-низ... До и ми. Красное и желтое. Пурпур и золото. Гнев гладиатора и блеск львиной шкуры. Везде и всюду лежат невидимые мосты соответствий. Я сказал Дениз, что в имени ее мне мерещится протон с мю-мезоном. Она только рассмеялась, как смеются из вежливости не очень умной шутке.

Как же случилось, что, пытаясь объяснить все причинности микромира, проглядел самую простую причинно-следственную связь. Я сеял зубы дракона, не задумываясь о восходах. Это трудно объяснить, но знаток индийской мистики, знакомый, ес-

тественно, с учением о Карме, ни на минуту не задумался о возможных последствиях собственных поступков. Кому и как я продал душу?

Почему, подписывая контракт, не вспомнил хотя бы историю сумасшедшего летчика?

В том-то все дело, что узловых пунктов, которые можно было бы назвать предательством во всей этой истории, нет. Просто тихая эволюция самоуспокоения и неприятия «близко к сердцу». Мало, зная о молекулярных копиях, не дать снять с невесты карту. Нужно кричать об этом на всех углах или хвататься за автомат со спецдисками. Мало не предавать. Мало быть просто непричастным, надо еще и сопротивляться. Тот, кто сопротивляется, даже при желании не сможет попасть в зону. Слишком плохая у него для этого репутация. А я у органов безопасности на хорошем счету. Так вот и творим мы свою Карму при жизни. Чего же тут удивляться?...

По сути, я просто продал себя за известную сумму. Не только себя, но и три года жизни с Дениз. Все мои мысли, все раскаяния просто жалоба неудачливого игрока. Я поставил на зеленое поле жизнь. Шарик остановился на нуле, и крупье забрал все. Вот и прощай рулетка, чем-то напоминающая циклотрон. Прощай и циклотрон с мишенями из золотой фольги. Теперь я сам сделался мишенью, затормозившей ливень частиц весьма высоких энергий. С точки зрения химика — это всего лишь радиоллиз коллоидного раствора белка в воде. Радиоллиз поражает лишь одну из десяти тысяч молекул, но и этого оказалось вполне достаточно. Есть что-то символическое в том, что я умираю накануне юбилея первого атомного испытания. Впрочем, это отголоски учения о Карме. Любую случайность можно связать с чем угодно. Атавизм оккультного учения одетых в шкуры дураков. Вспомнилась картина одного сюрреалиста, с которым познакомился в Париже. Она называлась, кажется, «Джерсийские овцы за игрой в бильярд». Страстный бильярдный игрок придумал теорию упругих соударений. Дураки способны лишь на изыскания знаменательных соответствий: на поиски выигрышей во что бы то ни стало. Не будь джерсийской овцой даже при лучевом синдроме. Особенно бессмысленно следовать за стадом именно на бойню. Какой-то из Монморанси потребовал, чтобы его отнесли на гильотину на руках. В этом хоть есть какой-то смысл. Овцам он, естественно, не понятен.

Открывается дверь, начинается обход. Надо порадовать Таволски хорошим настроением и оптимистичным взглядом на жизнь.

6 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

Главврач, бегло проглядев заключение дерматолога, сунул бумажку в жилетный карман. Морщась, точно от боли, снял очки, осторожно протер их кусочком замши и принялся массировать красные вмятины на переносице.

— Вы уверены, что это эритема? — спросил он у Таволски.

— Конечно, — кивнул тот. — Дерматолог тоже так думает. Он считает, что кожа будет мокнуть.

— Плохо.

Таволски, неопределенно хмыкнув, пожал плечами.

— Возьмите костный мозг из грудины и постепенно начинайте готовиться к пересадке. Надеяться больше не на что. Приятных сюрпризов не будет...

— Как кровь?

— Началось ухудшение.

Главврач закивал, точно его чрезвычайно радовало все то, что говорил ему Таволски.

— Моноциты и ретикулоциты падают. Увеличились распухшие бледные клетки...

— Возможна токсическая грануляция нейтрофилов, — перебил его главврач.

— Да. Мы уже готовимся к этому.

— Белые кровяные тельца?

— Падают. Но значительно медленнее, чем можно было ожидать при такой ситуации. Коуэн советует до пересадки сделать полное переливание.

— Ну что ж!.. Ему виднее. А что он думает по поводу замедленного падения белых телец?

— Говорит, что само по себе это не так уж плохо, но никаких оснований для оптимизма не дает, — усмехнулся Таволски.

— Это мы и без него знаем, — раздраженно махнул рукой главврач. — Что он еще говорит?

Таволски опять пожал плечами и, стрельнув крошечным окурком сигареты в умывальник, принялся обсасывать обожженный палец.

7 АВГУСТА 19** ГОДА. НОЧЬ. ТЕМПЕРАТУРА 37. ПУЛЬС 88. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 120/75. ПРИМЕЧАНИЕ: КОЛИЧЕСТВО БЕЛЫХ ТЕЛЕЦ УПАЛО ДО 800 ММ²

Чтобы не заснуть, сестра Беата Траватти прошлась по коридору. Стеклопакеты палат казались черными провалами. Беата достала баночку растворимого кофе и зажгла спиртовку. В бестеневом свете крошечный сиреневый язычок был едва заметен. Зеленый халат с эмблемой медперсонала показался ей скорее голубоватым. Она достала зеркальце, но темные, почти черные губы и бесцветные щеки вызвали лишь гримасу раздражения. Бестеновой свет раздражал. Он глушил все веселые краски и явно старил ее. Беата нажала кнопку, и холодное пламя под потолком, конвульсивно вздрогнув, погасло. Черные провалы дверей сделались сероватыми. Сквозь тонкие эйрлоновые занавески обозначились окна. Начинало светать.

Беата отвела занавеску и прижалась к холодному стеклу. Но то, что она увидела в предрассветном сумраке, заставило ее тихо вскрикнуть и метнуться к палате Бартона.

7 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

Телефонный звонок Таволски разбудил дежурного врача. Тот сразу не сумел прийти в себя и одурело заметался по комнате. Сердце стучало, как плохо пригнанный клапан в дизеле. Наконец нашарил трубку и, облизывая пересохшие губы, что-то прошептал в трубку.

Таволски: Алло! В чем дело? Это вы, Тонни?

Дежурный врач: Эйб? Вы что, рехнулись? Звонить в такую рань...

Таволски: А вы разве спите?

Дежурный врач: Я? Нет, конечно... Но почему вы не спите, вы же не на дежурстве?

Таволски: Так, не спится что-то. Как его состояние, Тонни? Сегодня же операция...

Дежурный врач: Вот и выспались бы перед операцией... Все без перемен. Спит. Температура больше не подымается. Думаю, ближе к утру немного спадет. Идите спать, Эйб!

Дежурный врач собрался положить трубку, как вдруг распахнулась дверь, и в комнату влетела сестра Беата. Трубка

полетела на рычаг. Дежурный врач вскочил, опрокинув настольную лампу. Не было произнесено ни единого слова, как в немом фильме. Они выскочили в коридор. В противоположном конце его показалась белая фигура. Шагов не было слышно, точно на них надвигалось привидение. Когда глаза чуть-чуть привыкли к полумраку, дежурный врач разглядел, что по коридору уверенно и неторопливо идет Аллан Бартон. Глаза его были широко открыты и поблескивали в пламени спиртовки. Бартон осторожно открыл дверь своей палаты, и коридор опустел.

7 АВГУСТА ЧЕРЕЗ ЧАС. ОРДИНАТОРСКАЯ

Таволски прибежал в домашних туфлях. Сейчас он выглядел в офицерском френче еще более нелепо, чем обычно. Он часто поеживался и, согнувшись, ожесточенно тер ладони.казалось, ему страшно холодно. Главврач, не снимая наброшенной на плечи шинели, широкими шагами вымерял комнату.

Дежурного врача сразу же выставили в коридор. Стараясь сохранить независимый вид, он барабанил пальцами по стеклу и пытался что-то насвистывать. Сестра Беата беззвучно плакала, уткнувшись в промокшую зеленую салфетку.

— Все же объясните мне, майор Таволски, как вы, лечащий врач, не удосужились внимательно прочитать анамнез?!

Таволски молчал. Когда главврач начинал говорить таким тоном, отвечать не полагалось. Он все равно не слушал никаких оправданий и объяснений. И что тут вообще можно было ответить?

— Конечно, я понимаю, рентгеновская иррадиация — особый случай, она никак не обусловлена первоначальным состоянием больного. Но такой же особый случай перелом ноги, вывих, воспаление аппендикса наконец. Однако во всех подобных случаях, за исключением особо спешных, мы все же не приступаем к терапии, не ознакомившись с анамнезом. Так?! Почему же вы, старый опытный врач, не удосужились просмотреть историю болезни, где черным по белому написано, что Аллан Бартон с детства страдает лунатизмом? Почему? Отвечайте, майор, почему?

Таволски молчал.

Главврач сбросил шинель на пол. Сел в кресло, но тут же поднялся и вновь заходил по комнате.

— Эта прогулка его убьет, вы понимаете? И главное, накануне операции, когда появились определенные шансы на успех.

Он неожиданно замолчал. Но продолжал, как ягуар в клетке, бродить из угла в угол. Настольная лампа все еще валялась на полу. Чахлый болезненный рассвет просачивался в темную комнату, где почти неподвижно висели синеватые пленки табачного дыма. Тяжелая тишина больно давила на барабанные перепонки.

Наконец главврач сел. Раздраженно поднял лампу и зажег свет. Таволски зажмурился, но тотчас же открыл глаза.

— Немедленно установите, куда он ходил, — сухо и спокойно приказал главврач. — До этого ничего предпринимать не будем. Вам понятно?

— Да... Только... как узнать? Лунатики же ничего потом обычно не помнят.

— Обычно? А это необычный лунатик. Это радиоактивный лунатик, который повсюду оставляет след... Вам все ясно?

Таволски тоскливо сознавал, что главврач издевается над ним, что нельзя позволять говорить с собой в таком тоне. Но шеф был прав, во всем прав, и Таволски молчал.

— Позвоните на пост, чтоб немедленно прислали солдата со счетчиком Гейгера. Проследите весь путь... Потом доложите.

Таволски потянулся к телефону, но главврач пренебрежительным жестом остановил его.

— Позвоните из коридора. Мне нужно кое с кем переговорить.

Таволски торопливо поднялся и, чуть сгорбившись, зашаркал к двери.

Главврач увидел эту согнутую спину, красноречивую спину усталого пожилого человека, и жалость остро полоснула по сердцу.

— Выпейте что-нибудь успокоительное, Эйб, и... отправляйтесь домой. С дозиметристом пусть пойдет доктор Вайс.

7 АВГУСТА 19** ГОДА. КАПИТАН МЕДИЦИНСКОЙ СЛУЖБЫ ТОННИ ВАЙС

Дозиметрист сразу же нащупал след, и мы довольно уверенно двинулись вперед. Бартон все время петлял, словно огибал невидимые препятствия. Подсознание у лунатиков никогда не

спит. Поэтому и реакции организма на внешнюю среду у них гораздо четче и быстрее, чем в обычных условиях. Только так можно объяснить, каким образом Бартону удалось незамеченным пересечь туда и обратно всю зону.

Он прошел мимо площадки для гольфа, поднялся на бетонный мостик через бассейн и резко свернул к розарию. Не доходя до четвертого сектора, опять свернул и направился к противопожарному ангару. Перелез через забор и вскарабкался по лесту на крышу. Таким сложным и запутанным путем добрался до автострады седьмого сектора. На дорогу он попал, спустившись с дерева. Мимо казино прошел к радарным вышкам и, проникнув на территорию радиостанции, самым коротким путем вышел к перепаханной полосе вокруг сектора нуль. Проволочное ограждение преодолел в непосредственной близости от второй вышки. Часовой, очевидно, его не заметил.

В связи с тем, что на полигон пускали лишь по специальным удостоверениям, мы вынуждены были возвратиться в седьмой сектор. Оттуда я позвонил генералу. Разрешение сразу же было дано. Мы надели защитные костюмы и прошли на полигон. Довольно быстро нащупали след Бартона, который вел в биологическую зону. Фон все время возрастал и примерно через сто пятьдесят — двести метров совершенно перекрыл сигналы следа. Пришлось опять вернуться и попросить у начальника охраны собаку. Начальник охраны решительно воспротивился. Он сказал, что никогда не согласится послать животное на верную смерть. Я опять позвонил генералу, и он распорядился немедленно предоставить нам собаку. Начальник охраны молча повесил трубку, но сразу же вызвал проводника. Тот быстро надел костюм и собрался уже идти с нами, но чувствительный офицер велел принести защитный комплект для собаки. В этом не было ни грана здравого смысла. Все равно голову пришлось оставить открытой, иначе собака не смогла бы взять след.

Первое время пес вел нас довольно уверенно, но, когда мы вошли в зону, где испытывалась «Бережливая Бесс», он забеспокоился и начал скулить. Видимо, почуял что-то неладное. Трава там совершенно уничтожена. Только местами виднелись высыхающие кустики чертополоха. Пес сел и, подняв голову к начинающему розоветь небу, тоскливо завыл. Он так был в этот миг похож на человека, что мне сделалось страшно. Усилия проводника сдвинуть собаку с места ни к чему не

привели. Она упиралась всеми четырьмя лапами и не переставала выть. Пришлось пристрелить беднягу. Все равно животное было обречено. И зачем только начальник охраны велел надеть защитный комплект? Наверное, какой-нибудь провинциальный президент общества охраны четвероногих братьев.

Я взял бинокль и сразу же понял, куда ходил Бартон. До самого горизонта только гниющая степь. Одинокий атомный танк сразу же бросается в глаза. Он мог пойти только к танку — больше некуда.

Фон достиг максимума и больше уже не изменялся. Только внутри танка излучение резко подскочило вверх. Сказывалась наведенная в массе металла радиация.

Бартон имел отношение к проекту «Бережливая Бесс». Поэтому он мог знать, что в танке в момент испытания находились овцы. Подсознательный импульс и привел его сюда во время вчерашнего лунатического транса. Вполне вероятно, что и первичное облучение Бартон получил во время подобного же ночного визита, о котором, естественно, проснувшись утром, ровно ничего не знал. Тщательное обследование показало, что внутри танка и на внешней его броне, в местах, подвергнутых воздействию элементоорганической смазки, всюду виднеются отпечатки незащищенных пальцев. Поскольку никто, кроме Бартона, за период, «прошедший после испытаний», не пострадал, остается предположить, что все следы оставлены именно им. Поэтому отпадает надобность в дактилоскопической экспертизе. Характер отпечатков, насколько я, как специалист в области военной и криминальной медицины, могу судить, свидетельствует о том, что они либо оставлены совсем недавно, либо несколько дней назад. Это достаточно убедительно говорит в пользу выдвинутого предположения о причине первичной иррадиации доктора Бартона.

На этом я счел свою миссию законченной. Оставаться далее в танке было незачем. Да и останки овец являли собой ужасающую картину. Сваливавшаяся шерсть, зубы и кости плавали в какой-то отвратительной беловатой плазме. Я на миг представил себе город с совершенно нетронутыми зданиями и людей, которых невидимый и неощутимый нейтронный ливень застал за самыми обычными будничными делами...

Господи! Не дай, чтобы это совершилось. Мы вылезли из танка и отправились в обратный путь. Постояли немного возле несчастного пса. Бедное животное и не подозревало, что его

жизнь так вот оборвется. Бартон подписал приговор овчарке. Эти физики сами не ведают, что творят. Придумали атомную бомбу, потом водородную, потом «Бесс»...

Наверное, их сильно беспокоит совесть. Потому и бродят по ночам. И как у него сил-то хватило? Умиравший ведь человек... Я не физик, не придумывал все эти ужасы, но тоже не смогу, наверное, заснуть спокойно после того, что увидел в танке.

Хорошо все-таки, что я не физик и не военный. Меня это не касается. Моя задача избавлять людей от страданий.

8 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

Главврач вышел, как всегда широко шагая. Снял плащ, отряхнул его. В комнате сразу запахло дождем.

— Странно! — сказал он, кивая Таволски. — Странно! Чего это вдруг так испортилась погода? Прямо ни с того ни с сего... Ну, как дела?

— Я отменил операцию.

— Правильно сделали. Теперь он абсолютно безнадежен. С завтрашнего дня я разрешаю наркотики. Как он сейчас?

— Все время бредил. Звал какую-то женщину. Кричал, что она живет в Медане.

— Температура?

— Все та же — 37,6. Давление тоже не подскочило. Кровь — это, я думаю, скажется не сразу.

— Конечно. Но у него и без этого скверно. Хуже некуда... Вот уж действительно от судьбы не уйдешь. Кто бы мог подумать... Бедный парень!.. Да, Эйб, я утром несколько погорячился, не обращайтесь внимания. И вот еще что... Генерал просил держать этот случай в тайне. Вы меня поняли?

Таволски кивнул.

— Ну и отлично. А с сестрой я сам переговорю. Значит, договорились, никакого повторного облучения не было. Сколько у него теперь?

— Четыреста.

Главврач покачал головой:

— Дело идет к концу. Что Коуэн?

— Он ничего пока не знает.

— И не надо. Отправьте его под каким-нибудь благовидным предлогом... Впрочем, погодите, лучше я сам.

— Он ожидает, что слезет кожа и выпадут волосы. Надо хоть как-то сохранить водный баланс тканей. И еще. Я хочу все-таки сделать полное переливание.

Главврач пожал плечами и отошел к окну.

Таволски казалось, что он читает мысли шефа, как открытую книгу.

«Зачем? Он же все равно обречен. Вы только продлите его мучения. Несчастный юноша, за что ему такое испытание. Дайте ему хоть умереть спокойно».

— Если вы настаиваете, — главврач сделал ударение на слове «настаиваете», — я не возражаю против этих... мероприятий.

— Да, — тихо сказал Таволски. — Мы сделаем переливание и попробуем гипотермию.

Главврач ничего не ответил и занялся своими бумагами. Потом резким движением снял очки.

— Делайте, как считаете нужным. Но запомните две вещи... Первое, — он загнул палец, — не превращайте ваше сострадание в крестную ношу для себя и для него тоже. Второе, — он загнул еще один палец, — я официально разрешаю вам наркотики, то есть поступаю недозволенно, но он заслужил хотя бы спокойный конец. Постарайтесь это понять. Речь идет прежде всего о нем, а не о вас или обо мне. О нем! Или вы считаете, что есть хоть один шанс из тысячи? Тогда скажите, и я сделаю все, чтобы этот шанс победил... Вы считаете, что есть?

— Нет... не считаю. Еще несколько часов назад... А теперь... нет. Теперь никто не сможет ему помочь. И все же я не знаю, как объяснить вам... Просто за эти дни я научился разбираться в Аллане. Это такой мозг... Для всех нас будет лучше, если он просуществует на земле лишний час, пусть даже никто никогда не узнает, о чем он думал все это время... Вы понимаете?

— Нет. Но я уже сказал, что предоставляю вам свободу действий. В конце концов это дело вашей совести. Приказать вам я не могу.

— Спасибо. — Таволски медленно поднялся. Инстинктивно попытался расправить складки на спине и, зажав в руке отлевшую недавно пуговицу, вышел.

Главврач старался не смотреть на его сгорбленную спину. Но все же не удержался и отвернулся от окна. Таволски уже

не было. Только медленно сужалась черная щель между дверью и косяком.

Это что-то напомнило главврачу. Вызвало в груди какое-то тоскливое томление, непонятную тяжесть. Он почему-то подумал, что видит его в последний раз. Но рой привычных забот сразу же отвлек его.

8 АВГУСТА 19** ГОДА. УТРО. ТЕМПЕРАТУРА 38,1.
ПУЛЬС 96. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 150/110

«...девица Р. очень удивилась, увидев брата сидящим у ее постели. «Как же так? — подумала она. — Ведь он живет за океаном и никоим образом не может очутиться здесь». Она попробовала заговорить с ним, но голос ей не повиновался. Когда же она, наконец, овладела собой и смогла произнести несколько слов, он вдруг поднялся, прошел к электрическому камину и растаял, как бесплотный дух. Утром девица Р. рассказала домашним обо всем, что произошло, когда она неожиданно проснулась ночью. Она выглядела очень взволнованной и несколько раз повторила, что ее очень тревожит здоровье брата. Все принялись утешать молодую женщину, уверяя, что это ей просто приснилось.

Однако через два дня пришла телеграмма, в которой сообщалось, что брат девицы Р. умер в тот день и час, когда она видела его сидящим возле постели».

Книжка выпала из рук Бартона, и ему не хотелось позвать сестру.

Тривиальная история. Сколько раз приходилось читать подобные сообщения в книгах, газетах, научных отчетах по парапсихологии. Девица Р., наверное, редкая дура. Этакая добродетельная мешаночка с налетом истеричности. В тридцатых годах поднялся шум вокруг некробиотических лучей. Потом все улеглось, а загадка осталась. Пожалуй, нет оснований сомневаться в том, что близкие люди могут как-то чувствовать друг друга на расстоянии. Но как быть тем миллионам, которые лишены этого дара? Или проклятия? Как быть мне, когда я не чувствую Дениз? Как быть Дениз, когда она даже не догадывается, что я умираю? Легко и очень соблазнительно отмахнуться от этого. Не существует — и все. А коли существует? Если у меня есть сейчас реальная возможность послать Дениз последнее прости?

Какое же коварное и вкрадчивое существо Надежда! Любыми путями в любом обличье пытается она пролезть к нам в душу. Не надо самоутешения, не надо сладкого наркотика. Ничего из этого не выйдет. Отнимет время и силы, а их так мало.

Но если все же эффект «пси» существует? Хорошо, пусть существует. Но не будем думать, как использовать его в конце пути. Не будем. Лучше предпримем логический тренинг. Итак, на восьмое августа сего года нас не интересует, как можно использовать постулируемый эффект, но крайне необходимо исследовать возможные физические формы распространения пси-сигнала.

Будем отталкиваться от парадоксов. Сигнал не рассеивается с расстоянием и не подчиняется законам причинности. Коротче, в ряде спорных случаев следствие предшествует причине. Возможно ли это? В принципе возможно. Нейтрино, к примеру, настолько слабо взаимодействуют с веществом, что практически не тормозится даже в толще из миллионов солнц. Если телепатическая информация передается с помощью нейтрино или других подобных частиц, то она, конечно, не будет рассеиваться в биосфере земли. Одним словом, первый парадокс легко объясним. Труднее с другим. Для его объяснения придется отказаться от канонических понятий времени и пространства.

Какая спасительная штука — работа мысли! Я мыслю, следовательно, я существую... Нет! Я существую, поскольку мыслю. Мысль гаснет сразу, как захлопываются шторы в объективе. Ты уносишься далеко от земли. И это уже не ты, а нечто, точнее, ничто. Все остается, только ты невосвратимо уходишь, рассыпаешься, теряешь накопленную память. Смерть — это утрата памяти. Пусть даже тело живет по-прежнему, но, если утрачена память, утрачено все. Смерть — это когда нельзя осознать, что ты умер. Сначала позабудут голос, потом... Голос?

— Сестра! Я хочу попросить вас о небольшой услуге. Раздобудьте мне диктофон. Надо же хоть что-то делать, а писать я не могу... Раздобудьте...

Если верить результатам телепатических экспериментов, то приходится констатировать по крайней мере три парадокса:

1) Телепатическая связь не зависит от расстояния. Так, в ча-

стности, телепатия передавалась на две тысячи километров с таким же успехом, как и на несколько метров. 2) Осуществляется телепатическая связь помимо известных органов чувств и не связана с распространением электромагнитных волн мозга. Более того, материальным носителем телепатической информации не может быть электромагнитное поле вообще, что как будто бы подтверждается рядом экспериментов, проведенных в непроницаемой для радиоволн металлической кабине. 3) Наконец, некоторые случаи спонтанной телепатии и ясновидения вступают в противоречие с законом причинности.

Не буду защищать или, напротив, опровергать истинность этих парадоксов. Для этого у меня нет ни эмпирических данных, ни догматических принципов, которые надо отстаивать от любых посягательств природы. Более важно и интересно проследить, насколько вышеприведенные парадоксы отвечают или противоречат фундаментальным законам современного естествознания.

Итак, парадокс № 1. Он возможен: а) если материальный носитель эффекта представляет собой вид энергии, которая почти не рассеивается в пространстве; б) если все люди связаны между собой особым «телепатическим» полем. В первом случае таким предположительным материальным носителем может служить нейтрино, которое почти не поглощается веществом. Во всяком случае, в условиях биосферы земли такое поглощение пренебрежимо мало. Во втором случае можно предположить, что в передаче телепатемы участвуют не только индуктор и перципиент, но и, совершенно неведомо для себя, зное количество других людей. При этом сигнал может даже усиливаться, как, например, в фотоумножителе.

Первое объяснение, естественно, проще. Хотя бы потому, что не вводит новых неизвестных компонентов в физический мир и описывает явление с помощью реально существующих объектов.

Парадокс № 2. По сути, он снимается объяснением парадокса № 1. В этой связи можно даже предложить идею эксперимента по проверке такого объяснения. Если действительно материальным носителем телепатического эффекта является нейтрино, то величина нейтринного фона может повлиять на интенсивность эффекта. Короче, опыты, подобные тем, которые были проведены в металлической кабине, можно провести вбли-

зи атомного реактора, где в процессе бета-распада выделяется значительное количество нейтрино.

В нейтринной гипотезе есть, однако, свои трудности. Прежде всего не ясно, какой из четырех типов нейтрино несет ответственность за передачу телепатических сигналов. Впрочем, принципиального значения это не имеет, а лишь усложняет эксперимент.

Наконец, заканчивая с парадоксами № 1 и № 2, можно выдвинуть смешанную гипотезу и предположить, что все люди связаны между собой именно нейтринным полем. Необходимости в этой гипотезе, очевидно, нет, но, чтобы не нарушить законов логики, привести ее следовало.

Парадокс № 3. Самый коварный и, естественно, наиболее легкоуязвимый для противников телепатии. Объяснение его требует либо ломки фундаментальных представлений о структуре времени и пространства, либо по меньшей мере привлечения наиболее оригинальных и смелых идей, выдвигаемых в настоящее время физиками. Первое увлекает на сомнительный путь туманных гипотез о существовании измерений больших, чем три, о некоем «необычном» пространстве и тому подобное. Что же касается оригинальных идей, выдвигаемых сейчас теоретиками, то и они большей частью не отличаются достаточной убедительностью. Тем не менее придется оперировать и такими идеями тоже.

Одна из них — это идея «замкнутого времени». С ее помощью такие понятия, как прошлое и будущее, становятся релятивными даже вне рамок специальной теории относительности. Приняв ее на вооружение, естественно предположить, что человеческий мозг может каким-то образом «лоцировать» с помощью нейтрино будущее. Впрочем, можно обойтись и без привлечения идеи «замкнутого времени». Некоторые теоретики выдвигают представления, конечно, вне всякой связи с телепатией, что особенности поведения нейтрино вызваны тем, что эта частица движется не из прошлого в будущее, как все привычные нам тела, а из будущего в прошлое. Такое представление, кстати, получило изящное математическое подкрепление. Для нас оно интересно тем, что вполне объясняет парадокс № 3.

Можно воспользоваться и более формальным методом. Он базируется на законе сохранения комбинированной четности, из которого следует, что все взаимодействия инвариантны к

инверсии времени, то есть описание взаимодействия не зависит от замены «будущего» на «прошедшее».

— Выключите диктофон, сестра. Мне он больше не нужен.

Странное ощущение. У меня еще никогда не было столько свободного времени, как теперь. Любую мысль я могу додумать до конца. Проследить ее от туманных извилистых истоков до шумных водопадов, когда она, осознанная и анемичная, обрушивается в пропасти памяти или умирает в шипении магнитной ленты.

Но срывается с потока какой-нибудь световой блик и падает в сердце. Сам по себе он ничто, но есть в нем нечто пробуждающее ассоциации.

Человека лоцирует будущее... Не какой-нибудь там ясновидец с выпученными глазами, хрипящий прорицатель или насосавшийся мескалина медиум. Просто в самой современной лаборатории, допустим, это происходит в Принстонском институте высших исследований, сидит молодой симпатичный доктор. Он трогает ручки на пульте и в отраженном нейтринном луче видит себя через несколько лет. Это не галлюцинация, а десятки раз поставленный и выверенный эксперимент. Сомнений быть не может. Но если он видит себя, то... Он готов пожертвовать собой ради науки. Раз он уже существует в будущем, то, очевидно, не может умереть сейчас.

Физик достает из ящика стола пистолет, тщательно проверяет обойму. Прикладывает к виску. Зажмуривается и нажимает курок... Осечка. Еще раз! Опять осечка.

Будь я писателем, я бы делал именно такие рассказы.

Дениз! Помнишь зеленое пятно света и удары прибора, и невидимый черный берег, и качающихся рыб? Я, как очарованная рыба, вздымаюсь и падаю с пробежавшей волной. Помнишь ту ночь на пирсе, Дениз? Последний свет, последняя свежесть, а дальше погружение в холодную тьму. Приснись мне, Дениз! Хоть один раз приснись мне на прощанье... Как будто это было только вчера. Сверкающая ночь и удары прибора.

Скользит над водой пыльный голубоватый луч. Где-то полночь отбивают склянки. Фосфорические креветки выползают на берег и устраивают заговор против своего морского президента. А в небе кружится голубоватая пыль Млечного Пути и фосфорические звезды осыпаются вниз. Я пощажу

большую звезду. Помнишь ту ночь на крыше, Дениз? Куда это все исчезло, в какую бездонную бочку упало? Неужели прошлое просто проваливается в пустоту, в холодное крошечное небытие? Но ведь время едино и вечно. Иначе какое же это время? Может, прошлое, настоящее и будущее — лишь эфемерные трансмутации единой сущности, троеликого непостижимого единства? Вот сейчас здесь во мне одновременно существуют и прошлое, и настоящее, и будущее. Они едины в некоем настоящем второго порядка. Мы просто не можем охватить его целиком, как метagalaxy. Человеку не дано познать сущность сразу. Он познает ее постепенно через явления. Анализ и синтез, анализ и синтез. Одна сторона и другая. Одно явление и другое. Прошлое, настоящее и будущее! Различные явления единой сущности, имя которой Время. Бесплодно смыкается круг. Разум тонет в черных зачумленных водах без надежды, без проблеска. Возможно, время неподвижно, и лишь наше сознание движется вдоль него, обтекает, скользит.

А что, если где-то в подсознании мы уже знаем это? Возможно, придет день, когда самые сокровенные тайны мироздания и единая систематика частиц в том числе откроются нам в процессах, протекающих в темных глубинах мозга. Именно там в окончательной форме регистрируются процессы, протекающие в космосе и микромире. Мозг создан по тем же законам, что и вселенная, и он может постигнуть ее как угодно полно. Так приближается к единице, никогда не достигая ее, ряд $\frac{1}{2} + \frac{1}{4} + \frac{1}{8} + \frac{1}{16} + \dots$. Возможно, наш мозг уже постиг мир, но только не знает пока об этом. Это не моя мысль. Ее высказал кто-то из французских физиков. Но я тоже думал примерно так же. Только не довел мысль до конца. Разбудите свой мозг, люди! Физики будущего, углубитесь в себя! Ваш мозг — ваша лаборатория.

Аналитический путь добычи истины почти исчерпал себя. С каждым днем мы находим все больше, но еще больше мы теряем с каждым днем. Мы движемся вперед путем выбора по лестнице альтернатив. Из многоликой сущности исследователь выдергивает аксиоматический перл и передает его дальше, как эстафету. Так из противоречивого диалектического двуединства на миг возникает некая цельность. Потом и она расслаивается на противоположности и начинает соблазнять другого исследователя выбором, оставляя за собой кладбища

разрушенных противоречий. А кто будет рыться в отвалах, где лежат не замеченные предками гениальные идеи, где сами собой сформировались неведомые нам науки, где похоронены целые области навеки утраченного знания?

Как хорошо было бы спуститься к истокам! Проследить основные вехи, переоценить выбор, соединить звенья отвергнутых истин...

Потому-то и спиралеобразно наше развитие, потому-то и возвращается завтра, отвергнутое вчера, что мы всегда выбираем лишь одну из противоположностей. Мы гребем то правым веслом, то левым и никогда вместе, а лодка тычется то в один болотистый берег, то в другой, каменистый. Как удержаться строго в фарватере? Как избежать порочного выбора и получить истину сразу?

Нужно искать новых, принципиально иных путей познания. Но возможны ли они? Не есть ли наш путь единственно возможный для человека?

9 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

— Коуэн уже уехал? — Главврач закрыл кран и отрянул руки над умывальником.

— Еще вчера, — сказал Таволски, подавая ему полотенце. — На прощание он захотел осмотреть Аллана.

— Ну?

— Кажется, болезнь вступает в последнюю стадию. Появились небольшие растекающиеся кровоизлияния.

— М-да... А как ваша гипотермия?

Таволски дернул плечом и потянулся к портфелю.

— Из управления получена разнарядка двухнедельных посещений... Нужно подписать. Они сказали, что вы можете вносить любые изменения в пределах сметы.

— А! Давайте... Кто там у нас на очереди?

— Старший дозиметрист Шульц, лейтенант де Фриз, доктор Скотт, сержант Хитауэй, майор Солк, доктор Гудов, водитель Пек, старший пожарный Балагер, доктор Бартон, рядовой Трэсси!

— Хитауэй вычеркните. Достаточно с нас скандала, который он устроил в прошлый раз. Одного из докторов тоже вычеркните. Интеллигенты переносят это не так легко, как другие. В одиночку они скрывают свои чувства, но если при-

едут сразу к обоим... Вы понимаете? Вычеркните одного до следующего раза.

— В списке три доктора.

— Вы имеете в виду Бартона? Он, разумеется, не в счет. Сделайте для него все, что возможно... Только, мне помнится, вы говорили, что у него никого нет?

— Да, но... Вот, посмотрите, пожалуйста, я заготовил бумагу, и если вы не возражаете...

— Давайте. — Главврач пробежал глазами документы и с отсутствующим видом уставился в потолок. — Ну что ж, — сказал он через некоторое время, — давайте попробуем. Я подпишу.

9 АВГУСТА 19** ГОДА. УТРО. ТЕМПЕРАТУРА 38,3.
ПУЛЬС 96. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 150/105.

— Мы к вам, Аллан! Не возражаете?

— Майк! Ли! Тэдди! Какой сюрприз! Заходите. Рассаживайтесь где можете... Ну и вид же у вас, Ли, в этом халате. Желтое на зеленом. Лимон какой-то, а не человек.

— Вы все такой же, Аллан, — тихо улыбнулся Ли и осторожно присел на краешек постели.

— Только не на постель! — встрепелась сестра Беата. — Отсыдьте-ка подальше. Все отсыдьте.

Она выключила ультрафиолетовый заслон и опустила экранировку.

— Я тут как фараон в саркофаге. — усмехнулся Бартон. — Пылинки не дают упасть. Ну, что нового у вас, бациллоносители?

— А что может быть нового? — Маленький черненький Майк сразу же вскочил и заходил по палате, гримасничая и бурно жестикулируя. — Вроде бы все по-старому. Новостей, в сущности, никаких. Ждем вас вот... — он поперхнулся и замолк.

— Не надо, Майк, — холодно улыбнулся Бартон.

— Да, не надо, — кивнул Тэдди Виганд — огромный и невозмутимый нуклеонщик.

— А что мы вам принесли... — Майк метнулся к двери.

— Стой! Куда ты? — попытался было остановить его Виганд, но тот уже исчез в коридоре.

— Боюсь, что наше свидание будет несколько тягост-

ным, — все так же улыбаясь, сказал Бартон. — Я отлично вас понимаю, ребята, и глубоко вам сочувствую. Ей-богу, мне стыдно за мое положение. Но поймите и вы меня... Ничего ведь не поделаешь. Поэтому не надо дурацкого бодрчества и дамских утешений. От этого выть хочется. Давайте поговорим о делах и мирно простимся. А то каждый из нас думает только одно: лишь бы скорее...

Майк вернулся с плексигласовым ящичком, в котором съжилась пятнистая морская свинка.

— Вот! — Он торжественно поставил ящик на пол. — Это велели передать вам ребята из биосектора. Когда они узнали про вас, то сразу же вкатили этой свинке тысячу пятьсот рентген. Потом стали лечить ее... Так же, как и вас. Они звонили Таволски по сто раз на день. И что вы думаете? Позавчера кровь у нее стала выправляться... Теперь она вне опасности. Если хотите, она будет жить тут у вас.

Он поднял ящик и направился к Бартону, но вмешалась сестра Беата.

— Еще чего! — сказала она. — Поставьте вон туда, в угол... Мы все будем за ней ухаживать. Уй, какой смешной, симпатюля! — Она постучала ноготком по плексигласу, но свинка не шевельнулась.

— Несчастное существо... — Бартон откинулся на подушку, чувствуя, как жар заливает щеки. — Воды!

Сестра схватила фарфоровый чайник и осторожно поднесла его к губам больного.

— Пора вам уже, — сказала она, не оборачиваясь. — Видите, как вы его взволновали.

— Пусть побудут еще немного, сестра. — Бартон облизал запекшиеся, воспаленные губы. — Поблагодарите от меня биологов, но, между нами, они большие идиоты. Что же касается свинки, то пусть остается... Мне она не мешает... Какие сплетни, Тэдди?

— Никаких. Разве что к Скотту приехала жена.

— Жена?

— Ну да... На две недели.

— И что он?

— А ничего. Справляется.

Они рассмеялись.

— Мне кажется, что я лежу здесь с первых дней творчества и все у вас идет как-то по-другому, интересно и совер-

шенно недоступно мне. Оказывается же, что ничего не происходит. Или вы просто не умеете рассказывать, Тэдди?

— Нет. То есть не знаю, конечно. Но, право, ничего существенного. Спросите Майка или вот Ли. Они подтвердят.

— Ладно. Я вам верю. Вы же всегда были Демосфеном, который случайно слишком перехватил камней.

— Чего?

— Нет, ничего. Все в порядке. Просто я немного устал. Наверное, нужно чуть отдохнуть. Я ведь отвык разговаривать.

Они сразу же стали собираться. Долго и неуклюже вертелись, словно разыскивали что-то. Потом топтались у дверей, лепеча какие-то жалкие слова и глупо улыбаясь.

Бартон не удерживал их. Он думал, что губы иногда становятся резиновыми. Расплываются во все лицо в неподвижной улыбке и беспомощно дрожат. В такие минуты люди быстро-быстро что-то неосознанно лгут, страдая и стыдясь этой ненужной лжи.

Первым не выдержал Майк. Он сразу вдруг сморщился, как больная обезьяна, подавился слезами и выбежал. Бартон видел, как атлетическая спина Виганда съежилась и стала вдруг жалкой и красноречивой. Казалось, от нее исходил этот частый лепет, на который был совершенно неспособен сам Тэд. Но Бартон не пожалел уходящих. Он с удивлением обнаружил, что вообще не испытывает к ним никаких чувств. Они только что хоронили его заживо, но он не ощущал ни тоски, ни обиды. А может, это было не с ним, а с кем-то другим и совершенно незнакомым?

Бартон осознал вдруг, какую границу проложила между ним и остальными надвигающаяся гибель. Он оказался по другую сторону границы. Они еще ничего не знали, а ему было уже ведомо нечто такое, что совершенно меняет взгляды и характер людей. Потому-то и к одним и тем же явлениям они относились по-разному. Он смотрел с высоты своего знания, остальные — из темных щелей неведения и инстинктивного ужаса.

Надо попросить врача, чтобы ко мне никого не пускали.

Нельзя отвлекаться, нельзя рассредоточиваться. Что мне за дело до всего этого? Пора отходить, отключаться. Думать нужно лишь о самом главном, о чем никогда не успевал думать в той, далекой теперь жизни. Иные задачи, иные крите-

рии. Все, чем жил в то суетное время, — долой. И лишь мыслы-струйки, случайно залетающие в голову ночью, должны стать содержанием жизни. Когда впереди была туманная множественность лет, я думал о пустяках, за два шага до пустоты хочу думать о вечном. Смешное существо человек!

Ученые говорят, что дети, родившиеся сегодня, бессмертны. Может быть, действительно человечество стоит на пороге бессмертия? Обидно умирать накануне. Но кто-то всегда умирал накануне, пораженный последней пулей в последний день войны.

Впрочем, мне ли судить о бессмертии? Я, наверное, все страшно путаю, болезненно преувеличиваю, усложняю. Мне так мало осталось жить! Так мало...

Интересно, во что превратятся тогда злобная едкая зависть и тупая злоба? Бессмертному больше нужно... И если теперь не останавливает смерть, то что сможет остановить тогда? Когда говорят о бессмертии, я думаю о совершенно противоположном.

Люди однажды узнали вкус индустрии смерти. Это коварная память. Она не может пройти бесследно. За нее надо платить и платить. Как горячая губка, она еще будет и будет впитывать кровь.

В чем же здесь дело? Может, человек порочен в самой основе? Если нет, то чем вызван такой страшный иррациональный дефект мышления? Это случилось, когда меня еще не было на свете, но память, чужая память погибших почему-то нашла меня. Вот что убило меня первый раз. Остальное пришло только потому, что я уже был мертвым. Одних эта страшная память толкала на борьбу, вела к чему-то светлому и далекому, другие приняли ее, как эстафету преступления. Я же понял одно — размышлять нельзя. Я задумался, как жить дальше, и не нашел ответа. Жить дальше нельзя. Можно лишь кричать, раздирая рот, полосовать по окнам из автомата, броситься в воду. Так мне казалось тогда. Никогда не забудется день, когда я вдруг со всей беспощадной ясностью понял, что произошло с теми, кого давно нет и со всеми нами. Меня настигли, ударили в солнечное сплетение и убили. Где и когда я мог облучиться!

И только сейчас видно, как смыкается воедино далекий неумолимый круг. Чужое преступление надломило меня, и я перестал думать. Перестал думать и незаметно вступил на

путь, ведущий к другому преступлению. Как все неумолимо и беспощадно просто. Ведь те, кто сотворил лагеря смерти, тоже с чего-то начали! Они тоже в какой-то момент перестали думать! В этом все дело. Перестав думать, мы превращаемся в потенциальных преступников и соучастников злодейств. Поэтому-то все тираны во все времена стремились отучить людей думать. Работника и воина не должна разъедать болезнь интеллектуализма. Нужно трудиться и воевать, а не думать. С этой наивной прагматической песенки всегда начинается путь к фашизму. Как легко опутать человека по рукам и ногам! И неужели только личное крушение способно просветить его?

Куда исчез он, жирный дым,
безумный чад человеческого жира?
Осел ли черный лохматый копотью в наших домах
или его развевали ветры?
Ведь это было так давно,
а дым не носится долго...
Особенно тот, тяжелый и жирный,
окрашенный страшным огнем.
И он оседал.
Он еле влачился сквозь туман между тощих сосен,
над застывшей болотистой почвой.
И ключья его оставались на проволоке
и застилали пронзительный луч,
который из тьмы, сквозь тени упедших лет,
колет и колет в сердце.
Весь ли дым опустился на землю?
Растворился в дождях,
просочился сквозь горький суглинок и мертвую хвою?
Весь ли дым?
Он валил и валил. Днем и ночью.
За транспортом транспорт,
за транспортом транспорт
обреченно тащился над ржавым болотом
параллельно полоскам заката.
Нет, не весь он осел на дома и на травы.
Разлохмаченный ветром и временем,
он все носится в небе, все носится...
Проникает в открытые рты
и потом со слюной попадает в желудок,
а оттуда и в кровь
по исконным путям,
намеченным в те времена, когда из глины господь
сотворил человека.
Так смыкается круг, соединяющий землю и небо.
Только что нам за дело до этого круга?
Что нам за дело?

Если дым, этот дым, все такой же тяжелый и смрадный,
но за давностью лет и невидимый и неосязаемый,
проникает нам в кровь?
Мы отравлены дымом.
Все отравлены дымом.
Как же жить нам теперь?

11 АВГУСТА. ОРДИНАТОРСКАЯ

— Ну, как успехи, коллега? — Главврач улыбался и довольно потирал руки.

«Очевидно, его не беспокоила ночью печень, — подумал Таволски. — Так оно и есть. Хорошо выспался. Даже мешки под глазами не так заметны... А я вот мучился бессонницей. И настроение у меня в связи с этим прескверное. До чего же все просто и однозначно».

— Как успехи? — снова спросил главврач, открывая окно. Высунувшись наружу, он шумно вдохнул теплый воздух. Снял полковничий китель, швырнул его на диван, ослабил галстук.

— Последний анализ сыворотного натрия дал чудовищный результат. Доза, вероятно, составила одну-две тысячи рентген. В крови наблюдается катастрофическое падение моноцитов и ретикулоцитов.

— Три-четыре дня, не более. А?

— Возможно, что и раньше... Как обстоит дело с нашими бумагами?

— Генерал связался с высшим начальством. Разрешение уже получено.

— Спасибо, профессор.

— Помилуйте, коллега, за что?

11 АВГУСТА 19** ГОДА. УТРО. ТЕМПЕРАТУРА 39,0. ПУЛЬС 102. КРОВЯНОЕ ДАВЛЕНИЕ 160/110

Дениз! Ты все же приехала... Как ты услышала меня, Дениз? Я приснился тебе ночью? Или ты вдруг увидела меня в толпе, бросилась догонять, расталкивая прохожих и спотыкаясь, но я вдруг пропал, растаял в воздухе? Так это было, Дениз? Ты молчишь... Ты сама растаешь сейчас, уйдешь от меня. Спасибо, что ты пришла хоть на минуту. У меня жар, и ты просто привиделась мне. Но все равно спасибо.

Помнишь нашу звезду, Дениз? Я не сказал тогда тебе, что знаю ее. Это было не в этой жизни, в другом времени, а может быть, и в ином пространстве. Дикие индейцы шеренте, живущие в Амазонас из поколения в поколение передают сказку о юноше и звезде. Ты знаешь ее. Только не догадываешься, что это было с нами в далекие времена.

Как-то ночью взглянул я на небо и увидел там голубую звезду. Оно светила спокойно и ярко, и грустный луч ее проникал прямо в душу.

Я влюбился в звезду и, упав на колени, позвал ее. И долго смотрел потом на небо, тоскуя о холодной и светлой звезде. В слезах вернулся в мой вигвам и упал на циновку. Всю ночь мне снилась прекрасная звезда. И сон был томителен и сладок какой-то удивительной реальностью. Но среди ночи я внезапно проснулся. Мне показалось, что кто-то смотрит на меня пристально и долго. В черной тени я увидел девушку с ослепительно синими глазами.

— Кто ты? Уйди! Сгинь, — прошептал я в испуге.

— Зачем ты гонишь меня? — тихо и кротко спросила она. — Ведь я та звезда, которую ты хотел спрятать в свою калобасу*. Звезды тоже женщины, и они не могут жить без любви и тепла.

Я так напугался, что долго не мог говорить, и только глядел на нее сквозь слезы.

— Но тебе ведь тесно будет в моей калобасе! — сказал я наконец, протягивая к ней руки.

Она покачала головой, и синие блики заскользили вдоль тростниковых стен.

«Но тебе ведь тесно будет на моем велосипеде! Я и сам уже еле помещаюсь на нем. Вдвоем мы вообще не уместимся.

Ты покачала головой и молча полезла на раму. Сколько лет тебе было тогда, Дениз? Двенадцать? Тринадцать?»

Я открыл калобасу и впустил в нее звездную девушку. У меня было теперь свое маленькое небо, с которого светила самая прекрасная звезда.

С тех пор я лишился покоя. Целыми днями бродил я в сельве и все думал о девушке-звезде, которую позвал в минуту безумия с неба. А ночами она выходила из тесной калобасы, и до рассвета сверкала ее красота.

---

* Сосуд из тыквы.

Как-то она позвала меня на охоту в ночной лес. Мы долго шли с ней звериными тропами. Над нами сияли живые венцы светляков, и красные жгучие глаза крокодилов светили нам из зловонных разводий.

Так дошли мы до высокой и стройной пальмы бакаба.

— Влезь на пальму, — сказала она.

Я послушно полез, преодолевая боязнь и каждую секунду рискуя свалиться. И когда я достиг уже первых ребристых листьев, она крикнула снизу:

— Держись! Только крепко держись!

Как голубая колибри, взлетела она на вершину и ударила по стволу веткой. Пальма стала вытягиваться и вытягиваться и коснулась, наконец, самого неба. Она привязала пальму к небу и протянула мне руку. Я осторожно вступил на небо, но голова закружилась от беспредельной пустоты.

Вдруг я услышал музыку. Бодрые звуки веселой пляски, которую исполняют после удачной охоты на тапира.

— Только не вздумай глядеть на пляски! — сказала она, оставляя меня одного.

— Куда ты? — спросил я, но она уже исчезла.

И я остался стоять перед пустотой, а сзади гремела веселая пляска и слышался смех.

Не в силах сдержать любопытства, я обернулся. Это плясали скелеты. Ключья мяса свисали с костей, на ребрах брнчали клыки ягуара, тускло светились пустые глазницы.

«Нейтронный поток большой плотности вызывает полную деструкцию белковых коллоидов...»

Я задохнулся от ужаса и побежал в пустоту. Но тут возвратилась она и стала гневно бранить меня за то, что я нарушил запрет. Потом принесла теплой воды и смыла с моего тела белые смрадные пятна, которые выступили на нем во время страшной пляски.

Где-то под сердцем у меня открылась холодная пустота. Я окинул небо широко открытыми слепыми глазами и вдруг побежал к тому месту, где была привязана пальма. Ударил по стволу веткой и понесся к земле.

С грустью смотрела она мне вслед:

— Зачем ты бежишь от меня? Ты все равно ничего не сумеешь забыть.

Все случилось так, как сказала звезда. На земле я заболел страшной, неизлечимой болезнью.

И вот я умираю, Дениз... Но глаза мои слезятся, и я ничего не могу забыть.

Поезжай в Амазонас, Дениз. Там в самом сердце сельвы течет река Шингу. Разыщи маленькое гордое племя шеренте, и ты узнаешь конец сказки о нас с тобой. Я так, кажется, и не досказал тебе эту сказку в тот последний вечер. Помнишь? Моя бабка была шеренте, Дениз.

«Вот откуда индейцы узнали о том, что там, наверху, их вовсе не ждет блаженство, хотя и светят им оттуда звезды, ласково маня в небеса», — заканчивала сказку моя бабка-шеренте...

Что ты так смотришь на меня, Дениз? У тебя совсем пусто в глазах. Пусто, как на небе. Почему ты не плачешь? У тебя нет слез? Или, может быть, тебя просто не научили плакать?

Вон оно в чем дело... Кому я обязан счастьем? Таволски? Генералу? Начальнику военного ведомства? А может быть, тебе, Дениз? Ты все же зарегистрировалась и позволила снять с себя молекулярную карту. Зачем ты это сделала? Зачем?!

Да, понимаю... Ты очень соскучилась. Не знала, что я умираю. Не знала, что я все равно умираю. Ты не вынесла одиночества, Дениз.

Нет, не прикасайся ко мне. Я говорю не с тобой, а с Дениз, которая просто не вынесла одиночества и теперь смертельно плачет у себя дома. А ты даже не умеешь плакать. Ты, наверное, второго сорта? Ведь правда? Благодетели решили немножко сэкономить на мне... И то верно, стоит ли особенно стараться из-за каких-нибудь двух дней...

Значит, ты все же не выдержала, Дениз. Мне очень жаль тебя, бедняга. Нам сильно не повезло. Мы не заслужили такого невезения. Право!

Но, о господи, зачем такое мучение! К чему вся эта нелезость напоследок! Конечно, они хотели сделать как лучше. Таволски прекрасный парень, но нельзя же быть таким идиотом! Кого они думали провести? Меня? Меня?! Нет, я не желаю вам, майор медслужбы Таволски, такого конца. Не желаю. Так безнадежно изгадить последние минуты. Имейте хоть уважение к смерти! Эрзац-любовь. Эрзац-смерть. Какой мрачный и пошлый юмор! Значит, все общество, вся цивилизация безнадежно больны, если могут себе позволить такое...

Уберите же ее от меня! Уберите е-е-е...

11 АВГУСТА 19** ГОДА. ДЕНЬ. ТЕМПЕРАТУРА 40,2.
ПУЛЬС УЧАЩЕННЫЙ И АРИТМИЧНЫЙ (КОМАТОЗНОЕ
СОСТОЯНИЕ)

Капитан медицинской службы Тонни Вайс: Попрошу вас выйти в коридор, мадам. Мне нужно вам сообщить нечто важное.

Дениз выходит вслед за Тонни из палаты.

Тонни Вайс: Постарайтесь забыть все, что вы здесь видели и слышали. Аллан... Он принял вас за... другую. У нас есть прекрасные психиатры, которые помогут вам в этом. Вы еще молоды, и вам нужно жить. Современная наука способна творить чудеса... Простите мне некоторое волнение... Дело в том, что я несколько не подготовлен к беседе с вами. Меня попросил майор Таволски, он... э-э-э... сильно переутомлен, и отказ... попросил, чтобы я на время заменил его... Видите ли, мадам, ваш жених оказал очень важные услуги стране. Доктор Бартон был... является! Он является национальным героем. Поэтому правительство сделало все возможное, чтобы... Одним словом, вы сейчас увидите сами. Попрошу вас принять эту таблетку. Совершенно безобидный препарат, предохраняющий сердце от эмоционального шока... А теперь, пройдите, пожалуйста, в эту комнату.

Тонни открывает дверь и пропускает Дениз вперед. Она делает два шага — и сейчас же останавливается на пороге. Улыбаясь, с протянутыми руками навстречу ей идет Аллан Бартон. Он молод, весел, подтянут и совершенно не изменился с того дня, когда она провожала его на аэродром.

Дениз: Какая низость! Как это античеловечно!

Тонни Вайс: Куда же вы, мадам, куда? Пойдите! А как же нам быть... с ним?

Дениз: Возвратите его по соответствующим каналам... И будьте прокляты!

Тонни Вайс: Что?

Дениз: Будьте прокляты! И будь проклят наш век!

В коридор вбегает сестра Беата.

Сестра Беата (*Тонни Вайсу*): Доктор! Скорее, доктор! Профессор Таволски только что впрыснул себе морфий! Больше, чем обычно, умоляю вас... скорее!

СУМЕРКИ НА ПЛАНЕТЕ БЮР

Из дневника Резницкого

Никак не могу прийти в себя после поспешного бегства с планеты Бюр. Хорошо еще, что я успел прихватить с собой животное для поглаживания. Прошин, командир корабля, отнесся скептически к «рассаднику чужепланетной заразы», но я принял достаточные дезинфекционные меры и поместил животное в свой маленький виварий, где хранились яйца, взятые на планете Тихих Идиотов. Надеюсь, что с помощью Алеши и Рандольфа смогу создать условия для поддержания жизни этого странного существа.

Сойдя с орбиты, «Гагарин» разогнался на ионном ходу, потом, набрав скорость, Прошин ввел корабль в режим СВП. Теперь наш путь направлен к Земле.

Я физиологически плохо переношу переход на режим СВП. Ведь в нормальных условиях мы не ощущаем время как материальную среду. Но когда включаются синхронизаторы Времени — Пространства, наступает потеря реальности. Глаза застилает туман, исчезает память, нет мыслей. Только страх, ничего, кроме страха. Таков результат воздействия переходного поля на мозг. Все это хорошо известно, но крайне неприятно. Потом начинается состояние безвременья, и, так как все мы хорошо тренированы, адаптация происходит довольно быстро.

Конечно, на ионном ходу спокойнее себя чувствуешь. Но на ионном ходу отсюда до нашей Земли почти десять тысяч лет полета, и только СВП-корабль способен забираться в такую даль.

Теперь, когда неприятное ощущение прошло, попробую собраться с мыслями. Пока мне ясно одно: контакт не удался. Мы совершенно не понимали их, а они — нас. На странной планете Бюр — жизнь углеродного цикла с кислородно-углекислым обменом, но этим сходство с земными условиями исчерпывается.

Буду просто записывать все, что с нами произошло, припоминая час за часом, — быть может, из упорядоченной информации вылупится, как птенец из гнезда, понимание.

Итак, наша экспедиция имела целью найти источник и установить причину мощного выброса тау-частиц, который несколько лет назад взбудоражил ученых Земли. Тогда центром излучения ориентировочно считали район в направлении созвездия Стрельца. Когда «Гагарин» приблизился к заданному району, звездное небо, понятно, представляло картину, несколько не похожую на ту, что мы наблюдаем с Земли: и ракурс не тот и расстояние не то. Мы увидели перед собой столь четко очерченное созвездие, что немедленно назвали его Верблюдом — старая и довольно бессмысленная традиция давать названия группировкам звезд, проектируемым на условную плоскость.

Так вот, выброс тау-энергии шел от звезды, которую наши наблюдатели обозначили Альфой Верблюда.

Когда мы подошли ближе к Альфе, оказалось, что у нее есть спутники. Как ни странно, источником излучения оказалась не Альфа Верблюда. Звезда в этом смысле вела себя совершенно спокойно. Она «молчала». Приборы показывали на одну из ее планет, самую дальнюю в системе. Пропин терпеть не может безыменных планет, он сразу предложил назвать ее «Бюр». Никто не возражал. В самом деле, именно Бюраканская обсерватория установила направление неожиданного выброса тау-частиц, и именно это направление привело сюда «Гагарина».

На ионном ходу мы приближались к цели, как вдруг встречный метеорит, пробивший корпус у восьмого отсека, заставил нас сделать вынужденную посадку на планете Тихих Идиотов (так назвал ее Алеша Новиков, но я не думаю, что это название утвердят). Несколько дней мы с Алешей были пленниками защитного поля Большого Центра. И лишь когда

нам удалось вырваться оттуда, «Гагарин» снова взял курс на планету Бюр.

Мы вышли на круговую орбиту вокруг Бюра под большим углом к экватору и начали исследование. Атмосфера и ионосфера оказались близкими к земным. Под нами простиралась сумеречная ледяная пустыня. Ровная и гладкая, как обшивка нашего корабля. Темно-серая в ночной части и желтоватая на рассвете. Никаких видимых признаков формирующей деятельности. Никакой жизни.

А между тем Бюр «кричал»: мощное полярное излучение тау-частиц прижимало стрелки приборов к упорам. Вдруг начали светиться антенные вводы, наконечники ионизационных установок, даже вилки на обеденном столе — словом, все острия. Было ясно, что мы в сильном потоке тау-частиц. Хорошо, что они не оказывают никакого действия на человеческий организм.

Прошин выпускал разведывательные зонды через каждые десять градусов орбиты. Информация поступала исправно. Ни в плотности атмосферы, ни в химическом ее составе не было особых отклонений от средних величин. Но вот зонд, запущенный в экваториальной плоскости, неожиданно передал уплотненную запись, которую Алеша Новиков расшифровал как наличие биомассы. Казалось невероятным, что в этой ледяной пустыне теплится огонек жизни. Однако повторные зондирования подтвердили это.

Прошин перевел корабль на экваториальную орбиту. Как только «Гагарин» вышел из тени, мы увидели... Теперь-то я знаю, что это такое, но тогда мы решили, что видим космические корабли. Да, сверху они были удивительно похожи на легкие ракеты тех времен, когда еще только начиналось освоение космоса. Сигара правильной формы с выступами по бортам — так они выглядели. Мы насчитали двенадцать сигар. Они располагались на довольно большом расстоянии друг от друга, строго на одной линии. Было похоже, что под нами проплывает космодром с хорошо налаженной службой.

Не стану описывать наше изумление. Лучшего признака высокой цивилизации, чем космические корабли, пожалуй, не сыщешь.

Мы переглянулись с Новиковым, затем он встал и подошел к креслу Прошина. Рандольф тут же подскочил к ним и бурно

потребовал, чтобы в разведку послали его, а не Алексея, потому что Алексей уже высаживался, и справедливость требует, ну и так далее. Я не люблю, когда горячатся. Когда Рандольф выговорился, я спокойно напомнил Прошину, что при обнаружении биомассы ИПДП предоставляет право первой высадки биофизику, то есть в данном случае мне. Прошин колебался. Он подавал сигналы всеми средствами связи, какими мы располагали. Он все ожидал какой-нибудь ответной сигнализации с космодрома, хотя бы световой. Мы, земляне, никак не можем отучиться от привычки мерить по своей мерке: разумеется, земной космодром при виде инопланетного корабля непременно постарался бы установить с ним связь — любыми средствами. Но космодром планеты Бюр молчал.

И на седьмом витке Прошин, наконец, решился.

— Рандольф, — сказал он, — в следующий раз в разведку пойдешь ты. Но теперь нужно, чтобы высадился Сергей Сергеевич. Они неплохо сработались с Алексеем и снова пойдут вдвоем...

Аборигены

Десантный бот покинул корабль и, включив тормозной двигатель, плавно опустился на поверхность планеты. Резницкий и Новиков выгрузили из бота вездеход.

Щелкнули терморегуляторы скафандров, переключаясь на максимальный обогрев: стоял лютый мороз. Разведчики постояли немного, осматриваясь. Ледяная пустыня казалась бесконечной и безжизненной. Но вдали светлым пятном, вписанным в сумеречное небо, виднелся космический корабль — если это был корабль, — и, значит, планета была обитаема.

Новиков и Резницкий забрались в вездеход и поехали к предполагаемому космодрому.

То, что сверху казалось сигарообразным космическим кораблем, теперь, в профиль, выглядело совсем иначе. Более всего это странное сооружение походило на гигантский ломоть дыни — эллиптический сегмент с зазубренной хордой и ребрами по бокам. Он стоял довольно высоко над поверхностью, этот сегмент, вернее, не стоял, а висел, потому что опор под ним не было. Что-то в нем беспрерывно текло и переливалось желтовато-перламутровым цветом.

Разведчики долго стояли, задрав головы. Новиков снимал сегмент с разных точек.

— Не похоже на корабль, — сказал он. — Никаких люков, никаких... — Он умолк раздумывая.

— Не торопитесь с выводами, Алеша, — проговорил Резницкий своим высоким голосом. — Корабли иных цивилизаций могут принципиально отличаться от наших. Давайте просто накапливать информацию, выводы сделаем потом.

Тут на экране портативного локатора замигал зеленый огонек. Кто-то или что-то приближалось к разведчикам, и они стали смотреть в направлении, которое указал локатор.

— Подойдем ближе к вездеходу, Сергей Сергееч, — сказал Новиков.

Он приготовил кинокамеру, руки его немного дрожали.

Наконец смутно обозначились три летящие фигурки. Летели они странно — низко над землей, изредка отталкиваясь от льда то одной, то другой ногой.

Агрессивных намерений аборигены вроде бы не обнаруживали. Они остановились метрах в пяти от пришельцев, молча уставились на них.

— Привет! — изумленно сказал Новиков. — Морозоустойчивый вариант тихих идиотов.

Действительно, чем-то аборигены напоминали обитателей автоматического рая на планете Тихих Идиотов. Головы их походили на тюлени — гладкие, обтекаемые, с узкими глазами, с венчиком черных волос; в прежние времена, когда мужчины на земле лысели с возрастом, вот такие же венчики окружали голые макушки. Тела аборигенов были покрыты короткой шерстью приятного золотистого цвета.

Новиков спохватился, застрекотал кинокамерой. Резницкий, широко улыбаясь, шагнул к аборигенам — они отступили на шаг. Пошел в ход линкос — разработанная до тонкостей система космической лингвистики, уж во всяком случае позволяющая наладить первичный обмен информацией. Напрасно, однако, взывали пришельцы к аборигенам, напрасно крутились кристаллики звукозаписи в коробке лингофона. Аборигены не произнесли ни звука. Они стояли с неподвижностью восковых фигур. Только глазки бегали в узких щелках, как бы ощупывая пришельцев и бот, да в огромных ноздрях вздрагивали и шевелились волоски. Носы у них занимали пол-лица, а рот

лишь слегка обозначался тонкой прорезью. Там, где полагось быть пупам, поблескивали квадратные пряжки.

— Поглядите на единственную принадлежность их туалета, — сказал Новиков. — В старину матросы носили ремни точно с такими же бляхами. Только якорьков не хватает. Кто-то из моих предков был моряком, и у нас дома хранится такая бляха. — И, подумав, он добавил: — Жаль, не захватил ее. Может, они стали бы разговорчивее.

Немая сцена затягивалась. Резницкий попытался обойти аборигенов, чтобы посмотреть, нет ли у них за спиной крыльев, но те опять отступили, соблюдая дистанцию. Тут прилетел еще один, четвертый. Он тоже не пожелал разжать щель рта. На руках у него сидело небольшое животное, отдаленно напоминающее ондатру. Абориген поглаживал его по черно-шелковой спине, а оно неподвижно сидело, безучастное к ласке, как ожиревший ленивый кот.

У Резницкого загорелись глаза. Он подался корпусом вперед, вытянул шею. Новиков подумал, что вот сейчас биофизик бросится на аборигена и выхватит животное из его рук.

— Не забывайте ИПДП, — на всякий случай напомнил Новиков.

Инструкции по Поведению на Других Планетах предписывала крайнюю осторожность при встрече с обитателями чужих миров, и Резницкий прекрасно это знал. Но у Новикова уже была возможность убедиться, что, завидев интересный объект для исследования, Сергей Сергеевич начисто забывал инструкцию. И Новиков был начеку.

Аборигенам, по-видимому, надоело шевелить ноздрями. Они разом оттолкнулись ото льда и полетели прочь. Никаких крыльев на их голых спинах не оказалось.

— Поехали за ними, — сказал Резницкий.

Вскоре они увидели вдали целую толпу аборигенов и направились прямо к ней. Из-под гусениц вездехода разлетались ледяные брызги. Чуть было не наехали на Г-образный столбик с массивным ребристым набалдашником. Вылезли из кабины, стали осматривать столбик. От толпы отделились несколько фигур и побрели к разведчику. Они шли неторопливо, вразвалку, длинные руки их висели плетьюми; у этих аборигенов шкура была бурая и косматая, не то что золотистая короткая шерстка у давешней четверки. На животах поблескивали

пряжки. С какими намерениями они шли? Трудно сказать. В их медленной походке, пожалуй, таилась и угроза.

Откуда ни возьмись прилетел короткошерстный, стал перед косматыми, и те тоже остановились, а потом повернулись и пошли обратно, к толпе.

— Похоже, они переговариваются без звуков, — сказал Новиков. — Телепатическая связь?

— Не могу понять, — ответил Резницкий. — Анализатор ничего не показывает, ни на какой частоте... Но они определенно как-то общаются. Это разумные существа. И живут они не в теплице.

— Даже совсем наоборот: в холодильнике...

Сначала разведчики наблюдали за толпой издали, потом Новиков подогнал вездеход поближе.

Аборигены сидели на ледяном поле. Тут их было не менее двухсот. Мороз, как видно, нисколько им не мешал. Можно было подумать, что у них собрание, но никто не выступал, стояла мертвая тишина. Вокруг было пусто, никаких строений, только валялось какое-то желтое корытце. Особнячком сидела небольшая группка короткошерстных, в руках у некоторых из них Резницкий разглядел в бинокль животных, похожих на ондатру.

— Кажется, я понял, Сергей Сергеевич, — сказал Новиков. — Эти, с длинной шерстью, — большинство. А те, гладенькие, кошковладельцы, охраняют стадо. Надсмотрщики. Как вы думаете?

— Не знаю.

— Гладкие летают, а мохнатые ходят пешком, вы заметили?

— Не знаю, Алеша, — терпеливо повторил Резницкий.

— В общем вряд ли они нам объяснят, почему их планета испускает поток тау-энергии.

— Вы уверены?

— Да видно же, Сергей Сергеевич. Взгляните на их тупые физиономии, — сказал Новиков и, встретив укоризненный взгляд Резницкого, добавил: — Ладно, молчу.

Безрадостный пейзаж, безмолвное стадо на льду, загадочные сегменты, желтыми фонарями висевшие над ледяной пустыней, — от всего этого ему сделалось тоскливо.

И впервые в жизни он подумал, что нечего ему делать

здесь, на ледяной бесприютной планете, и вообще в Пространстве, хватит, он возвратится на Землю и до конца своих дней останется с Мартой.

Додумать все это Новиков, однако, не успел.

Перед толпой вдруг появился мохнатый абориген, он шел довольно быстро и, когда приблизился, отпихнул ногой желтое корытце и остановился, вертя головой из стороны в сторону. По толпе прошло движение. Многие поднялись с насиженных мест и тоже беспокойно завертели головами, и некоторые направились к тому, мохнатому, и стали рядом с ним. Толпа была явно возбуждена, хотя на лицах сохранялось застывшее, бесстрастное выражение. Гладкие, сидевшие до сих пор особнячком, взлетели над толпой. Долго держаться в воздухе они, видно, не могли. Один за другим они медленно опускались прямо в толпу, без разбора, и мохнатые неуклюже уворачивались от них. Было похоже, что гладкие каким-то образом утихомиривают косматых соплеменников, во всяком случае, возбуждение толпы заметно улеглось. Трое гладких подлетели к тому, мохнатому, в руках у них были какие-то жезлы. Этими жезлами они стали тыкать в тех, кто окружал возмутителя спокойствия, норовя попасть в живот, и один не успел увернуться от тычка и упал, распластавшись на льду. А мохнатый вдруг тоже взлетел и большими скачками направился к вездеходу. Преследователи устремились в погоню.

— Что делать? — быстро спросил Новиков. — Укроем смутьяна? А может, он опасный преступник?

Но Резницкий нисколько не колебался. Он распахнул дверцу и указал на нее мохнатому аборигену, который тяжело плюхнулся на лед в двух-трех шагах. Смутьян не заставил упрашивать себя: неловко суча толстенькими ногами, залез на высокую подножку вездехода и скрылся внутри. Резницкий юркнул вслед за ним. Тут подоспели преследователи. Новиков, живо прикрыв дверцу спиной, не спускал с них глаз. Те медленно надвинулись, выставив зажатые в руках жезлы.

— Но-но, — сказал Новиков. — Не надо меня пугать, ребята. Уберите ваши пистолеты.

«Ребята» продолжали наступать, и тогда Новиков, пятясь, нащупал ногой подножку вездехода, а Резницкий подхватил его под мышки и втащил в шлюз. Дверца захлопнулась.

Мы не знали, кем он был. Может быть, и вправду преступником. Как бы там ни было, мы не отказали гонимому в убежище. Кроме того, мне, разумеется, хотелось познакомиться с аборигеном поближе.

Смутьян, как прозвал его Алеша, забился в угол кабины, глазки его беспокойно бегали, а волосатые ноздри раздувались и опадали, как у кролика. Я выдавил немного ананасного джема и протянул ему. Смутьян не взял. Он прямо-таки вжался в переборку и прикрыл рукой ноздри, как будто от джема дурно пахло. Рука у него была трехпалая и безволосая, в сеточке морщин. На гладком скошенном лбу — треугольное светлое пятно. Шкура — густая и курчавая, как у хорошего мериноса. Очень хотелось мне захватить его на корабль и привезти на Землю. Увы, по отношению к разумному существу это недопустимо.

Мы сняли скафандры. Тут-то я ощутил слабый незнакомый запах. Он то исчезал, то появлялся видоизменяясь. Алеша тоже принюхался, и мы поняли, что вся эта трудноуловимая гамма запахов исходит от Смутьяна.

— Клянусь Юпитером, — сказал Алеша — он всегда так клянется, никак не может забыть истории, которая когда-то приключилась с ним у Юпитера. — Пусть меня просквозит марсианским ветром, если этот парень не владеет телеодорацией!

Гм, телеодорация. Конечно, мы на Земле научились анализировать запах и передавать его на расстоянии. Но общаться посредством направленных запаховых пучков... Запах — как единственное средство связи?..

Мы долго наблюдали за Смутьяном. Я обратил внимание на венчик, окружавший его голую макушку. Волоски почти все время шевелились, трепетали, как на ветру, и мне пришлось в голову: не служат ли они передатчиками запаховых комбинаций? Эти своеобразные «антенны» могли быть соединены с особыми железами в затылочной части мозга — железами, вырабатывающими запах. Вроде апокринных желез, только управляемых. А приемник информации — ноздри. Вот эти раздувающиеся, как мехи, волосатые ноздри. Моя догадка подкреплялась полным отсутствием у Смутьяна какого-либо по-

добия слухового аппарата. Да, пожалуй, было именно так: звуков для обитателей планеты Бюр не существовало. Только запахи.

Бедный Смутьян — он отчаянно зывал к нам, он пытался объяснить, но мы не могли его понять, а он не слышал нас.

Разумеется, у нас был ольфакто-анализатор. Я включил его, и он начал наматывать запаховые гаммы на ленту. Но дешифратор выдавал лишь обрывки химических формул — он не поспевал за информацией. Да и вообще он был предназначен для анализа запахов растительности, для нашего случая он не подходил. Лингофон не мог перевести эти обрывки на человеческий язык.

Между тем сумерки сгущались, сгущались, и, наконец, наступила ночь. За стеклами кабины воцарилась непроглядная тьма, температура снаружи понизилась до 97 градусов. Как выдерживают аборигены, ведь никаких жилищ мы здесь не видели.

Слева слабенько светился один из этих загадочных сегментов, вернее, светилась иззубренная линия его среза. Алеша все глядел, глядел на сегмент. Не знаю, о чем он думал. Я тихо окликнул его, но он не услышал. Я не стал его тревожить. У Алеши было над чем задуматься.

Надо было выходить на связь с кораблем. Каждые три с лишним часа «Гагарин» проносился над нами.

Алеша принялся кодировать накопленную информацию — личные наблюдения, кинодокументы, запись ольфакто-анализатора — и передал все это на корабль. Я попросил Алешу воздержаться от сообщения о том, что в вездеходе находится инопланетное существо. Прошина бы это встревожило. И напрасно, так как лучевые дезинфекторы в кабине вполне надежны. Но лучше рассказать ему по возвращении на корабль. Прошин не терпит нарушений ИПДП. Да и я ведь всегда придерживаюсь инструкции, за исключением чрезвычайно редких случаев, когда вынужден ее нарушать.

Прошин подтвердил прием информации и посоветовал нам быть осмотрительными. На этом сеанс связи закончился.

Я откинул спинку сиденья и лег. Вскоре улегся и Алеша, включив защитное поле вокруг вездехода. Несколько раз я просыпался и взглядывал на Смутьяна. Он сидел неподвижно в своем углу и, по-моему, не спал совершенно, глаза у него

были открыты, когда он смотрел на меня, поздри его начинали раздуваться.

Первая ночь на планете прошла спокойно.

Но зато следующий день...

Подземелье

Рассветало невыносимо долго. Собственно, рассвет так и не наступил, просто сумеречное небо немного посветлело. День на планете Бюр был не ярче, чем, скажем, белая ночь в Ленинграде. Далекое светило — Альфа Верблюда — взошло над горизонтом льдистым зеленоватым кружком, на него можно было смотреть незащищенными глазами, не жмурясь.

— Не знаю, что делать с нашим гостем, — сказал Резницкий. — Не хочет ни есть, ни пить. Отверг все, что у нас в запасе.

— Выпустите его, — рассеянно отозвался Новиков, просматривая записи приборов. — А то еще помрет с голоду.

— Вы забыли, как за ним вчера гнались, — возразил Резницкий. — Оно... он попросил у нас убежища.

— Напрасно мы все-таки ввязались, Сергей Сергеевич. Как это говорили в старину... В чужой церкви своя программа неуместна — что-то в этом роде.

— В чужой монастырь со своим уставом не ходят, — уточнил Резницкий. — Алеша, поймите, наконец, они разумные существа. И следовательно, мы непременно должны добиться контакта.

— Нас послали, чтобы выяснить причину тау-потока, Сергей Сергеевич. И вы уж разрешите мне продолжить это исследование.

— Станный вы взяли тон. У нас комплексная задача. Но при любых обстоятельствах первостепенное значение для разведчика имеет установление контакта.

— Здесь контакта не получится, Сергей Сергеевич.

— С предвзятыми суждениями, — сухо сказал Резницкий, — ходить в разведку не имеет смысла.

— Да почему предвзятые? Совершенно очевидно, что мы имеем дело с примитивнейшими существами. Первобытное стадо и кучка привилегированных вождей, что ли... Я бы охотно побеседовал с теми, кто развесил здесь эти «фонари».

А искать контакта с полуобезьянами... — Новиков махнул рукой.

— Алеша, Алеша... Вот не думал, что вы скажете такое... Мы исследователи, а не высокомерные туристы, заранее убежденные в собственном превосходстве.

— Согласен. Но и не миссионеры.

— Миссионеры? Ах да!.. Гм... Пожалуй, какие-то черты в характере миссионеров нам бы не помешали. Суть в том, что считать миссией.

— От аборигенов мы ничего не добьемся, — упрямо повторил Новиков.

Он остановил вездеход под ближайшим висячим сегментом, надел скафандр и вылез наружу. Снова принялся он осматривать «фонарь» и возиться с приборами: датчик одного из них он укрепил на раздвижном стержне. Потом, закончив измерения, уселся на подножку, глубокомысленно пощипал себя за подбородок.

Мимо пролетели двое гладких. Прошла в отдалении группа длинношерстных аборигенов. Снова появились гладкие. Один стал перед Новиковым, венчик его вздыбился, как шерсть у разъяренного кота.

Новиков печально развел руками и вытянул шею.

— Ничем не могу помочь, приятель. Никс ферштеен!

Эту искаженную немецкую фразу он когда-то вычитал в историческом романе о войне. Тут она пришлась кстати — так по крайней мере ему казалось.

Он залез в кабину, сбросил верхнюю половину скафандра.

— Позавтракаем, Сергей Сергееч? — Новиков потрогал свои щеки. — Или побреюсь вначале.

Он достал вибратор и принялся бриться.

Тем временем Резницкий фотографировал Смутьяна в разных ракурсах и исследовал пряжку на его животе.

— Она вживлена, — пробормотал Сергей Сергеевич. — Вживлена...

Побрившись, Новиков поднес к лицу баллончик своего любимого одеколона и нажал кнопку распылителя.

Смутьян вдруг неуклюже заметался по кабине. Что-то с ним творилось неладное. Он зажимал ноздри рукой, мохнатое тело вздрагивало и извивалось в конвульсиях. Резницкий подскочил, отпер дверцу, Смутьян вывалился в плюз, скатился с подножки на лед, поднялся, побежал. Бегать, впрочем, аборигены не умеют.

ригены, как видно, не умели, Смутьян просто быстро шел враскачку, но все равно это напоминало бегство.

— Ваш одеколон! — сердито сказал Резницкий. — Приспичило вам бриться!

— Я не подумал, Сергей Сергеич. — Новиков смущенно сунул баллончик в наколенный карман скафандра. — Скажите, какое нежное обоняние...

— Поехали за ним.

— Сергей Сергеич, у меня столько измерений...

— Еще одно слово, Алеша, и я буду вынужден напомнить о старшинстве.

Новиков проворчал что-то о подавлении воли, однако сел в кресло и включил двигатель. Вездеход медленно двинулся за Смутьяном — одинокой нелепой фигуркой в бескрайней ледовой пустыне.

По льду скользнули тени: двое гладких летели к Смутьяну. Тот затравленно покрутил головой, потом, присев, оттолкнулся и полетел. Было видно, что ему нелегко дается это, он то и дело тяжело отталкивался от льда, собственно, он не летел даже, а двигался большими скачками. Гладкие, конечно, настигли бы его без труда, они-то летели быстрее, но в тот момент, когда они обогнали беглеца и стали у него на дороге, Новиков на большой скорости подъехал и вклинил вездеход между ними и Смутьяном. Только брызнуло ледяное крошево из-под гусениц на резком повороте.

Разведчики выскочили из кабины и обнаружили, что Смутьян исчез. Будто сквозь землю провалился.

— Ага! Идите сюда, Сергей Сергеич, — позвал Новиков. — Здесь нора.

Они постояли над нешироким лазом во льду. Те двое гладких покружили над ними и улетели.

— Что будем делать, Сергей Сергеич? Полезем вниз?

— Да, — твердо сказал Резницкий.

— Ох, не нравится мне это! — сказал Новиков. — Ну ладно. Вас ведь все равно не остановишь. Только я полезу первым.

Ход полого вел вниз, в подземелье. Он был рассчитан на маленький рост аборигенов, и разведчики сгибались в три погибели. Вместо ступенек здесь были углубления, протоптанные трехпальными ногами аборигенов. То и дело разведчики спотыкались. Они хватались руками за стенки, но руки скользили по гладкому льду, и ноги скользили, и приходилось

напряженно думать только о том, как бы не свернуть себе шею и не переломать кости.

Спуску, казалось, не будет конца. Но вот вместо льда пошел грунт, твердый и желтый, с металлическими блестками. Поворот. Лаз расширился, и разведчики очутились в подземном зале. Он был плохо освещен, дальний его конец тонул во мраке, да и кончался ли там зал, кто его знает.

Желтые, сходящиеся кверху стены, желтый, истыканный ямками пол. Вдоль стен, оставляя широкий проход в центре зала, группками сидели мохнатые аборигены. Они что-то делали, и Новиков с Резницким подошли к одной из группок. Аборигены — все, как по команде, — повернули свои тюленьи головы, их глазки забегали по разведчикам, кое-кто поднялся.

— Ну что, ну что, — сказал Новиков. — Чего уставились? Продолжайте свои занятия.

Аборигены глядели на его шевелящиеся губы, потом понемногу стали возвращаться к прерванному занятию. Перед каждым из них лежало несколько желтых брусков, они приналялись водить по брускам пальцами, и что-то заискрилось под пальцами, засверкало и задымилось. Прямо на глазах расплывались строгие очертания бруска, он превращался в закругленное корытце, по дну его змейкой побежал сложный узор.

Разведчики изумленно переглянулись. Тысячелетия земного человеческого опыта сопротивлялись пониманию происходящего. Преобразование неживой природы доступно руке, вооруженной хотя бы палкой или камнем, — это изначально и непреложно. Но так вот преспокойно, словно бы невзначай, ткнуть пальцем...

Новиков перевел дух. Он все еще не доверял собственным глазам. Он схватил кинокамеру и начал съемку. Что-то заслонило видоискатель. Новиков опустил камеру и увидел, что Резницкий, шагнув вперед, подбирает с пола только что сработанное корытце.

— Не трогайте! — крикнул Новиков, расширив глаза.

Сергей Сергеевич улыбнулся:

— Тяжелое, не поднять... — Он вдруг заторопился куда-то, бросил на ходу: — Я сейчас....

Новиков последовал за беспокойным своим товарищем. Не нравилась ему улыбка Резницкого. Он с трудом догнал биофизика в полумраке подземного зала. Светильников здесь нигде не было видно, непонятно, откуда шел неровный и не-

сильный свет. Резницкий стоял посреди зала и смотрел на аборигена, неподвижно висевшего в воздухе. Шерсть аборигена отсвечивала сединой, глазки были закрыты. Как он держался в воздухе?..

— Уж не чучело ли? — спросил Новиков.

Не получив ответа, он оглянулся и увидел, что Резницкий опять целеустремленно направился куда-то в сгущающуюся тьму. Что за скверная манера! Новиков кинулся было за ним, но тут аборигены гурьбой повалили к выходу, перерыв у них был, что ли, и Новиков попал в самую гущу толпы. Он принялся расталкивать аборигенов локтями, они сносили это безропотно — впрочем, если и роптали, то все равно Новиков не смог бы услышать. Плотный поток бурых мохнатых тел повлек его к выходу. Опять пришлось спотыкаться на льду, издырявленном ямками. Новиков обхватил за шеи двух аборигенов, идущих впереди, и поджал ноги. Аборигены pokrутили головами, наверно, это не очень им понравилось, но продолжали идти вверх, потому что сзади их подпирали, и так Новиков благополучно выбрался на поверхность.

Он отошел в сторонку и стал выжидать, пока из норы вылезет последний, чтобы снова спуститься и разыскать Резницкого. Но внимание его привлекла странная церемония.

У гнutoго столбика с ребристым набалдашником выстроилась длинная очередь. Там стояли двое гладких, и мохнатые аборигены, подходя один за другим, выплевывали изо рта к их ногам желтые кружки. Затем сдавший жетон (так уж решил Новиков, что это жетоны) приваливался животом к столбику, упираясь пряжкой в набалдашник. Постояв так с минуту, абориген отходил, уступая место следующему.

Медленно, безмолвно двигалась очередь в сумеречном свете дня, росла горка желтых жетонов. К столбику приблизился абориген с белым треугольником на лбу, он шел с видимым трудом, вцепившись в руку соседа. «Смутьян, что ли?» — подумал Новиков, приглядываясь. Но у других тоже были отметины на лбах — поди разберись тут.

Абориген доковылял до столбика и выплюнул жетон. Но двое гладких, наблюдавших за порядком, стали перед ним, загородив собою столбик. С десятков мохнатых аборигенов привдвинулись к Смутьяну — если это был он. Смутьян, цепляясь за соседей, еле держался на ногах, и так они стояли несколько минут, толпа мохнатых против двух гладких. Наверно, они же-

стоко препирались, может быть, с руганью и оскорблениями. Вдруг Смутьян качнулся и пошел прямо на гладких, и остальные двинулись за ним, но тут один из гладких тоже шагнул вперед и ткнул его жезлом в пряжку на животе. Смутьян всплеснул руками и рухнул на лед ничком. Толпа подалась назад, никто и попытки не сделал поднять упавшего, и тогда Новиков, не раздумывая, подбежал к Смутьяну и перевернул его на спину. Глазки его были задернуты пленкой, как у спящей птицы.

— Бездельники! — выкрикнул Новиков страшное земное ругательство, обернувшись к гладким. — Вы что же это бесчинствуете, людей убиваете!

Гладкие смотрели на него снизу вверх, шевеля ноздрями. Новиков сгреб тяжелое тело Смутьяна и подтащил к столбику. Гладкие не препятствовали, только один из них проворно прикоснулся жезлом к набалдашнику столбика. Новиков отпихнул гладкого, тот вспорхнул и был таков. Второй тоже улетел.

Ругаясь, Новиков прижал Смутьяна к столбику, мохнатое тело безжизненно сползло, и пришлось немало повозиться, пока пряжка Смутьяна уперлась в набалдашник. Новиков держал его, обхватив под мышками, минуты две или три, но, видимо, было уже поздно: Смутьян не обнаруживал признаков жизни и, когда Новиков отпустил его, снова распластался на льду.

— Так, так. — Новиков обвел хмурым взглядом толпу аборигенов... — Трусые вы и рабы, вот что я вам скажу. Да, рабы. Не можете за себя постоять. А, да что говорить!

Он в сердцах махнул рукой и пошел сквозь раздавленную толпу к лазу, что вел в подземелье.

Долго бродил Новиков по проходам и закоулкам подземелья, разыскивая и окликая Резницкого. Тут и там работали группки мохнатых аборигенов. Несколько раз он столкнулся с гладкими, они сторонились, уступая дорогу, и глядели ему вслед. Новиков устал и охрип, и очень тревожился за Сергея Сергеевича. Куда он запропастился? Зал тянулся, суживаясь и расширяясь, Новиков прошел уже, должно быть, километра три или четыре, а подземелью все не было конца.

Он присел отдохнуть на выступ желтой стены.

Пожалуй, лучше всего поджидать Резницкого у выхода. Чем бы он там ни увлекся, все равно ему придется подняться

на поверхность, к вездеходу. Проголодается и вспомнит. Никуда не денется. Он не любит ходить голодным. К тому же скоро очередной сеанс связи, не может же Резницкий забыть об этом.

Так Новиков уговаривал сам себя, пытаясь подавить тревогу. Он не сразу заметил, что перед ним стоит мохнатый абориген и усиленно работает ноздрями. На лбу у него была белая отметина вроде той, что украшала лоб Смутьяна. Аборигены были противны Новикову, не хотел он с ними дела иметь, но этот торчал перед глазами с какой-то терпеливой настойчивостью. Он сделал несколько шажков в сторону и вернулся, как бы приглашая Новикова следовать за собой. Может, хочет показать, где Резницкий? Новиков вскочил на ноги и кивнул аборигену, и тот пошел вразвалку к тому месту, где висело в воздухе чучело, а потом свернул в боковой коридор.

Новиков немного замешкался, разглядывая желтое корыто, валявшееся на полу под чучелом, внутри корыто было разделено переборками на множество ячеек. Новиков задумчиво постучал по его округлому борту носком башмака. Провожатый терпеливо поджидал на повороте, Новиков снова пошел за ним.

Вскоре он оказался в полутемной нише, а вернее, в небольшой пещере, выдолбленной в стене коридора.

— Ну? — сказал он, оглядываясь. — Дальше что? Куда ты меня привел?

Абориген отодвинул камень, прикрывавший часть стены, и взглянул на Новикова. Тот подошел, ожидая увидеть за камнем какой-нибудь новый лаз, но ничего такого там не было. Новиков попробовал передвинуть камень на место и убедился, что это ему не под силу. «Странно, — подумал он, — как же этот мохнатый тюлень запросто ворочает такую тяжесть?» Абориген все стоял у стены, прежде прикрытой камнем, и Новиков, нагнувшись, пригляделся. Стена как стена, ничего особенного. Он посветил фонариком. Нет, тут есть что-то. На гладком, как бы отшлифованном участке стены были вразброс нацарапаны значки — кружочки и угольнички.

— Подумаешь, — проворчал Новиков, — на Земле есть пещеры с рисунками первобытных людей — почище, чем эти вакорючки.

Вдруг он уловил нечто знакомое в расположении значков,

нечто очень знакомое. Конечно, вот схема звездного неба планеты Бюр. В центре, по-видимому, Альфа Верблюда, вокруг нее нацарапаны кружочки, обозначающие планеты.

Новиков перевел удивленный взгляд на аборигена. Мохнатый астроном заполоскал поздрыми. С неожиданной для его упитанного тела поспешностью он задвинул камнем карту звездного неба и забился в темный угол пещеры. Новиков оглянулся и увидел, как мимо прошмыгнули серые тени. Он вышел из закоулка. Быстро шла группа гладких аборигенов. «Что-то они мечутся, — подумал Новиков, — бегают взад-вперед, как муравьи в растревоженном муравейнике».

Он попытался объясниться знаками с мохнатым астрономом, вылезшим из своего закутка, — безуспешно.

— Эх ты, — с досадой сказал Новиков, — ученый муж! Вот смотри-ка.

Он принялся набрасывать карандашом на стене фигуру человека в скафандре и заметил, что острие карандаша слабо светится, прикасаясь к стене. Абориген, не мигая, смотрел на рисунок. Но, видно, у него на уме была одна астрономия. Он снова отодвинул камень, ткнул трехпалой рукой в один из нацарапанных на карте кружков и сделал короткий жест, будто хотел стереть кружок, а другой рукой указал на свою пржку.

Видя, что толку от астронома не добиться, Новиков повернулся к нему спиной и опять пустился на поиски Резницкого. Он сорвал голос, окликая Сергея Сергеевича, и не мог понять, почему тот не отвечает. Рация скафандра, что ли, испортилась у него? Гонимый страшной тревогой, Новиков метался по подземелью.

В каком-то дальнем коридоре он набрел на гладкого аборигена, который стоял у стены и поглаживал по голове зверька, зажатого под мышкой. Невозмутимая его физиономия и праздный вид вызвали вдруг у Новикова ярость.

— Ты, быдло! — выкрикнул он неожиданно всплывшее в памяти слово из какого-то исторического романа. — Кошкo-владелец! А ну, говори, куда вы его запрятали!

Он понимал, что не дожидется ответа, что гладкий и не слышит его вовсе, но продолжал кричать, давая выход накопившемуся раздражению. Он потрясал кулаком перед поздрыми «кошкoвладельца» и с трудом удерживался от искушения двинуть его как следует. Стена вдруг разъехалась за спиной

гладкого, из светового пятна выскользнули один за другим еще четверо или пятеро гладких аборигенов. Они вылезли не на крик, нет, просто отправлялись куда-то по своим делам. И тут Новикову показалось, что он слышит голос Резницкого — далекий и слабый. Он так и замер, вытянув шею и напряженно прислушиваясь. Нет, все тихо. Померещилось, должно быть.

Он оттолкнул того, со зверьком, и шагнул в открывшееся помещение. Гладкие вошли тоже, стена сомкнулась за ними.

За сутки, проведенные на этой сумеречной планете, глаза Новикова привыкли к полутьме, а тут вдруг ударил сильный свет — до рези в надбровных дугах. Невольно он поднес руку к стеклу шлема.

Терморегулятор скафандра чуть слышно щелкнул — значит, перешел на охлаждение. Можно было открыть стекло гермошлема — анализатор воздуха освободил замок. Да, дышалось хорошо. Лицо ощущало мягкое тепло.

Желтые стены в этом зале, не похожем на другие, были затейливо изрезаны узорами, но, присмотревшись, Новиков понял, что это все те же корытца, плотно составленные рядами, один над другим. «Так, так, — подумал он, — сюда, значит, они волокут изделия своих мохнатых сограждан».

Новиков медленно пошел вдоль стены, разглядывая и снимая на киноплёнку весь этот склад. «Похоже на пчелиные соты старого типа», — подумал он. Резные узоры были неодинаковы, они чередовались с ячейками правильной геометрической формы, и были тут ячейки, из которых торчали пучки тонких, слабо вздрагивающих волос.

— Так, так, — приговаривал Новиков. — Любопытно. Любопытно...

Он не без уважения посмотрел на гладких аборигенов, они тесной группкой следовали за ним — видно, опасались, как бы Новиков чего-нибудь тут не тронул, не испортил. Он остановился — остановились и они.

— Чудная дружная семейка, — сказал он, нацеливаясь на них объективом кинокамеры. — Тюленьчики-энергетики. Прошу дать улыбку.

Потом он указал на жезл, зажатый в руке одного из гладких, и сказал задумчиво:

— Кажется, я понял, что это за штука...

— Алеша! — раздалось приглушенно, но отчетливо. И снова: — Але-ша!

Новиков встрепнулся, подбежал к простенку, из-за которого доносился голос Резницкого, но ничего похожего на дверь не обнаружил.

— Я здесь, Сергей Сергеич! — Новиков забарабанил кулаками по стене, обернулся к гладким, крикнул: — Открывайте, живо!

Те завертели головами — видно, переговаривались друг с другом.

— Алеша! Скорей...

— Ну, кому говорю! — заорал Новиков. Вид его был страшен.

И тогда тот, что стоял впереди, шагнул к простенку и сунул жезл куда-то в угол. Стена бесшумно раздалась, открывая проход. Новиков шагнул — и замер, пораженный.

Резницкий, без шлема, голый по пояс, висел в воздухе, вытянув руки вверх, к потолку.

Из дневника Резницкого

...Жаль, что не хватило времени разобраться. Пожалуй, мне следовало вести себя осмотрительнее там, в инкубаторе. Но трудно удержаться, когда выпадает редчайшее для биолога счастье — возможность проследить, даже на ограниченном участке времени, развитие жизни, организованной поиному.

Удивительная планета! Вопреки своему правилу сдерживать эмоции ставлю здесь восклицательный знак.

Мы на Земле еще только начинаем догадываться, какие грандиозные перспективы сулит тау-энергетика. Мы пока не умеем принимать, концентрировать и трансформировать эту неисчерпаемую энергию, рассеянную в космосе. Мы почти ничего не знаем о ее природе. Наши опытные тау-концентраторы капризны и маломощны. Здесь же, на планете Бюр, прямо-таки загребают тау-энергию гигантским черпаком, и этот черпак — те самые сегменты, которые мы вначале приняли за космические корабли. Алеша убежден в том, что они и есть энергоприемники. Аборигены умеют не только принимать, но и аккумулировать тау-энергию. Подземный зал, примыкающий к инкубатору, весь заставлен аккумуляторами — у Алеши нет на этот счет никаких сомнений.

Но самое поразительное заключается в том, что тау-энергия служит аборигенам источником жизни. Самому мне не удалось посмотреть, но Алеша видел и снял на пленку, как аборигены по очереди подходят к энергораспределительному столбику и заряжаются. Вот она, пленка, я без конца смотрю на это чудо, космический феномен. Желтая пряжка вживлена в брюхо аборигена и служит контактом. Абориген прижимается пряжкой к столбику и получает личный заряд тау-энергии. Ее преобразование в биоэнергию и есть, по-видимому, основа жизненного процесса. Величайшая загадка! Энергетический заряд заменяет аборигену пищу и источник тепла. И кажется, они не знают, что такое сон, он им просто не нужен.

Они расходуют заряд на мускульные движения, на ходьбу и даже на полет: оттолкнулся — и тебя понесло. Более того: они выделяют нужные им предметы потребления при помощи того же заряда, не применяя никаких орудий труда. По команде, отданной мозгом, часть личного заряда подается к кончикам пальцев и направляется далее на обрабатываемый предмет, причем количество энергии саморегулируется в соответствии с потребностью. Так мы это себе представляем. Мы видели это своими глазами и зафиксировали на пленке. Да, это установленный факт. Когда мы по возвращении на корабль прокручивали пленку, Прошин попросил повторить это место второй и третий раз. Даже у нашего невозмутимого командира вырвался, я бы сказал, неуправляемый смешок.

Представляю, как будут поражены Саша Оборин, Розенфельд, Стоун и другие коллеги из Института Космических Проблем...

Биологическая цивилизация? Похоже на то, но в очень своеобразной форме. Как часто мы, земляне, окруженные куполом техносферы, забываем в житейской суматохе привычных дел, что существуем во Вселенной и бесчисленными нитями связаны с ее мощным дыханием.

Вот он, вот нагляднейший, взятый в чистом виде пример этой связи.

Мы пользуемся излучениями нашего Солнца через сложную систему фотосинтеза и биосинтеза, то есть опосредствованно. А теперь мы увидели существа, жизненный процесс

которых прямо и непосредственно связан с энергocosмическим источником.

Но что за таинственный выброс тау-энергии с планеты? Если это процесс естественный, то мы пока не можем найти ему удовлетворительного объяснения. Ну, а если искусственный... опять-таки непонятно. Выбрасывать в пространство накопленную, жизненно необходимую для них энергию — акт поистине самоубийственный и противный разуму. Нет, намеренный выброс надо исключить.

Методика поиска ответа охватывает три ряда вопросов. Энергетической стороной занят Алеша. Биологическую проблему обдумываю я, и признаться, никогда еще голова у меня так не трещала. Мне кажется, аборигенов Бюра по многим признакам можно отнести к тому же семейству, что и обитателей планеты Тихих Идиотов (боюсь, это название так и укоренится, хотя я продолжаю против него возражать). Но видовые различия, конечно, значительные. Общность, некоторую внешнюю схожесть видов нетрудно объяснить общностью условий данной звездной системы. Различия — тем, что Бюр находится много дальше от Альфы Верблюда, чем планета Тихих Идиотов.

Но эти соображения — самого общего порядка. Ясно, что без социологии здесь не обойтись. Неравенство, разделение аборигенов Бюра по меньшей мере на два класса очевидно. Понятие «класс» употребляю условно, вернее или осторожнее будет сказать — социальная категория. Социальная — безусловно, ибо речь идет об обществе разумных существ и определенном, хотя и весьма своеобразном способе производства. А если так, то, по-видимому, существуют и производственные отношения между обеими социальными категориями.

Система обмена информацией посредством запаховых комбинаций сразу же исключила возможность непосредственного общения с аборигенами.

Придется по возвращении подумать о быстродействующих инверторах обонятельного типа. Вот в чем вся беда: невозможность прямого контакта. Конечно, если бы не наше поспешное бегство, мы бы тем не менее сумели накопить побольше информации. Тут уж виноват я сам. Не надо было жадничать там, в инкубаторе...

Глаза у Резницкого были острые, видели далеко. Только разбежались у него глаза, когда он попал в подземелье. Хотелось ничего не упустить.

Постояв под висевшим в воздухе чучелом, Резницкий огляделся и увидел нечто, тоже достойное внимания. Несколько мохнатых аборигенов медленно кружились, точно в хороводе, а рядом с видом надсмотрщика стоял гладкий. Сергей Сергеевич устремился к ним. Он оглянулся на Новикова, увидел, что тот пытается выбраться из толпы аборигенов, а потом потерял его из виду: поток бурых косматых тех хлынул к выходу. «Ну ничего, — подумал Резницкий, — Алеша пошел посмотреть, что они собираются делать, а потом вернется».

Невеселый это был хоровод. Резницкому припомнилась картинка из учебника истории: вот так когда-то в старину понуро ходили по кругу крестьянские лошади на току. Аборигены кружились, медленно переступая толстыми ногами, и время от времени по очереди наклонялись к желтому корыту, стоящему в середине.

Гладкий взглянул на Резницкого — мол, что тебе здесь нужно, и Сергей Сергеевич улыбнулся ему в знак того, что не питает никаких нехороших намерений. Движение лицевых мускулов, однако, могло показаться аборигену подозрительным, сами-то они улыбаться не умели. Во всяком случае, хоровод остановился. Резницкий отошел и стал наблюдать издали, уж очень ему хотелось докопаться до сути обрядового танца, если это действительно был обряд. Мохнатые снова поплелись по кругу, как лошади, и Резницкому в конце концов это надоело. Он уж собрался идти дальше, но тут танец кончился. Мохнатые где стояли, там и сели, видно, устали, бедняги. А гладкий наклонился к корыту, что-то потрогал жезлом, а потом с легкостью поднял корыто и полетел куда-то в глубь подземелья. Резницкий побежал за ним.

Хорошо еще, что тот, гладкий, летел не так уж быстро, отталкиваясь от земли ногами, а потом и вовсе пошел пешком. В дальнем коридоре он остановился, тронул жезлом стену, и она разъехалась, и Резницкий прошмыгнул вслед за ним.

Помещение, в котором он очутился, было залито ярким светом, а стены снизу доверху были уставлены желтыми ко-

рытцами и казались покрытыми прихотливым узором. Почему-то Резницкому припомнилась древняя мечеть в Средней Азии — там стены тоже покрывала тончайшая резьба, но, конечно, более искусная и не носившая энергетических функций.

Гладкий абориген, за которым увязался Сергей Сергеевич, поставил принесенное корытце на пол и опять что-то потрогал жезлом. Затем вокруг корытца уселись семеро гладких. Они широко раздували ноздри и слегка покачивались из стороны в сторону. Один из них при этом не забывал поглаживать по шелковистой голове зверька, сидевшего у него на руках. Спустя минут двадцать он перестал раскачиваться и строго, как показалось Резницкому, посмотрел на своих соплеменников. Некоторое время они переглядывались — переговаривались, как видно. Лица их были бесстрастны, но Резницкий был уверен, что «кошковладелец» о чем-то яростно спорит с тем, кто принес корыто. Этот последний вдруг зажал ноздри рукой, а «кошковладелец» пихнул толстенькой ножкой корытце. Тогда его «оппонент» лягнул «кошковладельца». Они стали друг перед другом, зажимая ноздри ладонями, и Резницкий решил, что сейчас будет драка. Проворно он вклинился между спорщиками, готовый разнять их. В руке «кошковладельца» появился жезл, в следующий миг жезл уперся Резницкому в живот, в поясную застежку. Гибкая ткань скафандра прогнулась. Резницкий осторожно отвел жезл в сторону. Он уже знал, что аборигены не воспринимают улыбку как знак добрых намерений, но продолжал машинально, «неуправляемо» улыбаться. На Земле такая улыбка обезоруживала любого недоброжелателя, но здесь была сумеречная планета Бюр, не знающая тепла и света.

Гладкие аборигены тесной группкой надвинулись на Резницкого, выставив жезлы. «Ничего они не могут сделать мне плохого, — подумал Сергей Сергеевич, пятясь к стене, — решительно ничего, ничего». Он широко развел руками, показывая, что у него нет оружия, и он готов всех их обнять как братьев по разуму, и, конечно же, в конце концов они научатся понимать друг друга, потому что Разум всемогущ.

Но те тыкали жезлами ему в живот и прижали к стене, и тут стена раздалась за его спиной, и Резницкий, быстро обернувшись, шагнул в проход. Стена сразу сомкнулась за ним.

Он еще не успел как следует разглядеть то, что открылось его жадному взгляду, но почему-то, обгоняя информацию зри-

тельных нервов, его охватило знакомое ощущение счастья, ибо предчувствие познания Нового было для него именно счастьем.

В ярко освещенном пространстве будто кружила медленная белая метель. Но это были не хлопья снега, они двигались прихотливо и непонятно, и от этого движения у Резницкого слегка закружилась голова. Тогда он сосредоточил внимание на одном из плывущих предметов и понял, что это яйцо. Продолговатое, в два кулака величиной, в серых подпалинах, оно тихо уплывало вверх и куда-то вбок, и уже наплывали другие такие же, и уловить в этом движении какой-либо порядок Резницкий не мог. Постояв в нерешительности, он осторожно шагнул вперед — и споткнулся. Только теперь он заметил, что пол был уставлен вразброс желтыми корытцами. «Да, здесь требуется верх осмотрительности», — подумал он, подняв ногу и выбирая место, куда бы ее поставить, и одновременно изгибаясь, чтобы избежать столкновения с наплывающим яйцом. «Надо быть очень, очень осторожным, — подумал он, — главное — не торопиться». Он прикоснулся к яйцу, плывущему на уровне носа. Оказалось, что оно удобно уместается в двух горстях. И тут же почувствовал, что его приподнимает в воздух. Он испугался и выпустил яйцо.

Взглянув на приборный щиток в рукаве скафандра, Резницкий заметил, что температура и влажность воздуха здесь были, как на тропиках Земли. «Ну да, конечно, инкубатор, — подумал он, — а в инкубаторе должно быть тепло».

Он дернул застежку и спустил скафандр со племом до пояса. Теперь его подвижность увеличилась. И он снова двинулся вперед, цепко глядяваясь в белую круговерть.

На Земле издавна стараются свести движение к прямым или к дугам окружности. Здесь, очевидно, обычай был иной. Единственное, что смог подметить Резницкий, было то, что не все яйца проделывали одинаковый путь, они по-разному группировались и проходили над разными группами корытец. «Так, нужна система, — подумал Резницкий, — а то глаза разбегаются». Приметив группу яиц, он пошел за ними, стараясь не терять их из виду, однако уже через несколько минут запутался. Наблюдение осложнялось необходимостью смотреть под ноги. Тут он заметил нечто новое в прихотливом танце яиц: мимо проплыл желтый предмет, похожий на волан бадминтона. Он словно бы присосался своим раструбом к яйцу.

«Ну вот что, — сказал себе Резницкий, как бы отвечая

невидимому оппоненту, — я не имею права вернуться без такой штуки. Надо добыть и простое яйцо, и непростое, с воланом». И еще он подумал, что, может быть, ему удастся проследить ход развития зародыша и снять все показатели. Вот еще яйцо с воланом...

Резницкий подпрыгнул, но яйцо ускользнуло. При этом какая-то сила продолжила прыжок: Резницкий как был — полуголый, с выброшенными вверх руками — взлетел и оставался в воздухе. Внизу под собой он увидел несколько гладких аборигенов, они суетились, подтаскивали корытца. Как же он не заметил, что они подкрались к нему сзади?..

Он попробовал шевельнуть рукой, ногой и не смог. Здесь, наверху, жара была страшная, иссушающая, но Резницкий почувствовал озноб. Холодный озноб. Всегда, при любых обстоятельствах он мог управлять своими эмоциями, но теперь в него вошел ужас.

Скосив глаза, он видел поднятые к нему лица аборигенов, их широкие, раздувающиеся ноздри.

— Помогите!

Тут же он понял бессмысленность собственного восклицания. Ларингофон был сброшен вместе со шлемом, Новиков не мог услышать его крика. И все-таки Резницкий продолжал звать на помощь.

Его пугала глухая тишина.

Тишина и белая медленная метель.

Новиков ворвался в инкубатор и замер, увидев Резницкого, висящего под потолком. «Вот же что придумали, энергетики проклятые»!

— Алеша... — прохрипел Резницкий. — Алеша...

— Я здесь, Сергей Сергеич! Сейчас я вас...

Новиков ринулся вперед. Что-то белое ударилось об его шлем и отскочило, он даже и не взглянул, отмахнулся только. Под Резницким стояли три желтых корытца. Новиков попытался оттащить одно из них в сторону. Ничего из этого не получилось, корытце было словно из мезовещества, непонятно, как аборигены ухитряются таскать такую тяжесть. Новиков огляделся в поисках чего-нибудь, что можно было бы использовать в качестве рычага. Тесной группкой на него наступали гладкие.

— Брысь! — крикнул он им и снова приналег что было сил.

Корытце не поддавалось. У Новикова мышцы чуть не рвались от титанического усилия, глаза застилал горячий пот, сердце стучало у горла. Боковым зрением он видел толстые, покрытые короткой золотистой шерсткой ноги аборигенов — они подступили уже совсем близко.

— Осторожно, Алеша, — хрипел Резницкий, с трудом шевеля языком в пересохшем рту. — Осторо... Как бы они и вас...

Новиков рванул застужку и спустил скафандр до пояса. «Теперь дело пойдет», — подумал он. Его гладкая, еще хранившая земной загар кожа блеснула от пота, напряженные мышцы ходили под ней тугими волнами. Хрустнули суставы. Нет, не хватает сил, не хватает...

Он выпрямился, часто дыша и отирая пот с лица. Аборигены узкоглазо смотрели на него, медленно переступая ногами на месте, и Новикову почудилась в их позах некая нерешительность. Что произошло? Еще минуту назад они были настроены явно агрессивно.

— Я вас! — Новиков сделал резкий выпад правой, как в старинном боксе.

Те подались назад, выставив перед собой жезлы.

— Алеша... Осторо-о... — слабо стонал Резницкий.

Зубы Новикова приоткрылись в хищной улыбке, в глазах появилось нечто первобытно-яростное. Он медленно пошел на аборигенов, и те опять отступили.

— Что носы зажимаете, энергетики поганые? Человечий дух не нравится? А ну, дай сюда! — И Новиков с маху вырвал жезл из рук ближайшего аборигена.

Он ткнул наконечником жезла в одно корытце, в другое, в третье, и тут на него свалился Резницкий, сбил с ног, и оба забарахтались на полу. Аборигены оправились от замешательства, все разом накинулись на разведчиков, тыча в них жезлами, прижимая к полу, и кто-то торопливо подтаскивал корытца. У измученного Резницкого не было сил сопротивляться. Новиков свирепо отбивался, но кулачные удары тонули в мягкости тяжелых тел. Да еще мешал спущенный до пояса скафандр. «Плазмострел? — мелькнуло в голове. — Нельзя, слишком близко... обожжет...» Многovesная туша навалилась на

грудь, прижала лопатками к шершавому полу. «Ребра поло-мает», — подумал он, задыхаясь.

Как часто зашвыриваем мы в дальние углы памяти информацию о каком-либо незначительном происшествии, полагая, что вряд ли она пригодится. Но в некий решительный момент она вдруг сама собой становится единственной, спасительной и молнией вспыхивает в мозгу, побуждая к мгновенному, иногда безотчетному действию.

Новиков протиснул руку в наколенный карман, нащупал баллончик с одеколоном и нажал кнопку. Нежный запах земного цветущего луга вошел в нагретый воздух инкубатора. Туша скатилась с Новикова, и он живо вскочил на ноги. Аборигены заметались, зажимая ноздри.

— Ага, не нравится! — злобно заорал Новиков и направил распыленную струю одеколона «Незабудка» на властителей планеты Бюр.

Это была настоящая, полноценная паника. Сталкиваясь друг с другом, отдавливая ноги, падая и неуклюже поднимаясь, гладкие опрометью бросились к разъехавшейся перед ними стене.

— Скорей, Сергей Сергееч! — крикнул Новиков. — Пока не закрыли!

Резницкий сидел на корточках, разглядывая черный шелковистый комок — то было животное для поглаживания, обретенное хозяином в пылу схватки.

— Интересно, — сказал он. — У него нет ног...

— Жизнь надоела?! — взревел Новиков, хватая биофизика в охапку и швырнул его к проходу.

Сам он еле успел проскочить вслед за Резницким, и стена беззвучно сомкнулась за ним.

Из дневника Резницкого

Синхронизация Времени — Пространства — просто чудо. Кажется, только что корабль вошел в режим СВП, а уже между нами и планетой Бюр пролегли десятки световых лет.

Планета Бюр, сумеречная странная планета...

Беспокойные мысли одолевают меня. Хочу понять. Строю всевозможные гипотезы. Этническая общность аборигенов Бюра и тихих пидиотов подтверждается еще и откладкой яиц.

Все более вероятным кажется мне их общее происхождение. В грубом виде могу себе представить следующую схему.

В очень далекие времена условия на Бюре были иными. Возможно, это была цветущая планета с весьма высоким уровнем цивилизации. Потом что-то там произошло. Может быть, по какой-то причине планета отделилась от своей звезды. Ученые заранее предупредили верхушку общества о предстоящем страшном оледенении, и тогда элита покинула обреченный Бюр. Она бросила на произвол судьбы трудящиеся массы и переселилась на другую планету. Там был создан автоматический рай, все заботы были переложены на электронный мозг. Мы видели, что из этого получилось: многовековая праздность привела к вырождению, воистину потрясающему воображение, превратила потомков переселенцев в жалкие ничемные существа, в тихих идиотов.

Можно предположить, что вскоре после бегства элиты на Бюре разразилась катастрофа. Замерзли моря и реки, и гигантские ледники напозли с полюсов, губя и руша все живое, пока не сомкнулись у экватора. И планета превратилась в мертвую ледяную пустыню. Можно предположить, что элита забрала с собой ученых и инженеров, и среди оставшихся аборигенов не было никого, кто бы мог разработать средства борьбы с оледенением. Это была поистине апокалипсическая катастрофа. Аборигены погибали от холода и голода. В поисках спасения зарывались в землю. И вот... Ну что ж, это выглядит фантастично, но отнюдь не исключено, что какие-то особи приспособились к новым чудовищным условиям. Закон естественного отбора...

Опять-таки можно предположить, что обитателям Бюра всегда была свойственна особая восприимчивость к космическому излучению. И после катастрофы могли уцелеть те, кто обладал этой восприимчивостью в наибольшей степени. Они выживали, давали потомство и с каждым новым поколением все более развивались в организмах рецепторы, способные воспринимать тау-энергию и трансформировать ее в тепло. Вечное и великое чудо приспособления жизни к условиям, казалось бы, противоречащим жизни.

Таким образом произошел качественный скачок. Они научились концентрировать и аккумулировать тау-энергию и превращать ее в форму, пригодную для непосредственного введения в организм. Понемногу отпала потребность в пи-

ще — ее, как и тепло, заменила зарядка. Ведь пряжки, вживленные в тела аборигенов, — это, несомненно, контактные устройства для зарядки.

Адаптация шла веками. Она влекла за собой существенную перестройку организма, изменения всей системы внутренней секреции. Необыкновенно развилось обоняние. Не знаю, была ли у их предков звуковая речь, но теперь они общаются друг с другом посредством направленных запаховых комбинаций. Более того: запах для них не только средство общения, но и источник эстетического наслаждения. Для такого утверждения есть достаточное основание. Их дальние родичи — тихие идиоты развлекались комбинациями запахов, которые создавал для них Большой Центр. Здесь, на Бюре, мы наблюдали, как толпа аборигенов около двух часов сидела на льду перед желтым корытцем. Можно предположить, что они вдыхали, ну, скажем, симфонию запахов, каким-то образом записанную в ячейках этого самого корытца. Возможно, у них есть свои, так сказать, композиторы...

Стоп, Резницкий! Что за странная мысль... Надо как следует подумать. Интересно, что скажет об этом Алексей с его максималистским складом мышления.

Разговор Резницкого с Новиковым (запись на пленке)

— Доброй полуночи, Сергей Сергееч.

— Допустим. В режиме СВП ваша полуночь, Алеша, звучит по меньшей мере смешно.

— Мы летим, ковыляя во тьме. Мы к родной подлетаем земле...

— Что за новости?

— Это старое, Сергей Сергееч. Старинная песня военных летчиков. Впрочем, до родной земли еще, ох, как далеко...

— Вы плохо себя чувствуете?

— С чего это вы?... Впрочем, должен признаться... никогда так тяжело не переносил состояние безвременья.

— Дать вам витакол?

— Не надо. Ничего, отлежусь...

— Алеша, помните ту мою пленку, где несколько мохнатых ходят вокруг корытца?

— Помню, Сергей Сергееч.
— Так вот: мне кажется, что это композиторы.
— Хм! У меня есть знакомый композитор, но я ни разу не видел, чтобы он ходил вокруг...

— Нечто вроде коллективного творчества. Они создают запаховую симфонию, и она фиксируется в ячейках корытца. Разумеется, это не более чем предположение.

— Ну что ж... Корытце в их технике, по-видимому, стандартный элемент. Можно хранить энергию или симфонию. Можно их излучать. А еще можно подвешивать неугодных лиц в воздухе. Помните чучело в подполье? Наверное, какой-нибудь тамошний правонарушитель, подвешенный для острастки, а?

— Не знаю, Алеша. Меня-то подвесили в инкубаторе. Это что — знак особого внимания?

— Просто в инкубаторе больше энергетических возможностей. Вы же видели — он набит корытцами. Гладкие и меня хотели подвесить, потому и пропустили в инкубатор, когда я забарабанил по стенке.

— Как вы думаете, Алеша, почему они напали на нас?

— Наверное, им не понравилось, что мы укрыли Смутьяна от погони.

— Бедняга Смутьян!..

— Да. Ему не следовало так много летать, это требует большой затраты энергии, и его заряд быстро иссяк. Он был вынужден идти к энергораспределительному столбику заряжаться, и тут его подкараулили гладкие и ткнули в пряжку разрядником.

— Вначале я думал, что жезлы у них просто символ власти. Хорошо, что вы догадались, что это разрядники. Иначе я до сих пор висел бы там, в инкубаторе.

— Я думаю о другом, Сергей Сергееч... Я был не прав, когда, помните, говорил, что это примитивные существа, полубезьяны...

— Рад, что вы переменили мнение.

— Они не вызывают у меня никакой симпатии, но признаю, что контакт с ними был бы очень полезен. Чисто с технической точки зрения. Система их энергетики потрясающе удобна и рациональна... Но вы начали что-то о композиторах, Сергей Сергееч.

— Понимаете, мне пришло в голову, что композиторы кол-

лестивно создают симфонию запахов. А потом ее нюхает синклит гладких. Проверяет, что ли, качество симфонии, перед тем как разрешить массовое исполнение. Но дело не только в этом. У них в инкубаторе обработка яиц явно дифференцирована.

— Но что это значит?

— Я имею в виду заранее заданные качества. Яйца облучаются по-разному, проходят различный путь, и таким образом будущих аборигенов заранее профилируют по профессиям. Заготавливают, допустим, резчиков или как еще назвать тех, кто делает корытца. Или композиторов, вероятно, с желательным уклоном. Или астрономов...

— Ну уж нет, астрономы, как я понял, у них не в чести. Тот мохнатый, что показывал мне звездную карту, ужасно боялся, что начальство узнает. Любителей астрономии, видно, немного, и занимаются они ею тайком. Недозволенная наука.

— Вы думаете, у них не в почете вообще ученые или только астрономы?

— Кто их знает? По-моему, им нужны только эксплуатационники. Обслуживающий персонал. Ну, может, еще композиторы — для развлечения. А ученые — народ беспокойный.

— Алеша, вы заметили, что некоторые яйца в инкубаторе снабжены индивидуальными облучателями? Это, надо полагать, яйца короткошерстных. За ними специальный уход. Если хотите, у них тщательно выверенная система пополнения правящего класса. Что вы на это скажете?

— Мне, Сергей Сергееч, в инкубаторе было не до яиц. Да и вообще я слабоват в социологии. Знаю, что были когда-то дворяне и дворовые, тред-юнионы, губернские секретари...

— Все это не то... Не то... В таких экспедициях, как наша, просто необходим социолог, вот что я вам скажу.

«Мы к родной подлетаем земле...»

Животное погибало. Резницкий не спускал его с рук, непрерывно поглаживал по шелковистой шерсти, пытаясь поддерживать статический заряд. Бортинженер Рандольф помещал животное во все доступные в корабельных условиях комбинации полей. Ничего не помогало, и Резницкий был расстроен, даже заметно осунулся от огорчения.

— Что поделаешь, Сергей Сергееч, — утешал Новиков, — эта тварь, простите — кошечка, может жить только в сильном тау-поле при интенсивном поглаживании. Я и то удивляюсь, что оно протянуло так долго.

— Не стоит огорчаться, — поддержал его Рандольф. — Зверек, по правде говоря, пустяковый.

— Правильно, — сказал Новиков. — Ну что за животное — для развлечения. Какой от него толк?

Они стояли в крохотной лаборатории Резницкого, сочувственно вздыхая. При этом Рандольф думал, что Резницкий неэкономно расходует энергию на освещение и обогрев варя, но высказать это вслух не решался.

— Все равно вы собирались его анатомировать, — мягко убеждал Новиков. — Где тут ваш ножичек?

— Были бы у него ноги, — басил Рандольф, — а то все время на руках таскать... мало радости.

Резницкий удрученно молчал.

В лабораторию заглянул Прошин.

— Ну как? — спросил он шепотом.

Новиков состроил жалостливую гримасу и пожал плечами. Резницкий погладил животное в последний раз, положил на столик и выдвинул ящик с анатомическими инструментами.

— Давайте-ка, Сергей Сергеевич, сперва пообедаем, — сказал Прошин.

— Обедайте без меня. — Резницкий принялся натягивать перчатки.

Наступило долгое молчание. Трое стояли над Резницким, дышали ему в затылок, смотрели, как он орудует инструментом.

— Ничего похожего... — пробормотал биофизик, осторожно перебирая лиловые внутренности. — Так я и думал... так я и думал. Здесь совершенно другое... Вот эта штука, надо полагать, и есть орган, трансформирующий тау-энергию в биохимическую.

— Вот эти колечки? — заинтересовался Новиков; нагибаясь над столом.

— Только без руки, — сказал Резницкий.

— Сергей Сергееч, дайте посмотреть под биноклем. Очень прошу.

— Все-таки не следует пренебрегать обедом, — сказал Прошин, но никто ему не ответил.

Биофизик, штурман и бортинженер по очереди прилипали к окулярам и спорили.

— На редкость сложная схема, — говорил он.

— Наоборот, простая, — басил Рандольф. — Принцип потрясюще прост, если рассматривать эти колечки как многослойные аккумуляторы.

— Вот он, вот образчик примитивного техницизма! — патетически восклицал Резницкий. — Да вы же ничего не смыслите в тончайшем химизме превращений. Как же можно...

— Можно! — утверждал Новиков, горячо блестя глазами. — Этот организм можно моделировать, и мы получим великолепный преобразователь тау-энергии. Нет, вы представьте себе, товарищи, это же будет революция в энергетике! Загребать из космоса сколько угодно неисчерпаемой энергии!

— Максималисты! — упорствовал Резницкий. — Прежде чем дело дойдет до загребания энергии, целое поколение ученых будет ломать голову над воссозданием чуждых земным условиям нейроэнергетических структур.

За обедом Сергей Сергеевич почти не ел, нервно потирал ладони, и глаза у него были далекие, отрешенные.

— Сергей Сергеевич, — сказал Новиков, — мы с Рандольфом вчерне обработали информацию. Пока мы нарушали ИПДП в экваториальной зоне, Рандольф с корабля обнаружил, что на полюсах расположены мощные установки, выбрасывающие концентрированную тау-энергию в космос. Энергетический баланс этой веселой планеты более или менее ясен.

Резницкий слабо кивнул. У него был вид УСР — узкоспециализированного робота, которому дали команду, не предусмотренную его программой.

Новиков сунул в густиватор общебелковый брикет и пошевелил пальцами над клавиатурой, размышляя, какой бы вкус ему придать.

— Ничего себе — ясен, — буркнул Рандольф. — Выбрасывают в пространство почти столько же тау-энергии, сколько принимают. Не пойму, какой в этом смысл. Вот послали бы меня в разведку, как я просил...

— Ну и висел бы ты в подземелье под потолком, — вспыллил Новиков. — Как светоч земной науки.

Он надкусил брикет и скривился. Вот что значит нажимать кнопки, не глядя: вместо желанной отбивной брикет приобрел вкус морковной запеканки.

— Если кто-нибудь сбрасывает энергию, значит она ему не нужна, — сказал Прошин.

— Павел Иванович! — воскликнул Новиков. — Так оно и есть, я как раз думал об этом, только сформулировать не мог. Эти, гладкие, накопили в своих корытах энергии больше, чем нужно, и теперь сбрасывают.

— Что вы сказали, Алеша? — спросил Резницкий. Глаза его теперь стали внимательными.

— Я хочу сказать... Ну, представьте себе, как они жили, когда энергии было мало. Скудный энергетический паек, жесткое распределение...

Он замолчал, задумчиво вертя в руках недоеденный брикет.

— Дальше, Алеша, — сказал Резницкий.

— Понимаете, мне сейчас пришло в голову, почему владельцы планеты такие гладкие...

— Они распределители энергии, это ясно, — сказал Резницкий. — Можно предположить, что они получают больший энергопак, чем мохнатые. Вероятно, когда-то их предки все были мохнатыми. Защита от холода, естественно... Но впоследствии энергораспределители...

— Верно, Сергей Сергеевич, — перебил Новиков. — Они отхватили себе энергопак побольше, ну и отпала необходимость в длинной шерсти, вот и стали они с каждым поколением делаться все глаже да пригожее.

— Допустим, — сказал Резницкий. — Но возникает вопрос. Вы говорите, они выбрасывают огромное количество энергии. В то же время вы сами наблюдали, как они выдают мохнатым энергопак по жетонам, то есть лимитируют его. Не вяжется одно с другим.

— Минуточку, — сказал Прошин. — Понимаю, что аналогии неуместны, но я вспомнил школьный курс истории. В эпоху Разобщенного Человечества предприниматели выливали молоко в океан, чтобы удержать высокие цены, в то время как в рабочих семьях постоянно недоедали.

— Да, аналогии неуместны, — подтвердил Резницкий. — Здесь совершенно другие условия. Нет товарного хозяйства, никаких материальных благ, даже жилищ...

— А привилегии? — Новиков вскочил с места.

— Ну что за привилегии? — поморщился Резницкий. —

Избыток энергопайка гладких эквивалентен длинной шерсти мохнатых.

— И все-таки привилегии, Сергей Сергеевич, — горячился Новиков. — Привычка к власти, к скорости передвижения, к бюрократии, если хотите... Сознание собственной исключительности...

Лишь бы отличаться от толпы чем угодно, ну, хотя бы правом ходить неумытым. Вот и получается: энергетический голод миновал, энергии накоплено — завались, на всех с избытком, а кучка распределителей ни за что не хочет расстаться с привилегиями. Не желают никаких перемен, не хотят быть, как все. Потому и выбрасывают энергию в космос.

Резницкий в раздумье почесал мизинцем светлую бровь.

— Дорогой мой Алеша, — тихо сказал он. — То, что мы видим на поверхности, далеко не всегда соответствует сущности явления — банальная истина, не так ли? Мы не смогли войти в контакт с ними и получить достаточную информацию. Может быть, тамошняя обстановка гораздо сложнее вашей схемы. Представьте себе, что основные массы аборигенов по уровню своего развития еще не подготовлены к неограниченному пользованию энергией.

— Минуточку, — сказал Прошин. — Из истории явствует, что менее всего могут объективно судить о подготовленности масс те, кто обладает привилегиями. Те же капиталисты утверждали, что массы не готовы к самоуправлению, и на этом основании стремились закрепить свое владычество на века.

— Ну, товарищи... — Резницкий опять поморщился. — Нельзя же так прямолинейно.

Новиков пошел вокруг стола, разминая длинные ноги.

— Ладно, — сказал он, — я не силен в социологии. Но, по моему, на Бюре скверные порядки. И между прочим, не всем они там нравятся. Вспомните нашего друга Смутьяна. Он протестовал! Помните, толпа смиренненько сидела на льду, пришел Смутьян, видно, с каким-то сообщением, и все сразу зашевелились. Может, он пронюхал насчет выброса энергии и за протестовал. За это гладкие и разрядили его. Или взять астронома. Явный интеллигент...

— Перестаньте, Алеша, — попросил Резницкий. — Вы действительно плохой социолог. Контакт с иными цивилизация-

ми — вещь чрезвычайно тонкая, она требует величайшей осторожности.

— То-то вы были так осторожны. — Прошин усмехнулся.

— Не отрицаю, — сухо сказал Резницкий. — Я иногда увлекаюсь.

Рандольф допил свой витакол, со стуком поставил стакан.

— Слушаю я вас, слушаю, — пробасил он, — чепуха все это. — Некомпетентное вмешательство недопустимо, помочь мы им ничем не можем, да и незачем. Все равно им нас не понять.

Резницкий устало взглянул на него.

— Запоздалые отголоски споров столетней давности, — сказал он. — Не вижу надобности опровергать ваши слова.

— Знаю, знаю: мы не одни в космосе, человек не может быть безучастным... Межпланетная солидарность... Я вот о чем думаю: прилетят когда-нибудь к нам на Землю существа, опередившие нас на множество порядков. Не покажемся ли мы им такими забавными приматами, которых не стоит принимать всерьез? Комиссия по контакту вывернется наизнанку от усердия, а все равно не пойдем друг друга. Слишком разные — вот в чем дело...

— Слишком разные, — задумчиво произнес Резницкий. И хорошо, что разные. Если бы все были одинаковые, перед наукой не стояло бы никаких проблем. Но мы пойдем друг друга, непременно пойдем.

ТАМ, ГДЕ КОНЧАЕТСЯ РЕКА

Когда я выхожу из высокого серого здания с могучими колоннами и спускаюсь вниз по широкой гранитной лестнице, меня охватывает чувство, будто ничего этого никогда не будет и что все, что там может произойти, — плод моего воображения. Я щурюсь от яркого солнечного света, меня оглушает шум уличного движения, а голоса прохожих, среди которых я затерялся, кажутся мне чересчур громкими.

На этой улице и на других улицах и площадях все мне кажется совершенно новым и незнакомым, хотя смысл, который я вкладываю в слово «незнако́мый», в данном случае совсем не тот, который существует в понимании большинства людей.

Я иду по улице и внимательно рассматриваю спешащих навстречу мужчин и женщин, всматриваюсь в их лица, разглядываю их одежду, и меня поражает фантастическое многообразие и пестрота во всем. Именно пестрота, от которой рябит в глазах, а в висках больно стучит кровь. Я просто поражаюсь, как огромно, бесконечно велико многообразие в том мире, через который я иду, вернее, не иду, а протискиваюсь. И хотя очень скоро я забываю про величественный серый дом, про его полупустые, похожие на музейные залы, я не могу поверить, что вне его стен существует этот многоголосый, красочный, бурлящий, как океан, мир.

Особенно трудно привыкнуть к шуму и непрерывному движению. Только сейчас я начинаю понимать, что почти

всякое движение сопровождается шумом, иногда едва уловимым, но чаще грохочущим, звенищим, стучащим, воющим, скрипящим, и все это сливается вместе в то, что привыкли называть гармонией жизни большого города, гармонией, от которой болят уши и кровь в висках стучит еще сильнее...

Я замечаю, что прохожие обращают на меня внимание, и может быть, это было так и раньше, но только я этого не замечал. А сейчас я замечаю значительно больше, чем раньше, почти все: и взгляды людей, и выражение их глаз, и движение рук, и то, как на мгновение они останавливают внимание на мне, а затем снова торопятся вперед.

О большом сером здании с колоннами я забываю, как только дохожу до моста через реку. По нему я иду медленно, очень медленно, и теперь меня перегоняют все, кто до этого шел сзади меня. Прохожие обгоняют меня, а после поворачивают голову и сердито смотрят, потому что я иду слишком медленно и, наверное, мешаю им куда-то спешить. А они буквально проносятся мимо меня, а я иду вдоль перил и смотрю на воду, которая тоже куда-то несется подо мной.

А прохожие обходят меня, неодобрительно оглядываются и, наверное, думают, что я порядочный бездельник, если вот так, как сейчас, стою у перил моста и смотрю на желтую воду, которая течет туда, куда ей положено течь.

Мне становится весело от мысли, что многие принимают меня за бездельника, от нечего делать глазающего на течение реки, а я-то чувствую свое превосходство и постепенно начинаю понимать, почему меня интересует эта река и вообще все, что творится вокруг. Тогда я снова мысленно переносюсь в полупустые залы и вспоминаю все, до последней мелочи, ибо мир состоит из мелочей, которые только кажутся незначительными.

Во время первой встречи с Горгадзе он прямо меня спросил, умею ли я замечать мелочи. Сначала я не понял, что он имел в виду, а после его разъяснений пришел к выводу, что под этим словом он подразумевал все на свете и, значит, особенно не нужно было ломать голову над тем, что я должен уметь замечать.

Сначала были тесты, подобные тем, которые раньше педагоги предлагали ученикам, чтобы определить степень их внимательности. Огромные листы бумаги с точками, крестиками, кружочками, которые нужно было либо закрасить в разные

цвета, либо перечеркнуть через один или через три, либо отметить фиолетовыми и красными чернилами.

Я очень быстро справился с этим, и Горгадзе сказал, что моей способности замечать мелочи может позавидовать самый совершенный автомат.

Постепенно от тестов на бумаге мы перешли к тестам более простым и одновременно более сложным.

Мелочи нужно было обнаруживать там, где их, казалось, вовсе и не существует, например на идеальном стеклянном шаре, или на полированной поверхности металла, или еще на чем-нибудь удивительно простом.

Сначала я думал, что должен заметить крохотную царапину, или вмятину, или пылинку, но после обнаружилось, что есть еще бесконечно много других мелочей, которые можно увидеть на поверхности стеклянного шара или металлического зеркала. И я увидел искаженное отражение высокого, доходящего почти до потолка, стрельчатого окна, через которое пробивается дневной свет и мимо которого плывут белые облака. Увидел, как в шаре отражаются мое собственное лицо, руки, которые кажутся невероятно огромными. А на мгновение по нему в разные стороны растекаются усы Горгадзе и его улыбающиеся губы, хотя он никогда не улыбается.

С поверхностью металла дело обстояло значительно сложнее, потому что в нем отражается все, весь мир, и, значит, нужно заметить все и об этом подробно написать в дневнике.

Я учился замечать мелочи не только на предметах, но и на сложном собрании их, или, как говорил Горгадзе, на ансамбле предметов, и тогда число мелочей росло в фантастической пропорции. А когда для такого изучения он поставил передо мной картину Крымова «Женщина в голубом», я написал целую толстую тетрадь. Там было обо всем: о каждой мазке кисти художника, о всех оттенках красок и о выражении лица женщины, которая, конечно, была смертельно больна. Это видно сразу, если обратить внимание на синеватые пятна на ее руках и на голубоватую дымку, сквозь которую как бы просвечивает лицо женщины. Кажется, что она куда-то уходит, или почти ушла, или находится на границе между реальным и нереальным.

Горгадзе особенно похвалил меня за то, что я это заметил, и тогда мы перешли к завершающему этапу тренировки, в те-

чение которой я должен был научиться замечать и запоминать мелочи, попадающиеся на глаза в реальной жизни.

На это ушло три месяца, и после я удивлялся сам себе, каким я стал внимательным и как хорошо я запоминал эти мелочи.

Одновременно с этим пришло чувство значительности любой так называемой мелочи, понимание того, что из мира нельзя изъять ни одной крупинки, ни одного атома, а если это каким-то чудом и сделать, то тогда рухнет вся вселенная.

По правде говоря, я стою посреди моста и смотрю на бегущую реку не только для того, чтобы еще и еще раз убедиться, что без этой реки, и без вот той крохотной волны, и без моста, и без меня вселенная существовать не может. Это для меня аксиома. Но если вселенная не может существовать без таких мелочей, то она и подавно не может существовать без того человека, которого я здесь жду.

Я смотрю на свои часы и по углу между стрелками с точностью до секунды определяю время. Я мог бы на часы и не смотреть, потому что в курс тренировки входило определение времени без часов, и я это могу делать в любое время дня и ночи с точностью до секунды. На часы я смотрю просто для того, чтобы еще раз удивиться, до чего же это таинственный механизм.

Я уверен, что из всех самых непонятных и таинственных вещей на свете самым непонятным и таинственным предметом являются часы — все равно какие. Или мои, наручные, или вон те, электрические, которые висят на столбе на набережной. Тайна этого прибора в его простоте. Подумать только, все события во вселенной зависят от того, каков угол между большой и маленькой стрелками! А вращают эти стрелки обыкновенные колесики и пружинки, и от этих колесиков и пружинки зависят затмения Луны и Солнца, движение переменных звезд, отстоящих от часов на миллиарды миллиардов километров, распад атомов урана и движение железнодорожных поездов.

Горгадзе всегда говорил, что от часов нужно избавиться, потому что они только запутывают суть дела. Часы вносят сумятицу в понимание проблемы, и поэтому нужно научиться на них не обращать внимания и вообще о них не думать.

Мои часы мне ни к чему, я их ношу по привычке, просто

для того, чтобы иногда пытаться постигнуть их непостижимую тайну. Я уверен, что тайна здесь какая-то есть, может быть, одна из тех, на которых стоит весь мир.

Ведь недаром же вот сейчас, когда обе стрелки слились, когда колесики и пружинки поставили их так, что время стало называться половиной шестого, человек, которого я жду, появился на противоположном конце моста. Как закон. Как неизбежная судьба. Как вспышка новой звезды в далекой галактике.

Как всегда, она идет неторопливой походкой, помахивая своей красной сумочкой. Я издали вижу, что она улыбается, но я знаю, что, когда она поравняется со мной, улыбка исчезнет с ее лица и она пройдет мимо, глядя на противоположную сторону моста. Из-за этого я всегда вижу ее лицо вполоборота.

Если я написал о картине Крымова целую тетрадь, то об этом лице я мог бы написать энциклопедию.

Как вечная фотография, оно запечатлелось в моем мозгу, и, хотя она проходит мимо, глядя на ту сторону моста, я вижу ее голубые глаза, полуоткрытый розовый рот, легкий румянец и беспокойную прядь каштановых волос, которую еще тогда, когда я увидел ее первый раз в метро, трепал ветерок, вливавшийся в открытое окно. Я знаю, что мимо меня она пройдет очень медленно, как бы ожидая, что я ее окликну или что-нибудь спрошу, а когда этого не случится, она зашагает быстрее, не оглядываясь, рассерженная и разочарованная.

А может быть, мне это только кажется, и в наших встречах нет ничего особенного, и она просто думает, как многие другие прохожие, что я стою на мосту от нечего делать и к тому, что я здесь стою, она не имеет никакого отношения.

Каждый раз, когда мы встречаемся, я даю себе слово хоть на минутку стать храбрым, остановить ее и сказать, что я так больше не могу и что для меня она — весь мир, и особенно сейчас, когда все тренировки, которые придумал Горгадзе, позади и я жду самого главного.

Я заранее знаю, что храбрым я не стану и что сегодня будет то же, что вчера, позавчера, неделю и месяц тому назад, и я просто еще раз буду провожать ее глазами до тех пор, пока она не скроется на спуске с моста. Я побреду обратно, ей вслед, проклиная свою нерешительность, мечтая о том, чтобы скорее все началось сначала.

По мере того как она приближается, помахивая красной сумочкой, я судорожно сжимаю чугунные перила и замечаю все мелочи.

Она идет очень медленно, плавно, слегка покачиваясь, и в этой походке есть что-то по-детски озорное, небрежное и очаровательное.

Горгадзе всегда повторял, что в мире главными являются не столько предметы, сколько их движения, и поэтому нельзя влюбиться даже в самую красивую, но неподвижную статую.

Если говорить по правде, то о Горгадзе и об огромном здании с полупустыми залами я забываю только на одно мгновение, на тот теряющийся в океане времени миг, когда она оказывается рядом со мной. Даже мой натренированный мозг не в состоянии определить этот интервал времени, до того он краток. У меня внезапно появляется жгучее желание усилием воли растянуть этот интервал до бесконечности, и вот здесь-то наступает что-то, похожее на облегчение, вспыхивает надежда, в сердце вздрагивает чувство, похожее на чувство мести.

Я закусываю губы и начинаю думать о том, что если Горгадзе прав, то всем моим мукам скоро конец.

Я даже подумал о том, что когда это наступит, то я выброшу свои часы, как ненужные.

Я взглянул на циферблат — стрелки разошлись ровно на столько, на сколько я предвидел, и она в это мгновение поравнялась со мной.

— Скажите, пожалуйста, который час?

Я окаменел.

Перед глазами плывут желтые пятна, и среди них, как отражение солнца среди волн реки, светится ее лицо, то самое лицо, которое я так хорошо знаю.

— У вас, кажется, есть часы, — сказала она.

Я нелепо киваю головой и тяну рукав пиджака, чтобы посмотреть на часы.

— Я вижу. Половина шестого. Спасибо.

И она повернулась, чтобы опять уйти.

— Пойдите, — прошептал я.

Когда мы пошли рядом, мне стало чертовски радостно и весело. Был взят какой-то тяжелый, требующий огромного душевного напряжения барьер, и теперь все стало легко и просто.

Мы болтали обо всем на свете, и она иногда останавливалась, и ее лицо выражало неподдельное удивление, когда я сообщал ей что-нибудь такое, чего она не знала или о чем она никогда не думала.

— Я вас знаю давным-давно, — сказал я, когда мы уселись на скамейке в сквере.

— Я вас тоже, — сказала она, улыбаясь. — Вы мне даже раз или два снились. Стоите себе на мосту с каким-то странным выражением лица. Я иногда даже думала, что вы собираетесь кинуться в реку. Не знаю, почему я так думала. Наверное, потому, что у вас действительно всегда было такое странное выражение лица.

— Я прихожу туда, чтобы встретить вас...

— А я об этом догадалась давно и тогда перестала бояться за вас.

— А вы боялись за меня?

— Очень, — ответила она, — особенно ранней весной, когда вода в реке была еще холодной.

В темноте, при свете первых фонарей, она кажется мне еще красивее, и я иногда умолкаю, чтобы слушать ее голос, не очень заботясь о том, чтобы понимать, о чем она говорит. После снова говорю я, и так было до тех пор, пока на башне куранты не пробили полночь.

Она вздрогнула, а я тихонько взял ее руку и прошептал:

— Это скоро кончится...

— Что?

— Тирания... Тирания времени... Вы помните, у Гёте: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

— Помню...

Когда мы дошли до ее дома и взялись за руки, чтобы попрощаться, у меня было такое чувство, будто мы — старинные-престаринные друзья и было нелепо несколько месяцев стоять без толку на мосту и смотреть на желтую воду и на стрелки часов.

А может быть, не так уж и нелепо, как мне казалось. Ничего нельзя уже переменить, а то, что было, свершилось, и значит, так нужно.

Я все еще продолжал верить, что поток времени совершенно неуправляем, что против его течения человек бессилен, а будущее давным-давно готово, лежит себе, как на складе, и ждет момента, чтобы неизбежно превратиться в настоящее...

Все наше будущее существует себе с незапамятных времен готовенькое и ждет своего времени...

— Именно такая концепция породила множество нелепых фантазий о машине времени, — сурово поучал Горгадзе. — Нельзя совершить путешествие туда, где ничего нет... Будущее — это постепенное, кропотливое мучительное созидание, в котором участвуют силы природы и силы человека. Его мы создаем, строим по зримым и незримым чертежам и планам. А пока эти чертежи и планы не реализованы, нечего и мечтать о путешествии в ничто...

Его голос гулко отражался под сводами высоких залов, и от этого смысл того, что он говорил, становился торжественным и величественным. Он посвятил всю свою жизнь тому, чтобы разрушить концепцию машины времени, доказать всю ее нелепость и бессмысленность, а сделать это можно только, создав нечто совершенно противоположное...

— Реальным является только настоящее...

А кто в этом сомневается? Машина времени — это неизбежная мечта человека, не сознающего своего собственного величия. Такому человеку кажется, что его завтрашний день уготован ему давным-давно, и ему остается только покорно ждать.

— Реальным является только настоящее...

Рано утром я поднимаюсь по широкой лестнице в этот серый дом и заранее знаю, что будет дальше. Я буду смотреть на экран осциллографа, где неподвижно застыли причудливые кривые, которые изображают волны, несущиеся с фантастической скоростью. Я буду удивляться тому, что этот незамысловатый прибор остановил течение времени и то, что мчится, летит, изменяется на экране, омертвело и застыло. Я буду долго смотреть на бешено вращающееся колесо. Его спицы освещены быстромигающей лампой, и вот теперь оно стоит совершенно неподвижно, и течение времени прекратилось.

Горгадзе снова и снова покажет мне фильм, на котором запечатлен всего лишь один неподвижный гоночный автомобиль. Гонщик сидит в напряженной позе, упрятав голову в плечи так, что над сиденьем возвышается только его белый шлем.

— Обратите внимание, автомобиль неподвижен, хотя он и

несется вперед. Просто съемки производились с другого автомобиля, который мчался с такой же скоростью...

А вот другой фильм.

В голубом небе парит очаровательная девушка. Она без парашюта, широко раскинула руки и замерла в бездонной голубизне. На ней оранжевый комбинезон, и она напоминает везомое существо, покорившее силу тяжести.

— Она камнем падает на землю, — бормочет Горгадзе. — Но ее снимал другой парашютист, который падал так же, как и она...

Да, идея предельно ясна: для того чтобы остановить течение времени, нужно научиться двигаться с его же скоростью!

Я долго не мог понять, что значит двигаться с той же скоростью, что и время, пока, наконец, в процессе тренировки до меня не дошел смысл этого. Я фиксирую внимание на множестве мелочей, я их запоминаю, я их фотографирую в своем сознании, и они оказываются навсегда выхваченными из потока времени. Теперь они уже вне изменений, и над ними ничего не властно.

Значительно позже Горгадзе раскрыл сущность моих тренировок. Он сказал, что они нужны так же, как нужны тренировки для любого другого необычного путешествия. Для путешествия в горах, для путешествия на плоту через океан, для путешествия в космос... Я столкнулся с необычайным миром, где время перестанет течь. Это должен быть мир застывших движений, неизменных предметов, мир, состоящий из бездн связанных друг с другом мелочей, как величественный храм, построенный из миллионов сцементированных кирпичей. Движения и изменения не позволяют в деталях изучить запутанную структуру мироздания, и поэтому путешествие в мир без времени станет началом величайшей революции в истории познания, революции, не знающей себе равной во всей истории науки.

Я поднимаюсь по ступеням в здание, которое когда-то было не то музеем, не то католической церковью, и заранее знаю, что Горгадзе снова и снова будет повторять мне то, что я уже давно усвоил, но что я должен сделать частью себя, иначе опыт не удастся.

И то, что я знаю, как все будет, почему-то убеждает меня, что будущее все же существует в реальности, что оно меня ждет именно таким, каким я его предвижу. Я начинаю со-

мневаться в том, что нельзя построить машину времени, и уже готов доверить мои сомнения Горгадзе, как вдруг он сам, прославленный ученый, выдающийся знаток теории времени, встречается меня вовсе не там, где обычно, а прямо возле самого входа.

По его глазам и сосредоточенному выражению лица я понимаю, что он догадался о моих сомнениях и вот так, просто, нарушив привычное течение событий, вышел мне навстречу.

— Сегодня, — сказал он коротко. — Сейчас. Вы готовы?

Мне казалось, что я всегда был готов, вернее, давно уже готов к тому, чтобы броситься в омут безвременья, но сейчас, когда это мгновение наступило, я вздрогнул и заколебался.

— Если вы не готовы, можно подождать.

Подождать? Ах да, конечно, нужно подождать! До того момента, когда обе стрелки часов не сольются в одну...

— Если не возражаете...

— Нет, что вы! В таких случаях не возражают... Делайте что хотите, а когда будете готовы, приходите. Я буду вас ждать.

Он исчез в полумраке зала, и только долго не смолкающие гулкие шаги свидетельствовали о том, что он идет в самый дальний зал, где под стеклянным колпаком стоит его стробоскоп времени.

И вот я снова в толпе быстроидущих людей, среди грохота и шума большого города, всматриваюсь в мелькающие лица, в смеющиеся глаза, в солнечные зайчики, прыгающие в трепетной утренней листве, и мне кажется, что иначе и быть не может и нужно действительно быть таким, как Горгадзе, чтобы додуматься до машины, останавливающей время.

Я силился представить себе, как все будет, что я буду чувствовать, когда все остановится и я буду бродить (именно так сказал Горгадзе — б р о д и т ь!) в мире без времени.

Это все равно что смотреть на картину, сочную, живую картину, написанную великим мастером.

Я долго стоял на трамвайной остановке и почему-то снова и снова следил за тем, как трамвай останавливался, как переставали вращаться его колеса, и передо мной возникала красная стенка вагона, а после он трогался с места, красное полотно исчезало, а на той стороне улицы торопливо шли люди,

открывались и закрывались двери магазинов, и порывистый городской ветер непрерывно шарил в густых кронах лип, что растут вдоль тротуара.

Когда это начнется, я пойду на свой мост!

Она еще не знает, какой у меня сегодня особенный день. Я ей об этом ничего не рассказывал, разве что только намекал, процитировав Гёте. Но я уверен, что она так и не догадалась, что это не образ и не простая поэзия, а это уже реальность. После, когда опыт кончится, я расскажу ей про все, про машину времени, которую никогда нельзя будет построить, про Горгадзе и про его уже созданный, стоящий под стеклянным колпаком стробоскоп времени.

Я иду и замечаю множество мелочей, без которых вселенная немыслима. Но эти мелочи так быстротечны, так мгновенны, что они теряют всякое значение и начинают казаться действительно мелочами.

Я вздрагиваю от мысли, что в половине шестого они перестанут быть мелочами и приобретут то значение, которое им по праву должно быть приписано.

Я пересекаю широкую историческую площадь, и мой взгляд останавливается на обветренных временах старинных стенах. Они, эти стены, кажутся мне вне времени, и я начинаю подозревать, что когда окажусь вне потока времени, то тогда все, не только эти стены, будет казаться мне давным-давно минувшей историей.

Здесь опять противоречие. Ведь без времени не может быть никакой истории, кроме того, что есть на самом деле. И все же мне хотелось бы, чтобы в мире без времени была хоть какая-нибудь жизнь, а не просто кладбище застывших движений... Площадь грохочет от потока автомобилей и автобусов, и я невольно улыбаюсь, вспомнив о Мюнхгаузене, который услышал оттаявшие звуки рожка. В мире без времени должно быть вечное молчание, незблемая тишина, в бездне которой должно потонуть биение собственного сердца и собственное дыхание.

Я обязательно пойду с ней на эту площадь и после расскажу подробно, как прошел опыт, что я видел и чувствовал, особенно тогда, когда она была рядом со мной.

Безвременье должно походить на вечность или на что-то в этом роде. А может быть, это будет просто крошечный мрак, тот самый, о котором говорил Горгадзе:

— Направьте телескоп в ту часть вселенной, где нет ни одной звезды, в черную пустоту, в бездонную пропасть и попытайтесь там найти намек на течение времени.

Несколько ночей подряд я смотрел в телескоп в ничто, и постепенно мной овладевало сознание, что пустота это и есть конец времени. Но стоило прибор повернуть на какой-нибудь градус-полтора, и перед глазами начинало искриться звездное небо, где все менялось, мерцало и вспыхивало.

— Звезды, галактики, сверхгалактики — это острова времени во вселенной. Между ними ничего нет... Нет и времени...

А что, если справедливо и обратное?

На мгновение мне становится жутко от возможности вместе со стробоскопом опуститься в черную неподвижность, раствориться в ней и навсегда исчезнуть.

Сейчас время летит очень быстро, я не замечаю, как оно подкрадывается к роковому мгновению, и я начинаю лихорадочно обдумывать самый короткий путь, чтобы побыстрее вернуться к Горгадзе.

По дороге я сталкиваюсь с прохожими, они произносят мне вслед бранные слова, а мне весело. Скоро, скорее, чем они думают, я буду бродить среди них, как среди памятников, но они этого не знают и не подозревают, что это будет значить.

Я опять ничего не предвидел. Я думал, что Горгадзе, как и утром, встретит меня у самого входа, а в действительности он стоял в большом зале в глубине здания в окружении моих товарищей.

Это они, их двадцать человек, делали под его руководством все, чтобы сегодня я отправился в путешествие. Они стояли справа и слева от него и внимательно смотрели, как я к ним подходил. Они собрались, чтобы меня проводить. На их лицах было выражение торжественности, озабоченности и тревоги. Никто не проронил ни слова, говорил только Горгадзе:

— Запоминайте мелочи, все до одной. После вам придется много и подробно обо всем писать. И еще, не торопитесь... Впрочем, сейчас это уже не то слово... На этот счет, по правде говоря, я не могу дать вам никаких указаний, потому что я не знаю, какие указания там пригодятся... Прибор остановится автоматически... Вас интересует, через сколько времени? Этот вопрос теперь не имеет смысла, поэтому вы о нем не думайте. Вам нужно только нажать кнопку, а дальше все пойдет своим чередом... Может быть, не пойдет, а оста-

новится своим чередом... Я не знаю... Я вас не ограничиваю ничем. Вы можете начать опыт с любого момента и с любого места. Только прошу — запоминайте мелочи!

Я попытался улыбнуться и потянулся к стробоскопу времени.

— И еще одно. Я не хочу, чтобы, находясь там, вы делали какие-либо суждения или обобщения. Они могут быть неверными, и вы вернетесь с искаженным представлением о том, что вы увидели и что пережили. Это будет большой урон для науки. Выводы мы сделаем после того, как вы опишете все мелочи.

«Находясь там... Находясь там... Так ведь это же здесь, рядом, всего в пяти минутах ходьбы!»

Мои товарищи по очереди пожимают мне руку. С прибором наготове я шагаю к яркому прямоугольнику двери и выхожу на шумную улицу, освещенную оранжевым вечерним солнцем.

Было бы неправдой сказать, что я не волнуюсь. Конечно, не настолько, чтобы отказаться от опыта, но я чувствую, что сейчас должно произойти что-то странное, то, чего нельзя никак предвидеть, что было ясно только теоретически, и то лишь в самых общих чертах. Я почему-то думаю, что все героические опыты прошлого, какими бы незначительными они ни были, всегда таили в себе крупицу опасности именно потому, что будущее нельзя предвидеть даже при помощи самых точных теорий...

Меня успокаивает то, что речь идет не о предвидении будущего, а только о настоящем, и если в этот момент со мной ничего не случится, то значит ничего не случится никогда.

И вот я уже вижу ее.

Сейчас она идет быстрее, чем раньше, той задорной, смелой походкой счастливой девушки, которая точно знает, что ее всегда ждут. Улыбка не сходит с ее губ, и, по мере того как она приближается к середине моста, ее лицо, ее глаза, ее губы начинают светиться.

— Я не опоздала? — спрашивает она, немного задыхаясь.

— Нет.

— У вас опять странное выражение глаз... Вы...

— Я в полном порядке... Я только прошу вас... Как вам сказать... Я очень прошу вас меня не покидать, что бы ни случилось...

Она громко смеется и крепко сжимает мою руку.

— Идемте! Я вам расскажу, как вы мне приснились еще раз...

«Сейчас или немного погодя? Кто знает, когда наступает настоящее счастье? И вообще, существует ли такой момент? А если его не существует, то тогда можно и сейчас...»

Я на секунду останавливаюсь и привлекаю ее к себе.

...Она попятилась назад, и мне показалось, что она испугалась моего слишком смелого движения и того, как громко что-то щелкнуло в приборе, находившемся в моей сумке, висевшей через плечо. Она действительно попятилась назад, но очень странно улыбаясь и помахивая сумочкой. Мимо меня прошел какой-то человек и на мгновение заслонил ее спиной, а когда он отошел в сторону, я уже ее не видел. Только тогда я сообразил, что после щелчка прибор начал действовать, и я ужаснулся тому, что он, наверное, не работает, и тому, что она так внезапно исчезла. Я не знал, что мне делать, и несколько секунд стоял в раздумье, как вдруг увидел автомобиль.

Это было обыкновенное такси, «Волга», оно показалось из-за поворота и ехало в мою сторону задом наперед.

Когда автомобиль поравнялся со мной, шофер высунулся из окна, лукаво подмигнул и крикнул:

— Счастливая парочка!

Она рядом засмеялась.

— Веселый парень, не правда ли? — сказала она, когда такси снова двинулось вперед.

— Вы... Вы...

Из-за поворота опять появился автомобиль, но теперь он ехал, как положено. Однако колеса у него вращались в противоположную сторону!!!

— Вы куда-то... уходили?

Вместо ответа я увидел ее на противоположном конце моста, все с той же красной сумочкой, которая почему-то была не в правой руке, как обычно, а в левой. Она очень торопилась, после замедлила шаги и прошла мимо меня, отвернув голову, как это было до нашего знакомства.

— Прошу вас... — начал было я. — Почему...

Она прошла мимо, очень рассерженная и разочарованная. После она сошла с тротуара, сделала круг на проезжей части моста, ловко лавируя между машинами. Среди автомобилей

было несколько таких, которые, как тот, первый, ехали задом наперед, или с колесами, вращающимися в противоположную сторону.

Меня очень насмешила одна пара, мужчина и женщина, которые сначала прошли мимо меня, а после вернулись, двигаясь задом наперед, а после снова пошли, как нужно, и так было несколько раз.

Я опять что-то подумал о приборе, который был в сумке, но теперь мой взгляд упал на электрические часы на набережной, и я удивился, что они по-прежнему показывали половину шестого, хотя, по-моему, с момента моей встречи с ней прошло по крайней мере минут десять.

— Я не опоздала? — спросила она, немного задыхаясь.

— Нет.

— Счастливая парочка!

Это опять прокричал шофер того самого такси, но теперь оно ехало нормально.

— Нахальный парень, — пробормотал я. — Правда, он нахальный? Куда это вы только что исчезали?

Она хихикнула и попятилась назад. Конечно же, она двигалась назад, а ее ноги ступали вперед! Как я не заметил этого сразу? Я никогда ни у кого не замечал такой манеры ходить. Но если у автомобилей, почти у всех, которые проезжали мимо, колеса вертелись не так, как нужно, то почему бы и людям не передвигать ноги так, как им это нравится?

Я помахал ей рукой и сошел на проезжую часть моста, чтобы перейти на противоположную сторону.

Часы на набережной по-прежнему показывали половину шестого. Я начал подозревать, что прибор работает! Я только не мог понять, в чем ошибся Горгадзе.

Было еще одно, что я заметил сразу, с того самого момента, когда в сумке щелкнул прибор.

Я ничему не удивлялся! Все, что случалось и что случится, так и должно быть! Вернее, здесь может быть что угодно...

И если сейчас она идет уже по этой стороне моста, то так оно и должно быть. Прошла мимо? Ну и что ж!..

Это такси начинало действовать мне на нервы. Сколько раз можно вот так, как попало, приезжать и уезжать. И шофер не отличался остроумием: он повторял одно и то же.

Поэтому я взял ее за руку, и мы пошли на набережную, где рабочие снимали трамвайные пути, ковыряя гранитную

брусчатку и поддевая ломами шпалы. Эти пути были сняты давным-давно, но это не имело никакого значения, потому что в следующее мгновение по ним снова прошел красный трамвай, а за ним, уже по асфальту, — автомобиль, задом наперед, с колесами, вращавшимися в противоположную сторону.

— Я не опоздала? — снова повторила она надоедливый вопрос, и я ответил, что нет и что все это чертовски скучно. — Счастливая парочка!

Нет, нам решительно не избавиться от этого таксиста!

Часы, теперь уже другие, а не те, которые висели на еще не достроенном, но сейчас уже вполне готовом доме, показывали половину шестого. Если этот таксист появится еще раз, мы просто сядем в машину.

Он не заставил себя ждать, подъехал как-то боком и, лукаво подмигнув, крикнул свое.

Дверь машины отворилась не наружу, а внутрь, и из машины послышался мрачный голос:

— Занято.

Действительно, забившись в угол, сидел человек в шляпе, надвинутой на глаза, с высоко поднятым воротником. Кроме того, водитель был уже другим.

— Нам сегодня не везет, — пробормотал я в пустоту.

Часы показывали половину шестого, и мне, конечно, нужно было торопиться на свидание. Теперь я знал, что должен сделать. Нужно крепко взять ее за руку и никуда не отпустить!

Нет, конечно, она не опоздала. Когда мужчина и женщина два или три раза продефилировали мимо нас, я повел ее туда, где рабочие уже не снимали трамвайный путь, а где теперь была пустынная площадь, обсаженная вокруг молоденькими липками.

Вести ее не составляло никакого труда, хотя она шагала в другую сторону и даже иногда куда-то бежала.

Пусть себе бежит — она все равно рядом со мной и повторяет один и тот же надоевший вопрос.

— Занято, — сказал кто-то прямо мне в ухо, и тот, кто сидел в углу автомобиля, повернул ко мне свое лицо и повторил:

— Занято...

Это была женщина.

Мы перебежали площадь, а после бежала только она, а я шел медленно рядом и держал ее за руку, чтобы не повторять всю эту идиотскую историю со свиданием на мосту.

Солнце было еще высоко.

Я ничего не решил, она все бежала куда глаза глядят, и поэтому мы оказались на набережной и двигались в сторону парка.

Колесо обозрения было переполнено детишками, они весело визжали, но оно пока не крутилось. Оно совсем не крутилось, а контролер впускал одну группу ребят и выпускал другую, тех, кто уже получил удовольствие. Было удивительно смотреть на их счастливые, возбужденные лица и на то, как они рассказывали о своих впечатлениях каждый раз различным родителям. И они были тоже разными, только колесо продолжало стоять на месте, а поток ребят не прекращался.

Я начал вспоминать, где я видел ту женщину, сидевшую в такси, а она рассмеялась рядом со мной и опять спросила: — Я не опоздала?

Когда же завертится это колесо?

Качели были пустыми. Они почему-то в половине шестого не пользуются успехом, хотя и качаются пустые. А одни качели застыли в высоко поднятом положении, с одним-единственным пассажиром, тем самым, которого я видел все в том же идиотском такси...

Я решил, что не плохо было бы покачаться на качелях вместе с ней и отвлечься хоть на минуту от мысли о необходимости спешить на свидание, но она крикнула мне, что она уже там, и тогда мы пошли по парку, нарочно избегая встречных прохожих, которые все шли спиной вперед. Я сообразил, что они спешат в кино, которое должно вот-вот начаться в Зеленом театре.

Несколько лодок на реке плавали только боком, то приближаясь, то удаляясь друг от друга. Это было похоже на странный танец. Исполнять его, по-видимому, было не трудно, потому что течение реки прекратилось, и лодки всегда могли остановиться в любом месте или приближаться и удаляться друг от друга боком, иногда ударяясь бортами. Для этого не нужно было быть искусным гребцом, а стоило только поднять одно весло, а левым грести, как вон тот гражданин с бородой, или опустить оба весла в воду, как та девушка в синем ку-

пальнике, или просто лежать на дне лодки и ровным счетом ничего не делать...

Нет, это действительно было приятное зрелище — движения лодок одна к другой, боком, как в старинном танце.

А когда она поднялась со дна лодки, я решил, что стоит прекратить это и идти дальше. Поэтому я еще крепче стиснул ее руку, чтобы она, чего доброго, не схватилась за весла, и тогда мы оказались не в парке, а на другой его стороне, на лугу.

Я знал, что сейчас все еще половина шестого, торопиться некуда. Она несколько раз пробежала мимо меня взад и вперед, хотя я все еще держал ее за руку, а когда мне показалось, что она отбежала слишком далеко, я пошел обратно в парк и буквально вытащил ее из этой дурацкой лодки. Нельзя же без конца лежать на дне, тем более что оно сырое и легко можно простудиться.

Я заметил, что ветра не было.

Луг был ненастоящим, потому что его давным-давно осушили, и теперь здесь вырыли котлован, чтобы построить детский санаторий. Это очень красивое здание, светлое и легкое, с широкими окнами, выходящими прямо на пляж. Дети очень любят свой санаторий, для которого вырыли котлован на осушенном лугу, поросшем сочной травой.

А за лугом, за камышовыми зарослями, начиналось озеро, куда впадала река.

Конечно, для того чтобы добраться до озера, не нужно было хлюпать по воде среди камышей, но так как ноги почти не касались земли, то я пошел вперед, чтобы прокладывать дорогу. Она бежала впереди меня по тропинке, которая образовалась после того, как прошел я, и иногда возвращалась назад, не поворачиваясь, чтобы я имел возможность все еще держать ее крепко за руку. Один раз она оказалась в самом начале камышовых зарослей, когда мы уже их прошли насквозь.

Если бы не это неподвижное колесо обозрения и не этот непрерывно обновляющийся поток детей, мы бы давно обошли камыши, двигаясь слева от детского санатория или прямо по лугу, по тропинке, которую я прокладывал. Наверное, колесо так и не завертится, потому что лодки на реке все время плавают только боком и течения совсем не было.

Я подумал, что ей действительно не следовало лежать на дне сырой лодки, тем более что санаторий можно обойти не

только слева, но и справа. Там берег песчаный и плотный, а камыши и заболоченная земля попадают только там, где я прошел.

Если река стала такой же неподвижной, как и озеро, куда она впадает, подумал я, то тогда ей нечего было тратить деньги на такси, чтобы вовремя попасть на мост. Она доехала до площади, а пришла ко мне с противоположной стороны и, значит, ничего не выиграла. Ведь часы все равно, как и теперь, показывают полшестого.

Но у нее, вероятно, было свободное время и для качелей и для лодки, и вообще, может быть, она в половине шестого выходная.

Горгадзе мог бы меня предупредить, что когда начнет работать стробоскоп времени, то не нужно ломиться в занятое такси, а после держать ее крепко за руку, когда машина уже тронулась и все началось сначала.

Сейчас, когда мы уже в третий или четвертый раз пробираемся сквозь камыши — она бежит впереди, а я, крепко держа ее за руку, прокладываю всем корпусом дорогу, — я начал подозревать, что вся эта прогулка к неподвижному озеру ровным счетом ничего не стоит по сравнению с колесом обозрения. Нам приходится к нему возвращаться снова и снова, чтобы после удивляться качелям и лодкам на реке.

А озеро как озеро. Оно всегда такое. В него впадает река, а само оно никуда не течет.

На нем нет волн, над ним не веет ветер, и вообще здесь очень пустынно и грустно, как в том самом детском санатории, где мы побывали и где никого еще нет...

Песок на берегу был еще теплым, и она вытянулась на нем и положила голову мне на колени. Но это мне только показалось, потому что в действительности она по-прежнему пятилась назад, а после я оказался впереди нее и помчался что есть мочи к мосту, чтобы не опоздать на свидание.

А она продолжала лежать на песке и смотреть на неподвижное мутное озеро, где все застыло, и в глубинах которого может случиться что угодно. Точь-в-точь как в этом мире без времени. Это озеро очень мутное и очень неподвижное. Оно фактически никуда не вытекает, хотя некоторые ученые утверждают, что на самом дне есть расселина, которая соединяет его с подземным океаном, неподвижным и черным, как пустая вселенная.

Может быть, это и так, иначе трудно объяснить, куда девается речная вода, которая тоже не течет, пока она лежит на дне сырой лодки.

И все же на свидание нужно не опоздать. Озеро здесь ни при чем. Это хорошо понимает не только она, но и я, и после того, как мои товарищи пожали мне руку и Горгадзе кивнул головой, я стоял на середине моста и напряженно смотрел на ту сторону, где часы показывали половину шестого.

Она подошла ко мне торопливой походкой.

— Я не опоздала? — спросила она, немного задыхаясь.

— Нет.

В это мгновение я услышал щелчок в моей сумке.

Теперь все было так, как и должно быть.

Я привлек ее к себе и поцеловал в губы.

— Счастливая парочка! — крикнул промчавшийся мимо таксист.

АКСИОМЫ ВОЛШЕБНОЙ ПАЛОЧКИ

а что там ни говорите, а поездка по железной дороге имеет свою прелесть. Лайнер рационален. Он пускает в свое алюминиевое брюхо пассажира, чтобы как можно скорее избавиться от него. «900 километров в час», — бесстрастно объявляет лощенная, отлакированная стюардесса. В руках сияет художественный поднос, в фужерах пузырится ледяной кипяток — нарзан. От вибрации нарзанный разлив подернут мелкой рябью, а хрустальные глубины чуть не звенят. Но ваши мысли еще далеки от нарзана, от Баку или Ашхабада, куда держит путь стальная птица. Они еще дома, мысли часовой продолжительности. Вдруг толчок, просьба покинуть помещение — ставьте хронометры на ашхабадский лад. Приехали!

В транзитных поездах не поят модной шипучкой. Исконный чай, минералов в нем нет. В виде накипи остались минералы на днищах титанов. Кителек разверзнут, козырек набекрень, под мышкой веник — несет звонкие стаканы бывалый проводник. Нос картошкой, брови давно уж моль съела — да, свой парень, одной с нами гордости.

В купе фиолетовый полумрак. Чай уже выпиты, мирно беседуют пассажиры. Уж тут услышишь! Вот, например, как повезло мне в этом отношении однажды.

Пассажир на верхней правой полке оказался энтузиастом Тунгусской катастрофы. Он жил в самом эпицентре взрыва. исходил его вдоль и поперек и вернулся оттуда убежденным сторонником марсианской гипотезы. Из нагрудного кармана, оттуда, где другие держат портреты жен, он доставал фото

вздыбленных тунгусских коряг, удручающие пейзажи непроходимых болот, крупные планы печальных пеньков.

Обладатель нижней полки, войдешь — налево, считался крупным специалистом в кибернетике. Он выложил расчудеснейшую историю о том, как с помощью электронной машины посрамили любимого всем Востоком старика прорицателя. От огорчения старец позабыл чувяки и ушел босиком. А музейная та пара обуви хранится ныне по столичной прописке, в бетонном жилище вычислителя. Это была очень веселая история, и мы хохотали от души.

— Поверьте, — отирая слезы смеха, говорил кибернетик, — ныне все чудеса рождаются на острие пера. Предвидим любой результат!

При этих словах третий спутник окинул вычислителя быстрым, оценивающим взглядом. Он был молчалив, третий спутник, человек с левой верхней. Строитель магистральных мостов, человек земных, фундаментальных происшествий, он мчал в фиолетовом купейном полумраке к новой стройке, к могучим балкам, к проранам. Он слушал истории серьезно, будто бы с тайным неодобрением, будто бы взвешивая «за» и «против», изредка награждая спутников скупыми взглядами.

Похоже было, что он так и просекретничает до станции назначения. Но когда кибернетик смолк и все как по общему знаку щелкнули портсигарами, он оттолкнулся от стенки и сильный его корпус в белой пижаме простынно засветил в межполочном пространстве.

— И я вот так думал, — тихо сказал он, — на острие да на острие. Иной фантастике хода нет. Н-да...

— Ну, ну, — подбодрил любитель таежных катастроф, но инженер и не заметил его. Он уже целиком погрузился в воспоминания того прекрасного и необъяснимого дня, о котором и поведал далее. В тот день, если верить инженеру, а не верить ему нет никаких оснований, решалась судьба его кандидатской диссертации. В тот день по неизвестным и тайным причинам он потерял контроль над собой и будто бы повернул земной шар вокруг оси, что и решило судьбу его диссертации.

...Инженеру Петрову весна встала поперек горла. Она будила все то, что надежно спало зимой. Всякие там разные разно-

сти. Это не могло кончиться хорошим. Это мешало работе. Главному.

Вечером инженер сделал первый опасный шаг. Инженер вышел на улицу. Он с любопытством огляделся. Да, зима кончилась. Непроизвольно Петров втянул в себя большую порцию свежего воздуха — ведро крепкого настоя земли и листьев, — и тут же по всему телу пошли какие-то токи, какие-то неучтенные биотоки, и инженер сразу потерял контроль над собой. Предмет его гордости, железный самоконтроль, который за целую зиму не дал и часа истратить на то, на что остальные, как известно, легко тратят половину своего времени.

Петров понял, нет, почувствовал вегетативно, кожей, корнями волос: еще одна такая затяжка — и стройное здание формул и расчетов, возведенное в зимний период, останется без жильца. И ах — не достроенное до конца, может рассыпаться, как сыплется карточный домик, когда на мгновение отворачиваешься от него. А ведь всего-то и оставалось разделиться с последним пунктом.

Последний пункт! Он никак не давался. Инженер знал — путь решения правильный, месяцы последнего высокого напряжения — и тогда отдых! Балки, прораны, гудящая сталь мостов — они взывали, они требовали разрешения своей дальнейшей судьбы. Нет, никак нельзя было терять самоконтроль. И если бы он уже не был утерян, инженер отправился бы домой и к началу бархатного сезона строчил последнее уравнение расчета. Этого требовал долг, этого ожидали коллеги, на этом, наконец, настаивали профессора.

Но легкие его наполнились свежестью, в висках стучало, не было привычной твердости и в коленях. Он по-прежнему стоял на том же углу, совсем рядом со своим подъездом. Поток прохожих разбивался о него, как волны разбиваются о нос корабля, и смыкался позади небольшими водоворотами.

Его толкали — он не замечал. Кто-то наступил ему на ногу, он машинально извинился. Шли минуты последней концентрации мысли.

Собрав волю в кулак, вырубив внешние впечатления, Петров потребовал от мозга четкой оценки ситуации. Он ждал — секунду, десять секунд, он переминался с ноги на ногу, а там, в клубнях нейронов, в соцветиях корковых извилин потрескивали сигналы, искрились точки и запятые, клубились глаголы, подлежащие и прилагательные. Петров ждал.

— Ни сегодня, ни завтра ты не сядешь за письменный стол, — отчеканил, наконец, его внутренний голос, — это бесполезно. Позволь себе какую-нибудь маленькую глупость. Так нужно. Начинай немедленно: скорее все кончится..

Теперь, когда ощущения и чувства подкрепились логической направленностью, инженер стал увереннее: он верил своему мозгу. Последняя вспышка мышления оправдывала и нелепый, несвоевременный выход на улицу — первую из маленьких глупостей, отпущенных внутренним голосом, — и те, что еще предстояло совершить.

Ему уже не за чем было возвращаться домой, однако беглый пересчет первой же сотни прохожих показал, что в пальто лишь два процента из них. На плечах инженера тоже красовалось пальто — деми, с рыжим воротником и пристежной ватной подкладкой. («Отличная штука, ребята, — говорил он друзьям, — летом плащ, зимою доха!») И когда приговоренное к повешенью пальто осталось дома, инженер резким, баскетбольным ходом ввел свое тело в общий поток граждан.

Прямая, соединяющая его подъезд с ближайшей парикмахерской, окончилась креслом, за которым стоял давно не бритый и не стриженный человек с лезвием в руках.

— Сапожник без сапог, — дружелюбно сказал Петров, и человек волшебным образом махнул лезвием.

Как только парикмахер вытер последний порез на подбородке клиента, инженер бросил взгляд в зеркало. Он с удовлетворением отметил, что опавшая щетина скрывала приятно-розовую кожу щек и литой подбородок боксера. Он почти забыл, как это выглядит в естественном виде.

Теперь молочное сияние щек гармонировало с мягким излучением рубашки, свежей, как обратная сторона чертежа, со стремительной складкой брюк и черным блеском туфель, отражавшим безнадежные взгляды уличных сапожников.

И вместе с тем он чувствовал себя манекеном, вышедшим прогуляться из витрины магазина. Выутюженные доспехи горожанина не сковывали его в движении. Губы его то и дело раздвигались легкой улыбкой, шаг был в меру нетверд, а взгляд добр, как у трамвайного кондуктора, едущего в пустом вагоне.

Восприятия инженера обострились. Он слышал, как устрично пищат разворачивающиеся листочки тротуарных тополей, и в моторном уличном громоухании явственно выделялся тонкий шелест лунного света, и ноги, казалось, ловили неоцуги-

мую кривизну земного шара. Состояние инженера обрело некую глобальность, его грудь упруго раздвигала податливую сеть меридиан, и токи широт мягко овивали плечи. И видимо, оттуда (откуда же еще?) из этих токов, из недр полярного магнетизма, прихлынула к мышцам древняя, былинная сила, которую чувствуют в себе раз в жизни, да и то далеко не каждому дано испытать этот прилив. Волшебные токи весны породили ее, и распорядиться ею следовало широко, по-весеннему. Каким образом? Этого инженер еще не знал.

Бульвар, один из тех бульваров, где и в яркий полдень под густой листвою хранится фотолaborаторный мрак, а по ночам пылают неоновые солнца, хоть делай моментальные фотографии, бульвар этот еще кишел играющими детьми. Один из них не принимал участия в финале коллективного детского буйства. Совсем молчаливый малыш, сосредоточенный, серьезный, подбрасывал высоко вверх небольшой булыжник и наблюдал за его падением. Возможно, он что-то обобщал, формулировал, подбирался к каким-то физическим законам, а может, и просто наслаждался зрелищем свободного падения. Но только немногие решались пройти в непосредственной близости от малыша. Разумеется, в их число попал и наш герой. Сегодня он легко относился к опасностям, сегодня он звал бы в падающем, чадающем самолете.

И тут взгляд инженера упал на девушку, она шла прямо навстречу Петрову. Она возникла из аллей, как мгновенное порождение и этого бульвара, и всего весеннего ансамбля городских сумерков, и глобального всепроникновения самого Петрова. Девушка была самой замечательной из тех, кого он заметил сегодня, вчера и $n+1$ дней в обратную сторону. Взгляд, брошенный инженером в другой ситуации, остановил бы его на месте. Но булыжник, посланный детской рукой, уже взвился в небо, уже готов был рухнуть в свободном падении строго вниз, по перпендикуляру, а пока замер в точке апогея — прямо над девушкой, внезапно возникшей из аллей.

Инженер понял: сигналить об опасности поздно. Требовалось что-то другое, немедленное, кардинальное. Скажем, повернуть немного земной шар в любую из сторон, чтобы камень ушел от назначенной законами баллистики точки приземления. Да, другого выхода не было. Напомним: мышцы инженера лопались от скопившейся в атмосфере энергии. Он мгновенно нагнулся, плотно уперся в землю ладонями и мощно нажал...

Факт остается фактом. Земной шар слабо качнулся, булыжник просвистел мимо незнакомки, и только воздушная волна легко прошлась по ее прическе и щекам.

Конечно, за миллиарды лет Земле не раз приходилось смещать стороны света, качаться. Да и сейчас каждая вспышка на солнце тормозит вращение планеты — факт известный. И нет ничего странного в том, что однажды этот эффект удался и человеку. Главное — вышел ведь!

Засмеявшись, инженер отряхнул пыль с пиджака, подошел к девушке и тут же открыл ей все. И как подвинул Землю, и как брился в парикмахерской, и про $n+1$. Чем можно было подтвердить эту неправдоподобную историю? Ничем. Разве только пойти в парикмахерскую, показать сбритую бороду? К счастью, человеческие отношения, как и математические построения, основаны на аксиомах, принятых на веру. Она, должно быть, умела верить. А может быть, и раньше считала, что необыкновенные вещи, случившиеся с инженером, вполне возможны...

А инженер Петров и не пытался что-либо доказывать. Он вел себя как уличный репродуктор. А она? Нет, ничего. Ей нравилось идти рядом с человеком, который может подвинуть земной шар в ту или иную сторону.

— Скажите, — вдруг сказала она, останавливаясь и строго глядя прямо в глаза Петрову, — а можете вы еще раз качнуть? Ну, как там, в бульваре.

— Могу, — твердо ответил инженер Петров.

...Несколько позднее полуночи инженер оказался у себя дома. Он включил свет, сел за стол. Сколько глупостей за один вечер! Безрассудно он вел себя, безрассудно. Особенно в тот момент, когда в один присест двинул материки и океаны так, что из-за ночного невидного горизонта уж было начал ползти тропический Южный Крест. Ах, как захотелось ему тогда, чтобы над средненькими нашими широтами навсегда укрепился экзотический этот Крест.

Горы чутко спят,
Южный Крест залез на небо, —

еще в детстве он горланил эту песню с друзьями, и образ чужого созвездия неизменно нес прилив смутного энтузиазма. Но она-то? Нет, ей только краешком глаза хотелось взглянуть

на кустистые, могучие созвездия другого неба. На один миг. Пришлось инженеру гнать небо в прежние оси координат.

Он пересчитал то, о чем принято говорить, что не в них счастье. А в них ли, и в самом-то деле? Лишь бы астрономы ничего не заметили!

Перо авторучки снова побежало по бумаге, считая количество невероятностей сегодняшнего вечера. На острие пера сидят невероятности! Математик еще не умер в Петрове. Квартирант книжного замка почувствовал себя дома. Из авторучки вытекло какое-то уравнение, потом второе, а за ним уж потекли и другие.

...Забрезжило утро, и первые солнечные лучи упали в открытые окна спящих домов. Петров вздрогнул, выключил свет, подошел к окну. Провода троллейбусной линии уже расцвели драеным медным свечением, вздрагивали на легком своем весу. Должно быть, какой-нибудь троллейбус уже набрался первыми порциями тока, выполз на городские окраины. От пустынных, вымытых асфальтов несло синевой, как со щек небритого брюнета. Он погладил подбородок, ворс молодой, пробивающейся щетинки царапнул ладонь. Инженер Петров шагнул к столу, взгляд его застыл на уравнениях. Последнее было тем, что Петров искал весь год...

...Купе уже затянуло волокном хлопчатобумажного облака табачного чада. Во мраке углов разгорались и тухли каленые огни сигарет.

— Что же, защитили диссертацию? — прочищая горло, нарушил тишину вычислитель, доктор наук.

— Защитил, — скромно подтвердил строитель.

— Так, — односложно констатировал доктор.

— Все же большой науке ваш случай многого не дал, ведь он больше не повторялся, — веско начал любитель катастроф, — а наука сильна повторяющимися эффектами, в них верит, на них зиждется. Вот, например, Тунгусское диво...

— А что, повторялась разве Тунгусская катастрофа? — с неожиданной горячностью возразил строитель.

— Нет, — смущенно сознался человек с правой верхней, — не было повторения. Оттого и бьемся над загадкой.

Последнее он произнес как-то обмякнув и сразу затих.

— Ну, а девушка? — осторожно спросил я, — она-то что же?

На полках заворачивались.

— Да вот, письмо получил, — выдержав паузу, ответил инженер. Показалось мне, или в самом деле голос его дрогнул? — И фотографию прислала. Веселая такая, смеется. Утром, как встанем, покажу...

Он отдернул занавеску, в углу окна обнаружилась крупная, полуночная звезда. Она блуждала в оконном углу, искала места. Это раскачивало вагон, раскачивало и несло, несло вперед, от бетонных жилищ, от тугой струны Гринвичского меридиана, вбок от таежных эпицентров, к водоносным проранам, к новым остриям пера, к мановениям волшебной палочки.

Подкаменная Тунгуска — Москва — Брест

ГЛУБОКИЙ МИНУС

1

Колин медленно повернул ключ влево и выключил ретаймер. С закрытыми глазами посидел в водительском кресле, но заколотившееся во внезапном приступе гнева сердце все не унималось. Тогда он вылез из хронокара и уселся прямо на землю.

Внезапно он встрепенулся и повернул голову. Слева донеслось тяжелое пытение, и Колин автоматически отметил, что к воде пробираются гадрозавры — ящеры, здоровенные и лишенные привлекательности. Но они пройдут стороной, и, кроме того, здесь, в мезозое, было просто невозможно обращать внимание на каждого ящера. Иначе все время только и пришлось бы обращать внимание, а работать стало бы просто некогда.

Но все же где Юра?

Ага, справа донеслось что-то напоминающее мелодию. Это уже была информация. Хотя мелодией донесшиеся колебания воздуха можно было назвать лишь с большой натяжкой. С колоссальной. Певец! Колин презрительно поджал губы. Бездельник...

Мелодия приближалась. Тогда Колин поднялся на ноги. Он расставил ноги пошире и уперся кулаками в бока. Он наклонил голову и саркастически усмехнулся. В такой позе Колин продолжал дожидаться.

В следующий момент Юра увидел Колина. Мальчишка шел, старательно изображая беззаботность. Он даже снова запел.

— А вот, — пел Юра, — вот высокие деревья, хотя, может быть, они и не деревья. И большое желтое солнце. Как тепло здесь! А вот стоит Колин, великий хронофизик. Он нахмурен, Колин. Он разгневан. Что он скажет мне, Колин? Что он сделает?..

— Это ты сейчас узнаешь, — сумрачно произнес Колин. — Не скажешь ли ты мне, великий артист, кто сжег рест у хронокара?

— Кто сжег рест у хронокара? — запел Юра, остановившись на расстоянии десяти шагов от Колина и не проявляя ни малейшего желания приблизиться. — Откуда я знаю, кто сжег?.. Может быть, Лина... Или Нина. Или Зоя... Не подходи, ты! — последние слова солист произнес скороговоркой.

Колин поморщился.

— Лучше не сваливать на девушек. Целесообразнее всегда сознаться самому.

— Что я могу сделать, — жалобно сказал Юра, — если я и в самом деле не знаю, кто сжег рест? Как будто я не умею водить хронокар. А раз я умею — ведь умею же, а? — то, значит, я и не мог сжечь рест. Как ты думаешь?

Он сделал паузу. Колин все стоял в той же позе, не предвещавшей ничего хорошего. Юра вздохнул.

— Однако я готов облегчить твоё положение, о почтенный руководитель. Своими руками сменю рест. Пусть. Мне всегда достаётся чинить то, что ломают другие. Я сменю рест. — При этих словах на лице его появилось выражение высокого и спокойного благородства. — А посуду зато пусть вымоет Ван Сайези.

Колин вздохнул. Легкомыслие плюс отсутствие мужества — вот Юра. Как хорошо было бы в экспедиции, если бы не он со своими выходками. Совершенно пропадает рабочее настроение...

— Небольшое это удовольствие — быть твоим начальником, — сказал Колин, сурово глядя на юнца. — Впрочем, я все это учту при составлении отчета.

— Так я иду, — торопливо сказал Юра. — Где у нас запасные ресты?

— Каждый член экспедиции обязан знать это на память, — стараясь сохранить спокойствие, раздельно произнес Колин. — Знать так, чтобы, если даже тебя разбудят среди ночи, отве-

тить, ни на секунду не задумываясь: «Запасные ресты хранятся в левой верхней секции багажника». Человек, не знающий этого, не может участвовать в экспедиции, направляющейся в минус-время, в глубокое прошлое Земли. Ты понял?

— А конечно, все ясно, — сказал Юра и побежал к хронокару, подпрыгивая и делая по три шага одной и той же ногой.

Колин покачал головой. Затем он повернулся и неторопливо направился ко второй позиции, где еще утром стоял хронокар Сизова. Присел на поваленный ствол и задумался.

Когда дела в экспедиции шли на лад, можно было, позволив себе взять небольшой перерыв, сидеть так и ощущать, как течет, и слышать, как журчит утекающее время. Как нигде, это чувствовалось здесь, в глубоком минус-времени, в далеком, ох, каком же далеком прошлом Земли. Становилось немного не по себе при мысли о тех миллионах лет, что отделяли экспедицию от радостной и легкой современности. Там бы и работать. Но место звездолетчика — в космосе, а хронофизика — в минусе.

Точнее, в одной из шахт времени. Там, где погружаться в прошлое было из-за меньшей плотности времени легче, чем в других местах. В шахте номер два, на уровне мезозоя, и находилась сейчас эта группа экспедиции.

Здесь было много работы. Следовало разобраться в причинах, по которым уровень радиации на планете в эту эпоху опять резко изменился; выяснить, по какой причине вымерли динозавры. Сопоставляя эти данные с результатами групп, работавших выше и ниже, можно будет понять, не отражаются ли эти скачки на устойчивости процесса эволюции, а главное — установить, что же именно является причиной этих скачков: вспышки ли сверхновых или еще что-либо.

Поэтому в состав экспедиции входили и зоологи, и ботаники, и радиофизик, и химик, и астроном, и, конечно, хронофизики. И Юра, который, по существу, еще не был никем, но очень хотел кем-нибудь стать.

Однако вряд ли это ему удастся. Хотя он как будто и тяготеет к зоологии. Но одного желания мало, нужен характер. А его нет. И потом, Юра не занимается наукой. Он играет в нее.

Хорошо, что экспедиция состоит не из Юрок. И та группа, которая сейчас в силуре занимается трилобитами, их

расцветом и гибелью, свободно передвигаясь в своем хронокаре на миллионы лет; и группа Рейниса — Игошина в архее, у колыбели жизни; и обе группы более высоких уровней — все они состоят из серьезных людей.

Верхним группам особенно тяжело: каждая из них состоит всего из одного человека. Петька и Тер. Каждый из них — один на миллионы лет...

Впрочем, все мы здесь одни. Случись что-нибудь — ничто тебе не поможет, ни прошлое, ни будущее... Он уже сменил рест? Так быстро?..

Юра показался из-за хронокара и приблизился, все так же пританцовывая. Губы его изображали торжествующую улыбку. «Ну, поставил», — подумал Колин. Все в порядке. Хорошо, что Сизов ушел — будь он здесь, он не удержался бы от саркастических тирад по поводу качества подготовки некоторых минус-хронистов. Но Сизов сейчас уже приближается к современности. Проведет профилактику и привезет энергию.

Поспешным движением Колин зажал уши. Это был не ящер, это Юра испустил свой боевой клич.

— Довольно, — брюзгливо сказал Колин. — Я уже все понял.

— Вовсе нет, — ухмыляясь, ответил Юра. — Не ответит ли высокочтимый руководитель, на каком, собственно, основании он принимает участие в экспедиции?

Колин нахмурился. Начинаются эти глупые шутки.

— Ведь тот, кто не знает, где хранятся запасные ресты, не имеет права участвовать в экспедиции, правда?

— Ну?

— Так вот, высокий руководитель не знает. Они вовсе не хранятся в левой верхней секции багажника. Там вообще ничего не хранится. Секция пуста. Рест хранился в верхней секции над дверью. Если бы не я с присущим мне инстинктом следопыта, предводителю пришлось бы долго искать...

— Да подожди ты, — сказал Колин, досадливо морщась. — Какая еще секция над дверью? Там никаких рестов никогда не было. Весь пакет лежит там, где я сказал.

— Может быть. Только там не было никакого пакета. И нигде не было. Только один рест. Там, где Я сказал.

Колин сердито пробормотал нечто, поднялся, тщательно отряхнул брюки.

— Вот я тебе сейчас покажу...

Он широко зашагал к хронокару, предвкушая, как сейчас вытащит из шкафчика плоский пакет, залитый для безопасности черной вязкой массой, ткнет молокососа носом в ресты и скажет... И скажет... И...

Его руки обшарили секцию: сначала спокойно, отыскивая, к какой же стенке прижался пакет. Потом еще раз, быстрее. Потом совсем быстро, пальцы чуть дрожали. Голову в шкафчик одновременно с руками было не всунуть, и Колин шарил, повернув лицо в сторону и храня на нем то напряженно-досадливое выражение, которое бывает на лицах у людей, перезаряжающих кассеты на свету. Наконец Колин разогнулся, вынул руки из секции, осмотрел, удивленно подняв брови, пустые ладони.

— Ничего не понимаю.

Юра ехидно хихикнул. Колин принялся за соседнюю секцию. На пол полетели защитные костюмы, белье, какая-то рухлядь — Колин только все сильнее сопел, извлекая каждый новый предмет. Из третьего шкафчика появились консервы, посуда и прочий кухонный инвентарь. Секций в багажном отделении было много, и с каждым новым обысканным хранилищем лицо Колина становилось все мрачнее. Наконец изверг свое содержимое последний шкафчик. На полу возвышалась пирамида из банок, склянок, тряпок, кассет, запасных батарей, сковородок и еще чего-то. Пакета не было.

— Убери, — сказал Колин, не разжимая челюстей. Резко повернувшись, ударился плечом об открытую дверцу, зарычал и вылез из хронокара.

Юра не рискнул возразить: он знал, когда шутить нельзя. Что-то бормоча несчастным голосом, он занялся кучей. Колин сделал несколько шагов и остановился, потирая лоб. От таких событий у кого угодно могла разболеться голова.

Рестов нет. Нет всего пакета — пяти новеньких, исправных деталей, вместо них Юра нашел одну-единственную. Нашел вовсе не там, где следовало. И — один. Откуда взялся этот рест? И куда исчезли остальные?

Колин долго вспоминал. Наконец вспомнил. Этот рест остался в секции над дверью еще с прошлой, седьмой комплексной экспедиции, которая впервые добралась до мезозоя. Это

был уже поработавший рест. Еще пригодный, правда. Но только никто не мог сказать, когда он сгорит. Это могло произойти в любую минуту.

Хорошо, что не надо никуда двигаться. Иначе — беда. Но дело не в этом. А в том, что не где-нибудь — в минус-хронистской экспедиции вдруг, ни с того ни с сего, пропал целый пакет рестов. Единственный резервный на хронокаре. Это беспорядок. Это отсутствие ответственности. Это могло бы поставить под угрозу выполнение научной программы, и хорошо, если не что-нибудь побольше.

Да и ресты исчезли наверняка не без помощи этого юного бездельника. Без сомнения.

Может быть, это слишком пристрастно?.. Нет. Юнец, почти бесполезный в экспедиции — да, очень вероятно, что бесполезный, — ищет развлечений. Возится с ящерами. Суется. Берет хронокар, что вообще запрещено. И сжигает рест. Хорошо, что на машине есть автоматика, которая сразу же выводит хронокар из субвремени. Иначе...

Итак, придется просить ресты из резерва Сизова. И переживать всю эту историю. Вместо того чтобы анализировать уже полученные результаты, систематизировать их, намечать новые направления... Вместо этого руководитель экспедиции будет думать о судьбе пакета рестов и подставлять себя под удары сизовского остроумия.

Колин вздохнул. Оттуда, где на низеньких колесах стоял хронокар — полупрозрачный эллипсоид с несколько раздутой багажной частью, — доносились негромкий стук и позвякивание металла. Это Юра вынимал сгоревший рест. «Надо обладать особым талантом, чтобы так основательно сжечь рест, — подумал Колин. — Там уцелело десятка полтора ячеек, не больше».

Впрочем, довольно. Слишком много переживаний. Они не способствуют успешной деятельности. Лучше думать о другом. О работе.

Надо думать о той закономерности изменения уровня радиации на планете, которая, как будто бы стала намечаться при обобщении последних данных. Здесь, в мезозое, сделано уже почти все. Но вот в силуре и архее... да, там еще могут произойти открытия. Ах, если бы группе Арвэ удалось подобраться во времени поближе к моменту изменения уровня и

проследить, как оно происходит, это изменение: скачком или плавно нарастая, и какими явлениями — космическими или местного порядка — сопровождается. Правда, исследователи предупреждены, чтобы не рисковали. Но если они все же получают убедительные данные... то, может статься, вовсе не зря мы расходуем энергию в глубоком минусе.

Кстати, энергию привезет Сизов.

Колин недовольно дернул плечом. Воспоминание о Сизове вернуло его к мыслям о происшедшем, и он твердо решил: в дальнейшем экспедиция будет обходиться без Юриных услуг. Кому нужны такие практиканты? Пусть упражняется дома. На кошках. Вozить его к динозаврам обходится слишком дорого.

Вот он сжечь деталь сумел, а поставить новую, видимо, не может. Столько времени возится с установкой...

Колин раздраженно повернулся. Но Юра уже подходил, вытирая руки платком.

— Ну, порядок, — объявил он. — Опять можно хронироваться, куда хочешь, высокочтимый предводитель.

— Наконец-то, — буркнул Колин. — А теперь скажи мне: куда же девался пакет?

— Я думаю, — сказал Юра задумчиво, — что его увез с собой Сизов.

— Перестань! — проговорил Колин. — Сизов ничего не станет брать с другого хронокара. У него самого полный резерв.

— Я же не говорю, что он их взял. Он увез пакет, потому что пакет оказался в его багажнике.

— Так... Каким же образом?

— Я их туда переложил.

Колин протяжно вздохнул.

— Значит, ты их переложил? Взял да переложил?

— Ну да. Мне нужно было освободить одну секцию. Собралась очень интересная коллекция, и ее надо обязательно доставить в современность. Но это я сделаю сам. Наши палеозоологи...

— Молчи! — голос Колина сорвался, но хронофизик тут же овладел собой. — Значит, коллекция... А ты что, не знал, что Сизов уходит на три дня в современность?

— Конечно, не знал. Откуда же?

— Об этом говорилось вчера за ужином.

— Я опоздал вчера, — сказал Юра. — Ты что, не помнишь? Я работал с траходонтами, было очень интересно...

«Опоздал, — подумал Колин. — Вот опоздал. И с этого все началось... Ох, сейчас я сорвусь!..»

Он раскрыл рот и опять закрыл. Затем опять раскрыл, но проговорил только:

— Почему же ты заставил меня обшарить весь багажник?

— Ну, я хотел немного пошутить, ты не обижайся, — весело сказал Юра. — Ты так смешно говорил, что, кто не знает, не имеет права идти в экспедицию. А получилось, что не знал ты. Я-то знал...

— Ты... ты вреден для науки! — сквозь зубы процедил Колин. Он повернулся к Юре спиной.

Тот опешил.

— Чего ты обижаешься? Я же хронируюсь первый раз. Ничего, я научусь еще... — Он подмигнул. — А вот я узнаю, кто сжег наш рест...

— Если хочешь узнать, — холодно произнес Колин, — я отвезу тебя в ближайшее прошлое — в восемнадцать часов тридцать две минуты по моим часам. Там ты увидишь...

— А ты видел?

— Видел.

Юра смущенно засмеялся.

— Ну ладно... Ты знаешь... Мне надо было попасть лет на тысячу выше — посмотреть, как развивается далекое потомство одного ящера, очень характерного для периода повышения уровня... Честное слово, я теперь и близко не подойду к управлению. Я сжег рест совершенно случайно. Усиливал темп-ритм и одновременно дал торможение. Мне хотелось выйти поточнее... От разряда даже маяки взвыли!

Колин сжал кулаки. Его желание сдержаться исчезало, таяло под напором чего-то куда более сильного, поднявшегося черт знает откуда. Болтун — у него маяки и то воют.

— Пошел вон! — заорал он и с радостью увидел, как выражение испуга появилось на лице Юры.

Мальчишка нерешительно сделал несколько шагов назад. Колин набрал полную грудь воздуха, но не успел добавить ни слова.

Громовой, скрежещущий рев раздался неподалеку. Звук был на редкость силен и противен, но Юра удовлетворенно ухмыльнулся.

— Рексик, — сказал он. — Тиранозаврик, милое создание. Крошка Тирик. Он недоволен. Заступается за меня. Когда он доволен, кого-то съел, он делает так...

Юра весьма похоже изобразил, как делает Рексик, когда он доволен.

— Это чтобы ты не злился на меня. Ты уже подобрел?

Они стояли друг против друга, Колин шумно сопел. Потом воздух между ними задрожал, и в этом дрожании возникла высокая фигура, затаенная в плотно облегающий, отблескивающий костюм, с горбами хроноланговых устройств на спине и груди. Юра ошалело глядел на возникшего. Тот медленно расстегивал шлем, затем откинул, и стоящие увидели крупные черты и широкую, с проседью бороду Арвэ. Он усталым движением стер пот со лба.

— Ты? — спросил Колин. — Что-нибудь случилось? Ну? Ну?

— Мы вышли точно в момент изменения уровня, — ровным голосом проговорил Арвэ. — Скачок, Колин. Никакой постепенности — скачок.

— Так, — сказал Колин. — Так, — повторил он ликующе. — Ты понял? — закричал он Юре и тотчас же снова повернулся к Арвэ. — Ну, рассказывай, ради всего... А причины? Причины?

— Космические факторы, — сказал Арвэ. — Похоже, сверхновая.

— Вы ее видели?

— Мы видели. Только...

— Ну?

— Впечатление такое, что она возникла на пустом месте. До этого там не наблюдалось даже самой слабой звезды.

— Э, вы просто не заметили, — с досадой сказал Колин. — Проворонили. Где все материалы?

— Главное — при мне. Вот записи... — Арвэ извлек пакет из внутреннего кармана. — Астрономические записи мы еще изучаем.

— Ну ладно. Главное — это была сверхновая... Молодец, что сразу привез. Это небезопасно — пускаться с хронолангом... Можно же было использовать ваш хронокар!

— Нет, — сказал Арвэ. — Хронокар погиб. И все хозяйство. В момент скачка радиации энергетические экраны не выдержали. Но люди целы.

Лицо Колина стало каменеть, радостная улыбка застыла

на нем, как застывает лава после извержения, радостная, глупая, никому не нужная улыбка.

— Остались аккумуляторы, — сказал Арвэ. — Их хватит на полсутки. Мы вышли слишком близко к моменту скачка... Кстати, я не думаю, что мы проглядели эту звездочку. Ее просто не было.

— Ерунда... — медленно проговорил Колин. — Ерунда... Как же теперь?

— Подбросьте нам энергию, и все, — сказал Арвэ. — Теперь я ухожу. Там сейчас столько работы, что рук не хватает. Мы продержимся еще полсутки, а тут вы подоспеете. Хотя бы пару контейнеров... Я так и скажу ребятам.

Он накинул шлем. Колин медленно поднимал руку, чтобы удержать Арвэ, но только воздух колебался там, где только что стоял старик.

— Немедленно дать сигнал общего сбора группы... — почти беззвучно произнес Колин.

2

Это проклятое положение. Мы путешествуем в чужое прошлое, но не можем проникать в свое и изменить в нем что-то хотя бы на миллиметр, на долю секунды. Слишком мала разность давлений времени, а эта величина имеет тут решающее значение. Плотность времени, окружающего события, настолько велика, что, если ты не обрушиваешься на событие с высоты большой разности давлений, тебе не пробиться к нему. Нельзя вернуться назад и предупредить друзей в силуре, чтобы не лезли в пекло. Или же связать этого мальчишку по рукам и ногам, чтобы он...

Колин согнулся и заткнул пальцами уши. Это был сигнал общего сбора. По сравнению с ним рыканье тиранозавра казалось лирической вечерней тишиной. Даже самые далекие ящеры умолкли от страха.

Девушки выбрались из чащи первыми, перемазанные, испарянные и веселые. Они тащили маленького двуногого завра и по очереди заглядывали в его широко раскрытую пасть. Завр дергался, шипел и гадил.

— Какая прелесть, а? — сказал Юра.

— Интересно, сколько энергии израсходовано на то, чтобы ухватить этого прыгуна, — мрачно произнес Колин. — Чтобы

совместиться с ним. Девочки! Бросьте его немедленно! — И, глядя, как насмерть перепуганное создание улепetyвает к лесу, продолжил: — Ни ватта энергии без крайней необходимости — запомните это. Где Ван?

— Я здесь, — сказал Ван Сайези, подходя неторопливой, как всегда, походкой. — Юра! Один твой милый динозаврик недавно хотел меня съесть.

— И что? — быстро спросил Юра.

Ван вытащил из кармана несколько небольших кубиков и цилиндриков.

— Вот тебе образцы его костей.

— Угу, — сказал Юра. — Значит, он тебя не съел... — Юра взял кубики. — Сейчас Колин тебя выругает: он не в настроении и не любит, когда зря расходуют энергию на совмещение.

— Ван застрелил одного по плану, — сухо произнес Колин. — Все здесь? И так, слушайте... Дело серьезное. По существу, впервые за все время, проведенное в экспедициях, мне, да и всем нам, приходится думать над подобными вещами... Возникло... досадное... да, досадное стечение обстоятельств. Арвэ, Хомфельдт и Джордан в силуре добились крупного успеха. Вот их отчет... — он зачем-то положил руку на карман, словно это должно было убедить всех в достоверности его слов. — Но их постигло несчастье. Они лишились машины и запасов энергии — ее осталось на полсутки... Сизов, как вы знаете, вернется лишь через трое суток. Им грозит дехронизация.

— Ужас, — тихо проговорила Зоя.

Нина лишь закрыла глаза. Лина сидела как каменная: Арвэ грозит гибель...

— Мы должны найти способ помочь...

— Ты ведь знаешь, — медленно произнес Ван Сайези, — мы не хронофизики. Пассажиры... То есть вести хронокар может каждый из нас, но куда? Ты здесь единственный специалист сейчас...

— Я объясню вам все. По сути дела... поставлена задача из сборника упражнений по теории времени. Цель: спасти результаты экспедиции и ее участников, конечно. Средства: имеющиеся здесь, в мезозое, запасы энергии и наш хронокар. Из трех машин экспедиции можно рассчитывать лишь на нашу.

— На сколько хватит нашей энергии в пересчете на всех? Это спросила Нина.

— Одну минуту... — сказал Ван. — Давай-ка посчитаем, как это получится в цифри...

Он вытащил из кармана карандаш, стал подсчитывать, выписывая тупым концом его цифры прямо на песке.

— Всего нам этой энергии достанет — это уж абсолютно точно, строгий расчет — ровно на двое суток. Ровно, — повторил Ван, — безо всякого лишка.

Нина вздохнула.

— А Сизов возвратится на сутки позже...

— Значит, так нельзя.

— Можно, если Сизов придет раньше, — уточнил Колин. — Но коли уж в расчете возникает «если», то надо всегда помнить, что это палка о двух концах. Если раньше — а если позже, то что тогда?

Все молчали, представляя, что будет тогда. Люди в глубоком минус-времени будут долго с тоской следить за приборами, которые покажут, что все меньше и меньше остается энергии... Будут следить и с каждой минутой все менее верить, что помощь успеет. Умрут они мгновенно, но до этого, даже помимо своей воли, будут медленно умирать сто раз и еще сто раз...

— Что же, — сказал Ван. — Разве есть другой выход?

— Нет, — ответил Колин. — Другого выхода нет. Но...

— Да?

— Задача еще не вся. Ведь энергия — здесь, а они — там.

— Привезти их сюда. На хронокаре можно забрать их всех зараз.

— Нет... Наша машина неисправна.

Колин хотел сказать, по чьей вине, но что-то помешало ему, и он растерянно умолк. Только после паузы он повторил:

— Неисправен... Ненадежен рест. Конечно, можно рисковать. Забрать их сюда. Но риск очень велик. Можем не добраться...

— Ага, — невозмутимо сказал Ван Сайези. — Это несколько меняет дело.

— Если бы мы и привезли их сюда, — медленно проговорила Нина, — то все равно погибли бы. Все. Сизов ведь не знает...

— Не совсем так, — возразил Колин. — Во-первых, по расчету времени он может успеть. Трое суток даны Сизову с учетом того, что половину этого времени он будет заниматься

на базе осмотром машины и профилактикой. Погрузка и путь в оба конца занимают лишь вторую половину. Так что, если Сизов будет знать...

— Это уже второе «если», — вставил Ван. — А построение с двумя «если» не заслуживает уважения.

— И все же здесь есть шансы. На предельно облегченном хронокаре надо устремиться в современность. К Сизову. Чтобы никакой проверки сейчас, никакого ремонта. К этому времени энергетические контейнеры будут уже погружены. С ними он сразу же хронизирует сюда. Он успеет.

— Но, — недоверчиво произнесла Нина, — рест может сгореть и на пути в современность.

— Тут риск меньше: давление времени возрастает с погружением в минус и уменьшается к современности. Это должен знать и ботаник, раз он участвует в экспедиции... Словом, нагрузка на рест будет меньше. Больше шансов добраться.

— И все же не сто процентов...

Снова наступила тишина. Колин вздохнул: тяжело, очень тяжело... И понятно почему. Давно уже миновала эпоха, когда понятие экспедиции было тесно связано с понятием приключения. Миновало. Экспедиция продумывается и снаряжается настолько тщательно, что ничего угрожающего — иными словами, непредвиденного — возникнуть не может. На смену романтике катастроф давно и основательно пришла романтика поиска и открытия. А тут получилось иначе... Под угрозой оказались ни много ни мало все результаты экспедиции. И жизнь людей. Ведь если Сизов не успеет, дехронизируются не только люди — все исчезнет, до последнего прибора, до последнего кусочка бумаги... Все, что завезено из другого времени. Здесь мы можем находиться лишь под охраной энергетических экранов. Мы берем свое время с собой и можем жить только в нем, как пловец берет в глубину моря свою атмосферу, без которой ему нечем дышать...

Сложное положение. И все же колебаться нельзя. Плоды нашей работы не должны пропасть для науки. Их надо спасти — даже ценой жизни. И иного пути, кроме того, который предлагаю я, нет.

Колин поежилась. Грустная перспектива... Но довольно об этом. Никто не утонет во времени, если ты не разгнешь рта слишком рано. Придушить такие мысли. Нечего размякать. Держись...

— Да, — сказал он. — Мы можем погибнуть. Но надо стараться спастись самим и сохранить самое ценное — результаты. Сейчас мы даже не на пороге, мы уже вошли в большое открытие... Группу Арвэ сюда можно доставить и без хронокара. У нас пять индивидуальных хронолангов, такую дистанцию они выдержат. Их там трое. Двое из нас пойдут в силур, три хроноланга возьмут с собой. Все данные о работе привезти сюда. Приборы придется дехронировать там... Здесь надо будет ждать. А предупредить Сизова, я считаю, все же возможно.

— При условии, — сказал Ван, — что машину поведет самый опытный минус-хронист. Кто у нас самый опытный?

На миг наступило молчание, затем Колин тихо проговорил:

— Я.

— Ну вот ты и поведешь.

Колин кивнул.

— Это самое целесообразное, — сказал он.

— Вот все и решено. Разумеется, если бы мы обладали более богатым опытом, мы бы не стали подвергать тебя такому риску... Опыт, накопленный предками, — великое дело. Может быть, тогда мы и нашли бы иной выход из положения...

— Нет, — сказал Колин. — Чем может помочь нам опыт предков? У них не было таких машин. Они даже не имели о них представления. Окажись предки на нашем месте, они просто растерялись бы. Не надо их чрезмерно идеализировать... Нет, нам нечего надеяться на опыт прошлого. Да и на будущее тоже. Ближе всего к будущему находится наш Юра... — Колин постарался, чтобы при этих словах в его голосе не прозвучало презрение. — Но я не думаю, чтобы он смог нам помочь. Нет, мы здесь одни — под толщей миллионов и миллионов лет. И только на себя мы можем рассчитывать... Но, я полагаю, мы имеем право и перед лицом прошлого и будущего сказать, что решили правильно.

Он повернулся и стремительно направился к машине. Перед глазами его все еще стояло лицо Юры — такое, каким оно было только что, в момент, когда парень осознал всю трагическую непоправимость своего проступка. «Да, — подумал Колин, — совесть у него, конечно, есть, против этого возразить нельзя. Только что сейчас толку от его совести?»

Он проверил, как установлен рест — кажется, хорошо, да, по всем правилам, — и начал во второй уже раз сегодня осво-

бождать багажник, облегчая машину. Остальные все еще сидели в кружке там, где он их оставил. До Колина доносился каждый напряженный вздох — и ни одного слова, потому что слов не было. Наконец Ван спросил — так же спокойно, как всегда:

— Кто же сжег рест?

— Я, — ответил Юра, и голос его дрогнул.

Лина тяжело вздохнула и медленно произнесла:

— Бедняга... Представляю, как тебе тяжело...

— Парень попал в беду, — отозвался Ван Сайези. — Ему сейчас, конечно, куда как нелегко.

— Как бы ему помочь, ребята, — сказала Нина. — Это же невозможно — оставаться с такой тяжестью на душе.

— Надо быстрее думать, — проговорила Зоя. — Может быть, придумаем что-нибудь, чтобы ему стало легче...

Колин уперся лбом в пластик хронокара. Вот о чем они думают... Не о том, что через сутки-другие, может быть, превратятся в ничто, и даже неясно будет, в каком же тысячелетии искать их могилы. Не об этом. А о том, что эти последние сутки тот из них, кто, собственно, и был причиной всего, не должен прожить под гнетом постоянного, все усиливающегося сознания своей вины. Вот они, минус-хронисты...

Но все это напрасно. Мальчишку следует забрать в современность. Чтобы его больше не было в экспедиции. Чтобы он не смог совершить еще чего-нибудь подобного. А что касается вины — нет, так легко он ее не загладит. И не так быстро. Невнимание к судьбе своих товарищей — худшая форма эгоизма — не должно процветать легко.

Колин яростно выбрасывал лишнее из багажника. Он открыл секцию, в которой при нормальной жизни полагалось быть рестам. Что такое? Она же была пуста! А теперь — кости, слепки, банки с препаратами... Ага, Юрина коллекция. Ага!

К черту ее! Пусть наука и не чужда парню. Но это не оправдывает...

Вновь заговорил Ван Сайези. Колин выглянул: Ван сидел, положив ладонь на затылок мальчишки, уткнувшего лицо в подтянутые колени.

— Не знаю, ничего другого у меня не придумывается. Жаль, в субвремени не существует связи, и мы не можем ни предупредить, ни просить о помощи...

— Лишь бы рест не сгорел, — пробормотала Нина. — А во-

обще-то, конечно, минус-время есть минус-время. Оно не терпит вольностей. Ты не забывай об этом, Юра.

— Ничего, — сказал Ван. — Все кончится благополучно. Нас спасет кровожадный Мерс.

— Каким образом? — спросила Лина.

— Он как-то раз обещал выбраться в плюс-время специально, чтобы исполнить злобный танец на моей могиле. Я тогда вдребезги дезинтегрировал его теорию о заселении позднего плейстоцена. А ведь вы знаете Мерса. Он всегда пунктуально исполняет все, что обещал. Это-то и заставляет меня надеяться: если мы дехронизируемся, никаких могил, понятно, не будет. На чем же тогда станет плясать Мерс?

Ван Сайези засмеялся, и другие тоже — не очень, впрочем, весело. Гарантия действительно была не из самых надежных. Хотя, если нет других, то и это уже кое-что...

— Время истекает, — сказала Зоя. — Что же, значит ничего?

Тогда Юра поднял голову. Глаза его были красны. Он шмыгнул носом.

— Если Сизов должен был останавливаться в верхних группах, — сказал он, — он мог оставить ресты там. Сизов же берет там для зарядки их контейнеры и обязательно залезет в багажник...

А может быть, действительно?.. Но тогда наша задача намного облегчается. Надо только добраться до эоцена.

Колин вылез из багажного отделения, неторопливо, словно бы ничего и не произошло, подошел к сидящим. Да, это все-таки была гарантия куда более ощутимая, чем пунктуальность Мерса. Впрочем, Ван ее несколько преувеличил.

— Решили?

— Что же, другого выхода нет, — проговорил Ван.

— Итак, время.

— Подожди минутку. Надо как-то помочь парню. Так ожидать эти двое суток ему будет не под силу. Он может просто умереть раньше из-за угрызений совести.

Все согласно кивнули. Да, угрызения совести — это было серьезно. Пожалуй, самая страшная болезнь современности, хотя и не очень распространенная ввиду отсутствия причин заболевания.

— Его я беру с собой, — сказал Колин. — Действительно, парень это не намеренно...

Юра поднял на него глаза, и Колин даже испугался — такая в них была благодарность.

— Мало ли что — поможет мне в дороге... — Ни к чему говорить, что он просто обезвреживает мальчишку.

— Ну вот и хорошо, — сказал Ван. — Он сможет в эти дни жить нормальной жизнью, только если будет активно, ощути-мо участвовать в спасении товарищей. А тебе второй человек действительно будет очень кстати...

— Конечно, — поддержала Нина. — Двое суток физического времени не шутка. Со всеми твоими тонизирующими ты можешь и не выдержать. А вдвоем — куда легче. Сможешь отдохнуть, когда он сидит за пультом.

— Знаем, как он сидит за пультом, — не удержавшись, про-бормотал Колин. — Слишком много рестов надо иметь для та-кого удовольствия...

Колин взглянул на часы.

— Время! — сказал он. Кивнул Юре: — Пошли.

Парень вскочил и не удержался — изобразил торжествую-щий рык своего любимого Рексика. Колин поморщился.

— Ну, так вы здесь... осторожнее с энергией, — сказал он на прощанье. — На всякий случай, проверьте маяк. Вдруг в шахте окажется еще чья-нибудь экспедиция... Только если вас заберут — оставьте здесь вымпел суток на трое, на это хватит одной батарейки. В знак того, что с вами все в по-рядке... — Он умолк и подумал, что сказал, кажется, все. Или нет? — Да, лишнее перед уходом дехронизируйте. Не-чего тратить энергию, всякую рухлядь тащить в современ-ность...

Теперь, кажется, все. И однако оставалось ощущение, что еще не все сказано, разговор не закончен. Все молчали, как будто ждали чего-то. Тогда Колин тихо сказал:

— Ну, прощайте, друзья мои. В случае чего...

Губы всех шевельнулись одновременно. Нина неожиданно схватила Юру за плечи, обняла, поцеловала, отвернулась...

Колин хлопнул за собой дверцу. По узкому проходу до-брался до своего кресла в передней части машины. Уселся. Юра сидел сзади; когда Колин проходил мимо, покосился на начальника.

— Ладно, — сказал Колин. — Садись тут, рядом. Если выскочим, я тогда с тобой по-настоящему поговорю. А до тех пор все разговоры на эту тему отменяются...

Вот так и следовало сказать. Значит, можно держать себя в руках? Можно еще водить экспедиции...

— Следи за барохронами, — распорядился Колин, чтобы сразу дать парню определенное дело. — Если давление скакнет за красную — скажи сразу. Субвремя не любит шуток. Не забудь: мы везем с собой все важнейшие данные экспедиции. Может произойти что угодно — они пропасть не должны. Так что дехронизироваться нам еще рано...

Сквозь прозрачный купол он улыбнулся тем, кто стоял чуть поодаль от машины. Они смотрели на Колина странно: как-то очень хорошо смотрели. И не потому, что его задача была труднее или опаснее, — наоборот, вероятность погибнуть для них была даже больше. Так в чем же дело? Расчувствовались? Непохоже...

И вдруг он понял: все дело в том, что он берет с собой парня. Берет, чтобы изолировать, а они поняли, что он его спасает, надеясь сберечь...

«Вот еще, — подумал Колин. — Стал бы я... Хотя...»

Он включил ретаймер.

3

Он включил ретаймер. Постепенного перехода не было. Просто какой-то очередной квант времени, реализуясь, продолжил мир уже без них. Для оставшихся хронокара вдруг не стало, для Колина и Юры перестало существовать все остальное.

Время исчезло. Часы шли, но они ничего не отсчитывали... Колин усмехнулся. Да, времени нет — исторического. Никто не может сказать, в каком году мы находимся, какой час показывают стрелки, день сейчас или ночь, лето или зима... Но физическое время идет, нам его не обмануть, и пройдет еще немало часов, пока мы вынырнем в эоцене. Там нас почти наверняка ждут ресты. Драгоценные, оставленные Сизовым. Вот он ругался, когда обнаружил их... Он иногда бывает неводержан на язык, Сизов. Но это ничего.

А пока будем внимательнее следить за тем единственным рестом, который работает. Который только что и унес нас из исторического времени...

Колин медленно, по раз навсегда установленному порядку, осматривал приборы, читал их показания. Иногда, когда стрел-

ки устремлялись враздрай, он слегка поворачивал лимбы на пульте, и стрелки возвращались в нормальное положение, колеблясь в унисон. Этим внешне и ограничивалось искусство управления хронокаром, сущность же его заключалась в том, чтобы чувствовать все и предпринимать нужные действия хотя бы на полсекунды раньше, чем просигналят приборы.

Сидеть, следить за приборами и изредка поворачивать лимбы — а больше, собственно, делать было нечего. Бояться препятствий вроде бы не приходилось, потому что в пространстве машина не перемещалась — только во времени, а вернее — в субвремени, в котором вообще ничего не существовало, и наткнуться было абсолютно не на что. Единственное, что здесь было реальным — это плотность времени. Не осязаемая ни одним органом чувств величина...

Ах, черт, насколько спокойнее и безопаснее ехать по краю пропасти. Правда, плотность времени, по счастью, сейчас уменьшается по мере поднятия к современности. Но уменьшается не равномерно, а с колебаниями. Потому что плотность, как известно, скачкообразно возрастает там, где время богаче событиями. С другой же стороны, событиям происходить тем легче, чем давление времени и его плотность меньше, и это, в частности, одна из причин все более стремительного прогресса. Плотность времени с годами уменьшается, потому что время существует в пространстве, как и пространство во времени, и время расширяется в пространстве, как и само пространство расширяется во времени, неуклонно расширяется — прямо на наших глазах. Это мы уже знаем о времени; этого нельзя не знать в эпоху хроногадий, хотя физическая сущность явлений ясна нам еще далеко не всегда...

Колин покосился на барохрон, потом на Юру, не отводившего взгляда от прибора. Нет, указатель не на красной черте. Можно еще жить. И даже, кажется, немного усилить темп. А?

Ну нет, вот этого делать не следует. Усилим темп — давление повысится из-за сопротивления субвремени — этой странной среды. Затем неожиданный скачок плотности — и все. Нет уж...

Колин продолжал сидеть неподвижно, работали, казалось, только глаза. До олигоцены осталось не так уж долго. Сейчас можно и отдохнуть, потому что чем ближе к современности, тем ниже темп и тем больше внимания будет требовать машина. А пока за приборами может последить и Юра. Только сле-

дить, самому же ни к чему не прикасаться из боязни немедленной, беспощадной и ужасной расправы.

Колин так и сказал. Юра вздохнул.

Сон пришел неожиданно быстро. Проснулся Колин сам и как раз в тот момент, когда следовало: Юра уже заносил руку, чтобы подергать его за плечо. Курсовой хронатор только что получил сигнал маяка группы эодена. Этот этап прорыва кончался. «Мои ресты, — весело подумал Колин. — Подать их сюда...»

Розовый туман исчез так же мгновенно, как и наступил, — никому еще не удавалось уловить тот момент, в котором происходило это преобразование, и хронокар вновь возникал в историческом времени. Колин выключил ретаймер и сладко потянулся.

Затем он влез в отделение ретаймера и потрогал ладонью рест. Горяч, но еще не настолько, чтобы следовало бояться всерьез. Все-таки у них колоссальный запас прочности. Затем Колин открыл дверцу и выбрался на землю третичного периода.

Было раннее утро. Овальное солнце, потягиваясь, разминало лучи. Петька спал в палатке.

Юра торопливо разбудил его.

— Фенакодики — о? — спросил Юра сочувственно.

— Фенакодики — о! — сказал Петька и зевнул. — Они страшно интеллектуальны. И здорово прогрессировали за последние двадцать тысяч лет. Я следил, можно сказать, изо дня в день. Новости привезли?

— Привезли, — кивнул Юра. — Где у тебя ресты?

— Какие?

— Проснись, — сердито сказал Юра. — У нас времени нет. Те самые ресты. Мои. Которые тебе оставил Сизов.

— А он не оставлял, — сладко простонал Петька и закрыл глаза. — Он торопился. Я погрузил контейнеры, и он отбыл. Будет через два дня с лишним. А зачем вам ресты?

Колин посмотрел на Юру взглядом, хлестким как плеть. Мальчишка стоял с опущенной головой. Колин хотел кое-что сказать, но промолчал и только сплюнул.

— Ладно, — сказал он затем, приведя мысли в порядок. — Проверьте все батареи — как здесь с запасом энергии.

Он присел возле Петькиной палатки, пока оба парня, кряхтя, лазили вокруг оставшегося контейнера. Хорошее настроение

исчезло, словно его никогда и не было. Вообще, конечно, глупо — поверить так нелепо, на скорую руку сконструированной фантазии относительно того, что Сизов найдет пакет и оставит его Петьке. Наивно, конечно. С другой стороны, пробиваться к Сизову надо было так или иначе. Так что горевать пока нечего. Вот если не удастся пробиться...

— Ну, готовы там? — спросил он.

— Готовы, — чуть испуганно, как показалось Колину, проговорил Петька. Он подошел и остановился в нескольких шагах. — Слушай, парень мне все объяснил. В общем невесело, а?

— Да, — сказал Колин.

— Но, может быть, вы его еще поймаете...

— Ветра в поле.

— Да нет... Сизов будет брать два контейнера в миоценовой группе. Так вот, там он наверняка наткнется на ресты.

— Понятно, — сказал Колин. Он оживился: ну, еще один этап они, может быть, проскочат без приключений. А там, если Сизов и в самом деле полезет в багажник... — Ты, правда, так думаешь? — строго спросил он. — Или утешаешь?

— Ей-богу, — ответил Петька.

— Тогда мы поехали. Позавтракаем в дороге.

— Давайте. Поезжайте поскорее. Буду ждать вас.

— А ты не спи, — сказал в ответ Колин. — Работай. Из глубокого минуса данные есть, остановка за вами. Срок экспедиции истекает. Ну, удачной работы!

— Счастливо! — откликнулся Петька.

Снова настала розовая тьма. Теперь Колин больше не думал о сне — за рестом надо было следить, ни на миг не спуская глаз с барохронов. Указатели давления времени, которые раньше казались неподвижными, теперь плясали, отмечая флуктуации плотности. От этих явлений можно было ожидать всяческих неприятностей...

Хронометр неторопливо отсчитывал физические секунды, минуты, часы. Колин сидел, и ему казалось, что с каждым движением стрелки он все больше тяжелеет, каменеет, превращается в инертное тело, которое даже посторонняя сила не сразу сможет сдвинуть с места, даже в случае самой крайней надобности. Сказывалось расхождение между напряжением нервов (его можно было сравнить с состоянием средневекового узника, голова которого лежит на плахе, и топор занесен, но

все не опускается, хотя и может опуститься в любую минуту) и вынужденной неподвижностью мускулов всего тела, для которого сейчас не было никакой работы — никакого способа снизить нервный потенциал. Колин подумал, что руки у него, по сути дела, так же связаны, как и у только что придуманного им узника. Да, невеселое положение...

Юре тоже несладко. Пожалуй, здесь он в полной мере почувствует, что такое последствия его глупостей. Тоже никакой разрядки.

— Сходи посмотри, как там рест — не очень нагрелся? — сказал Колин, хотя термометр находился у него перед глазами. Ничего, пусть парень сделает хоть несколько шагов, все-таки разомнется. — Посмотри, равномерно ли греется...

Юра радостно вскочил. Вернулся он быстро, губы его были плотно сжаты.

— Так я и думал, — сказал Колин. — У него одна сторона была сильнее подношена.

— Надо охлаждать, — сказал Юра.

— Такой системы не предусмотрено.

— Вручную. Возьму баллончик с кислородом, буду обдувать по мере надобности...

— Не лишено целесообразности, — пробормотал Колин. — Только там же не только сесть — стоять негде. В три погибли... Долго там не простишь.

— Простою, — сказал Юра.

— Иди.

Смотри — пригодился и в самом деле. А мысль неплоха. Свидетельствует о том, что начатки умения мыслить у него есть.

Снова потекло время. «В три погибли в этой жаре, — подумал Колин. — Там каждая минута покажется часом... Если так, то, может быть, все-таки чуть ускорить темп? Сэкономить эту минуту?»

Он покачал головой: хорошо бы, конечно, но нарушать ритм, в котором сейчас работает рест, нельзя. Именно это нарушение ритма может оказаться катастрофическим. Нет, изменять темп нельзя. До следующей группы придется дойти в том же ритме. «Терпи, парень!» — подумал Колин, словно именно парень уговаривал его увеличить темп.

Они дошли в том же ритме. Когда время вдруг окружило их, историческое время со всеми своими камнями, жизнями и

проблемами, Колин еще несколько секунд не поднимал глаз от приборов. Дошли... Все-таки дошли... Он покосился на парня, который, согнувшись, пробирался к своему креслу. Да, пришлось несладко, очень несладко... Колин следил, как медленно возвращаются к своим нулевым позициям указатели приборов, ведавшие всей работой только что выключенного ретаймера. А если бы тогда усилить темп — сидели бы они сейчас здесь и возвращались бы стрелки так же медленно на свои места?

Юра, посидев несколько секунд, поднялся и вылез из машины. Поднялся и вылез. А тогда, может, и некому было бы уже вылезать и не из чего... Не было бы ни хронокара, ни стрелок и никакой надежды для тех, кто еще живет, поглядывая на индикаторы своих энергетических экранов.

Колин вздохнул. Юра не вскочил обратно в машину, чтобы обрадовать. Значит, рестов не было и здесь.

Он неуклюже вылез из хронокара, чувствуя, как затекло все тело. Столько времени без движения. Юра и Тер-Акопян подошли, лица их были серьезны.

— Он не оставил, — сказал Юра едва слышно.

— Это очень скверно, знаешь ли, что не изобретена связь, — сказал Тер. — Очень неудобно, знаешь ли. Вы бы мне сообщили, я забрал бы у него ресты, и вам не пришлось бы ни о чем беспокоиться.

— Ничего себе беспокоиться, — сказал Колин. — Речь идет о жизни людей...

Тер кивнул.

— Я знаю. Но что тут поделаешь? Если бы мои вздохи могли помочь, то и в современности было бы слышно, как я вздыхаю. А так я думаю, не стоит. Я вот что сделаю: заберу свои батареи, сколько смогу, и отвезу туда, вниз.

— У тебя же хроноланг для средних уровней.

— Как будто я не понимаю, — сказал Тер. — Подумаешь, мезозой тоже средний уровень.

— Только в случае, если мы Сизова нигде не догоним, — сказал Колин. — Ты сам увидишь, расчет времени тебе ясен.

Да, может статься, что нигде не догоним. Очень вероятно. Хотя это уже размышления по части некрологов. Но раз такое предчувствие, что добром эта история не кончится... На этот раз гнилой рест не выдержит. Обидно — ведь больше двух третей пути пройдено.

Зато последняя стоит обеих первых...

— Ладно, — сказал Колин и хлопнул Юру по спине. — Поехали, что ли? Надо полагать, прорвемся. Все будет в порядке...

Юра кивнул, но на губах его уже не было улыбки, которая обязательно появилась бы, если бы это был прежний Юра... Конечно, парень и сам понимал серьезность положения, и просто утешать было нельзя — неубедительно. Нужно что-то другое. «А другого нет, — подумал Колин. — Все сказано, все понятно».

— По местам...

Он включил ретаймер осторожно, опасаясь, как бы с рестом не случилось чего-нибудь уже в самый момент старта. Медленно нарастил темп до обычного, а затем постарался забыть, что на свете вообще существует регулятор темпа. Больше никакой смены ритмов не будет до самого конца. Каким бы этот конец ни был.

Глаза привычно обегали приборные шкалы. Стрелка часов ползла медленно, медленно... Указатели барохронов порывисто качались из стороны в сторону. Но рест держался. И Юра тоже держался там, в ретаймерном отделении. Хоть бы оба выдержали...

Рест начал сдавать первым. Это произошло примерно еще через три часа. Раздался легкий треск и сразу же повторился. Колин лихорадочно завертел лимбы. Юра из ретаймерного прокричал:

— Сгорели две ячейки!..

В его голосе слышался страх. Колин по-прежнему скользил взглядом по приборам, одновременно прислушиваясь к обычно едва слышному гудению ретаймера. Сейчас гудение сделалось громче, хотя только тренированное ухо могло различить разницу. Две ячейки не так много. Но обольщаться мыслью о благополучии было уже трудно. Конечно, осталось еще сто восемнадцать. Но недаром говорится: трудно лишь начало. Оставшиеся ячейки перегружаются сильнее, им приходится принимать на себя нагрузку выбывших. А это значит...

Раздался еще щелчок, стрелки приборов качнулись в разные стороны. Третья ячейка. Зажужжал компенсатор, по-новому распределяя нагрузку между оставшимися. Колин услышал за спиной дыхание, потом Юра опустился в соседнее кресло. Значит, не выдержал в одиночестве...

— Кислород весь, — сказал Юра. — Охлаждать больше нечем...

Они обменялись взглядами, ни один не произнес больше ни слова. Говорить было не о чем: не каяться же в грехах перед смертью...

Еще щелчок. Четвертая.

Колин взглянул на часы. Еще много времени... Исторического, в котором надо подняться, и физического, которое следует продержаться. Они не продержатся. Каждый щелчок может оказаться громким — и последним, потому что оставшиеся ячейки способны сдать все разом. Нет, все-таки нельзя перегружать их до такой степени.

Он протянул руку к регулятору темпа, который был им недавно забыт, казалось, навсегда. Чуть убавил. Гудение стало тише. Но это, конечно, не панацея. Сбавлять темп до бесконечности нельзя: тогда если они и дойдут, то слишком поздно. И вообще это палка о двух концах: ниже темп — больше времени в пути, дольше будет под нагрузкой рест. Нет, теперь убавлять он не станет.

Щелчок, щелчок, щелчок. Три щелчка. Да, и это не помогает. Очевидно, ячейки уже перерождаются. Что ж, ясно по крайней мере, где граница их выносливости. И то неплохо. Но до современности им не добраться...

Он покосился на Юру. Парень сидел в кресле, уронив руки, закинув голову, глаза были закрыты, он тяжело дышал. Ну вот, еще этого не хватало...

— Что с тобой?

Юра после паузы ответил:

— Нехорошо...

Голос был еле слышен. Ну, понятно — столько времени проторчать там, у ретаймера, да еще такое нервное напряжение... Парень молодой, неопытный... Только что с ним теперь делать?

— Дать что-нибудь?

«Что же ему дать? Я даже не знаю, что с ним...»

— Нет... Колин, я не выдержу...

— Ерунда.

— Не выдержу... Хотя несколько минут полежать на траве...

Трава. Где ее взять?..

— Дотерпи... Не дотерпишь?

— Нет... Дышать нечем...

И в самом деле. Воздух не очень, да и жара... Скоро плейстоцен, последняя разрешенная станция. Там сейчас никого нет, но все, как всегда, готово к приему хроногаторов. Кстати, охладить рест, осмотреть его да и всю машину. Больше остановок не будет до самой современности: скоро уже начнется обитаемое время, в котором останавливаться запрещено, да и подготовленных площадок там, естественно, нет...

Колин невольно вздрогнул, хотя и обещал себе удерживаться от подобного проявления эмоций; раздался еще два щелчка. Юра раскрыл рот, чтобы что-то сказать, но Колин опередил его.

— Вот он, — сказал Колин. — Маяк стоянки...

Сигнальное устройство заливалось яростным звоном.

— Включаю автоматику выхода...

Цифры счетчиков исторического времени перестали торопиться. Розовая мгла сгущалась. Так бывает всегда перед выходом из субвремени. Хронаторы мерно пощелкивали, голубой свет приборов играл на блестящей рукоятке регулятора темпа. Небольшая, но все же отсрочка. Пусть отлежится парень и остынет рест...

Хронокар выпрыгнул из субвремени. Вечерело. Стояла палатка, немного не такая, как в их экспедиции, но тоже хорошая, современная палатка. Это и была стоянка хронокаров в плейстоцене, последняя перед современностью, перед стартовым залом института, о котором Колин подумал сейчас, как о чем-то далеком и недостижимом.

Он помог Юре выбраться из машины и улечься на траву около палатки.

— Полежи, — сказал он, — отдышись. А я пока займусь рестом.

— Будь машина полегче... — пробормотал Юра.

— Ну, мало ли что... В общем лежи.

Колин полез в ретаймерное отделение и, стараясь уместиться там, снова подумал, что в такой обстановке кому угодно сделалось бы не по себе. Минут пять, а может быть, и все десять, он просидел, ничего не делая, просто созерцая рест — вернее, то, что еще оставалось от него. В конце концов все зависело от точки зрения. Если исходить из общепринятых положений, то на таком ресте хронировать нельзя. Но, принимая во внимание конкретную ситуацию... все-таки

осталось еще куда больше ячеек, чем сгорело. Что же, посмотрим.

Он долго пристраивал дефектоскопическое устройство, захваченное в багажнике. Затем, не отрывая глаз от экрана, начал медленно передвигать прибор от одной ячейки к другой. В однородной массе уцелевших ячеек виднелись светлые прожилки. Монолитность нарушена, но, может быть, это еще не перерождение?

Колин пустил в ход мим-тестер. Это была долгая история — подключиться к каждой ячейке и дать стандартное напряжение для проверки. Наконец он справился и с этим. Каждая в отдельности ячейки выдержали. Но ведь при работе теперь им приходится выдерживать напряжение выше стандартного, а разность давлений времени здесь уже невелика...

А может быть, напряжение будет и не столь уж высоким? Ведь здесь вы могли встретиться просто с очередным колебанием плотности времени. Предположим, этот период был очень богат событиями. Подробной хронокарты еще нет, приходится путешествовать вслепую. Но если так, то на следующем участке плотность времени может даже понизиться, и они наперекор логике и вероятности все-таки проскочат?.. Да, надежда есть, и надо двигаться.

— Юра! — позвал Колин, вылезая. — Юра! — крикнул он громче. — Ты где? — И ощущая знакомое чувство гнева: — Что за безобразия!..

Он обошел хронокар. Низкая жесткая трава окружала машину. На такой следы не держатся. Колин позвал еще несколько раз — ответа не было, зов отражался от недалекого дубового леса и возвращался к нему ослабленным и искаженным.

Колин заглянул в кабину. Может быть, уснул в кресле? Времени оставалось все меньше, искать было некогда. Но и кабина была пуста. Листок бумаги белел на кресле водителя, дневной свет, проникая сквозь ситалловый купол кабины, затемнялся пробегавшими облачками, и в такие минуты в кабине наставляли сумерки и вспыхивали плафоны. Вспыхнули они и сейчас, и Колина показало, что бумага шевелится. Он торопливо схватил листок.

Размашистые буквы убегали вверх. «Прости меня, я не много схитрил. Чувствую себя хорошо, но машина перегруже-

на. Помочь тебе ничем не смогу, только помешать. Я буду ждать здесь, взял одну батарею. Торопись. Удачи!»

Подписи не было, да и зачем она? Одна батарея — это не сутки. «А если все-таки задержка? Если что-нибудь? Чертов мальчишка! Я увез его оттуда, но не для того же, чтобы бросить в пути...»

Колин кричал еще минут десять, пока не охрип. Он приказывал и умолял. Мальчишка выдержал характер — не показавшись, хотя Колин чувствовал, что он где-то поблизости, да он и не мог уйти далеко. Однако искать его бессмысленно, это ясно. Колин выкинул на траву еще одну батарею. Последнюю, резервную. Конечно, это не гарантия спасения. Но кому из нас спасение гарантировано? Никому. Но результаты экспедиции — ее отчет, хотя бы в том виде, в каком он существовал сейчас, — должны быть спасены во что бы то ни стало.

4

Рест сгорел, когда плотность времени была уже очень близка к современной. Колин едва успел включить автоматику выхода и вынырнуть из субвремени неизвестно где.

Выход прошел плохо. Что-то лязгало и скрежетало. Хронокар сильно трянуло раз, другой. Потом все стихло. Сквозь купол в кабину хронокара вошла темнота. Очевидно, была ночь. Пахло паленым пластиком. Итак, он все-таки сгорел. Сказалось перерождение ячеек. Немного не дотянул. Жаль. Интересно, что это за эпоха? По счетчикам уже не понять — дистанция до современности слишком невелика. Ясно, что тут обитаемое время. Населенное людьми.

Велики ли повреждения? Самый опасный момент в хронологии — выход. В субвремени ничто не страшно: в пространстве, которое ты занимаешь, может находиться что угодно, но поскольку тебя в этом времени нет, взаимодействия с телами не происходит. Другое дело при выходе из субвремени: машина как бы внезапно возникает в пространстве, и, если в нем что-то находится в тот миг времени, который станет и твоим мигом, взаимодействие может быть довольно неприятным.

Ну, оно уже произошло, это взаимодействие. Сейчас надо думать в основном о том, что еще предстоит.

В каком состоянии машина? Окончательно ли безнадежен рест? Все это можно установить сейчас, но нужен большой

свет. За куполом ночь. Зажигать прожектор опасно. И так нарушено основное правило — сделана остановка в обитаемой эпохе. В момент, когда рест залился дробной очередью щелчков — ячейки полетели подряд, — Колин даже не успел подумать, что нарушает правила. Он просто включил автоматику, это произошло без участия рассудка. Тем более следовало думать теперь. Привлечь внимание людей? Что здесь — лес или город? Все равно люди могут быть рядом. Они увидят. Что произойдет?

Царит тишина. Это значит, что тут сейчас нет войны. Правильно? Очевидно, да. С первого взгляда — странно: в прошлом всегда происходили войны. Ну да, не все они были мировыми. Значит, находились такие места, где войн в данный момент не было.

Да, сильный костер будет здесь, и не все ли равно — сожгут ли тебя, как дьявола, или разнесут, расчленят на составляющие, как шпиона. Мрачноватые времена. И за что только люди уважают предков? Пожалуй, только за то, что предтечи даже и в таких условиях ухитрялись идти вперед. И дали начало нам. Но в те времена таких было меньшинство.

Конечно, очень хорошо было бы, если бы они никак не могли воздействовать на нас в период таких вот вынужденных остановок хроногации. Но предки могут: они-то находятся в своем времени, и все происходящее здесь доступно их воздействию, хотя наверняка не их пониманию.

Однако пора переключать мысли на рабочий режим. Это тяжело. Мысли разогнались, и, чтобы изменить направление их движения, надо приложить немалую силу. Приложим.

Колин приложил. Он медленно, методично прочел показания всех приборов в том порядке, в котором и полагалось. Такие действия, нейтральные по своему характеру, играют роль тормоза для разогнавшихся мыслей. Когда осмотр завершился, Колин почувствовал себя готовым к конкретному, деловому мышлению, к решению вопросов.

Итак, вопрос первый: где мы? В каком времени? За десять, сто или тысячу лет от современности? Для начала нужен хотя бы порядок величины.

Как это установить? Инструкций, наставлений и правил на этот счет нет. Есть одно правило: в обитаемом минусе не останавливаться. И есть еще одно правило: буде такая остановка произойдет...

Но об этом позже. Итак, методика ориентации в обитаемом времени не разработана. Сделаем это. Тем более что выбирать особо не из чего.

Можно поступить вот как: выйти из хронокара. Найти строения. Или другие следы деятельности человека. Машины, возделанные поля и прочее. И по ним установить эпоху. Например, самодвижущийся экипаж — это уже второе тысячелетие того, что в прошлом называлось нашей эрой. И даже точнее: вторая половина этого тысячелетия. Кажется, даже последняя четверть. Сооружения из бетона — тоже последняя четверть. Но сооружения из бетона воздвигались еще и в начале третьего тысячелетия. Жаль, что я не историк. Жаль. Но кто же в нормальной обстановке думает о том, что может наступить момент, когда жизнь людей будет зависеть от того, насколько хорошо (или плохо) ты будешь знать историю?

Можно встретить человека и пытаться определить эпоху по его одежде. Однако тут запутаться еще легче. Грань между короткими и длинными штанами или между штанами и отсутствием оных примерно (в масштабе столетий) провести еще можно. Но ориентироваться в десятилетиях на основании широких или узких штанов кажется уже совершенно невозможным. Тем более что они менялись не один раз. А ведь сейчас важны именно десятилетия. Сейчас ночь. Ждать рассвета нельзя, потому что существует второе правило, гласящее: буде остановка в обитаемом минусе все же произойдет...

Колин вторично отогнал мысль об этом правиле. Успеется об этом. Пока ясно лишь, что способ ориентации по конкретным образчикам материальной культуры в данном случае не годится.

Последние столетия характеризуются развитой связью. Правда, принципы ее менялись. Но это и само по себе может служить для ориентации. Если же удастся включиться в эту связь, то можно будет, если повезет, установить время с точностью даже и до года. Если же связи не будет, это тоже послужит признаком...

Просто, как все гениальное. Колин протянул руку к вмонтированному в пульт мим-приемнику. Сейчас он включит. И вдруг из динамика донесется голос. Нормальный человеческий голос!

Колин включил приемник осторожным движением. Можно было подумать, что он боится резким включением повредить контуры, хотя на самом деле повредить их можно было бы разве что камнем. И все же Колин постарался включить аппарат как можно мягче. Он просто волновался.

Шкала засветилась. Колин включил автонастройку. Бегунок медленно поехал по шкале. Он беспрепятственно добрался до ограничителя, переключился и поехал обратно. Опять до самого конца, и ни звука, только едва слышный собственный шум, фоновый шорох приемника. Плохо. Колин ждал. Приемник переключился на соседний диапазон. Проскользил до конца. Щелчок — переключение диапазона. Бегунок поплыл. Ничего...

И вдруг он остановился. Замер. Приемник заворчал. Бегунок закачался туда-сюда, туда-сюда, с каждым разом уменьшая амплитуду колебания. Наконец он почти совсем замер. Приемник гудел. Передача? Передача в мим-поле?

Колин закрыл лицо ладонями. Постарался не думать ни о чем, только слушать. Высокое гудение. Никакой модуляции. Равномерное, непрерывное. Это не передача. Запомним это место...

Он вновь тронул кнопку автонастройки. Приемник в том же неторопливом ритме прощелкал остальными диапазонами. Ничего. Тогда Колин вернулся к гудящей частоте. Под гудение было приятней думать.

Итак, ориентиры уже есть. Человечество еще не знает мим-поля. Мим-связь изобретена семьдесят пять лет назад — считая, разумеется, от современности. Значит, преодолеть надо как минимум еще семьдесят пять лет.

С другой стороны, построена уже как минимум одна установка, деятельность которой сопровождается генерированием мим-поля. Хотя люди об этом еще не знают. Как некогда не знали, что удар молнии сопровождается возникновением мощного электромагнитного поля. Какая же это может быть установка? Во всяком случае, это свидетельствует о достаточно высоком развитии техники. Не ниже последней четверти второго тысячелетия.

Вот если бы удалось установить, существует ли в данной эпохе связь при помощи электромагнитного поля, то можно было бы окончательно определить свое место не ниже последнего века второго тысячелетия. Но для этого нужно иметь ра-

диоприемник. А кто же таскает с собой радиоприемник? Это величайшая ценность, они есть даже не во всех музеях. Потому что люди вспомнили о музеях по своему обыкновению тогда, когда уже забыли о самих радиоприемниках. Пришлось копаться на всепланетных свалках... Да и будь радиоприемник — кто бы потащил его в минус-время? Последний кретин и то не потащил бы.

Конечно, в принципе можно сделать такую приставку к мим-приемнику, которая позволила бы хоть как-то принимать радиоволны. В принципе можно. Нужны только соответствующие детали, инструменты и время. Детали можно найти. Без инструментов уже хуже. А время?

Времени совсем мало. Потому, что существует второе правило, гласящее: буде остановка в обитаемом минусе все же произойдет...

Ну ладно. Пока есть дела и кроме приставки. В конце концов какие-то ориентиры все-таки найдены: хронокар вынырнул из субвремени не ниже, чем... ну, скажем, чем за триста, и не выше, чем за семьдесят пять лет до современности. Особой разницы между этими числами нет. Во всяком случае, в одном отношении — в отношении восстановления хронокара и продолжения пути в современность. Потому что ни триста, ни даже семьдесят пять лет назад человечество еще ничего не знало о возможности хроногации. Правда, семьдесят пять лет назад уже подбирались к принципиальным положениям. Но от этого до конкретных деталей, до готового реста еще очень далеко.

И вывод: рассчитывать можно лишь на самого себя. Если только ты не хочешь вспомнить до конца второе правило, если только ты еще думаешь о спасении товарищей — а ты не можешь не думать, — постарайся помочь самому себе.

Для этого еще раз изменим направление мыслей. Забудем об ориентации. Сейчас настало время взвесить и продумать все шансы. «За» и «против». В первую очередь — «за».

Итак, сначала — собственные возможности. Колин продумал их тщательно: во-первых, потому, что думать вообще следует без спешки и тщательно; во-вторых, потому, что их было мало. Даже теоретически таких возможностей было слишком мало.

Исправить ретаймер? Без нового реста невозможно.

Выбросить маяк? Можно, если бы был маяк. Но все они работают в экспедиции, там они куда нужнее.

Вот и все собственные ресурсы. Связи, как известно, в хроногации нет. Не найден способ. Может быть, со временем найдут, после нас. Хроноланг — вот он лежит. Но использовать его нельзя. Это компактный аппарат для хронирования одного человека. Но ради этой самой компактности пришлось, увы, пожертвовать универсальностью. Хроноланг действует при плотности времени не ниже пятнадцати тэ-аш. Иными словами, за зоной последней станции он уже не годится. Для того и устроена станция, чтобы на ней хронолангисты могли дожидаться машин.

А какие есть возможности не собственные? Такие, где спасение зависит не от тебя, а от других? Попросту говоря, на какую помощь и на чью ты можешь рассчитывать?

Да ни на чью и ни на какую. Из твоих современников никто не знает, где ты, и не станет искать тебя здесь. А от людей, живущих в этом времени, помощи тебе не дожидаться, как ты сам цонял раньше.

Вот и все. На чудеса рассчитывать не приходится. Тут можно разве что процитировать одного из самых уважаемых предков: «Гипотез не измышляю». Во всяком случае, везде, где речь идет о чудесах. Итак...

Итак, второе правило гласит: если остановка, вот эта самая, все же произойдет, то... Как это там было? «Минус-хронист обязан принять все меры, включая самые крайние, для того, чтобы его появление осталось не замеченным или не разгаданным обитателями этого времени».

Вот так. Коротко и ясно.

Колин откинулся в кресле и начал тихонько насвистывать. Не реквием, конечно; но веселой эту мелодию тоже никто не назвал бы.

Крайние меры — это значит исчезнуть. Дехронизироваться вместе с машиной и со всем, что в ней находится. Погибнуть. Так надо понимать второе правило. Между прочим, это очень легко. Отвести предохранитель, закрыть глаза и выключить экраны. Все.

Впрочем, глаза можно и не закрывать. Это не обязательно.

Он усмехнулся, но усмешку эту даже очень наивный человек не принял бы за добрую. Нет. Потому что в нем зародился и с каждой секундой становился все сильнее протест против того, что должно произойти.

Дехронизироваться. Погибнуть. А ради чего?

«Мы не знаем истории, — сердито подумал он. — Не знаем подробностей. Но главное-то мы помним! Мы помним, как умирали люди. И тогда, когда шли на смерть сами, и тогда, когда шли не сами.

Когда люди шли сами, они шли ради чего-то. Допустим, мне сейчас сказали бы: «Колин, умри, и все люди в глубоком минусе будут спасены». Я бы умер. Не то чтобы с облегчением, конечно, но умер.

А что мне говорят в действительности? Умри, Колин, чтобы не потревожить покой людей, живших черт знает сколько десятилетий или столетий назад. Чтобы не заставить их чуть сильнее зашевелить мозгами. Каково?

Ну хорошо, не живших. Живущих. Как-никак я в их времени, а не они в моем. Живущих, ладно. Ну и что?

Чего мы боимся? Что, появившись в их времени, как-то нарушим ход истории? Нарушим цепь причин — следствий? Ну и что? Так или иначе, мое появление здесь не более чем случайность. А случайностям не под силу поколебать ход истории. Такого маленького толчка, как мое появление в каком-нибудь предпоследнем или последнем столетии второго тысячелетия, история даже и не почувствует. А если даже чуть выйдет из берегов, то очень быстро войдет в свое русло.

Вот так. Чего же ради мне умирать так бесполезно? От меня зависит спасение людей, спасение результатов экспедиции».

Колин вопросительно взглянул на шкалу барохрона. На счетчик исторического времени. На мим-приемник. Ну-ка, ответьте — чего же ради умирать?

Приборы молчали. Они не боялись смерти. Им наплевать. А мне — нет. Но молчание было полезно. Попробуй сейчас кто-нибудь возразить Колину, он сразу же ожесточился бы. Но приборы молчали, а молчание — знак согласия.

5

Надо умирать, Колин. Ничего не поделаешь; надо умирать. Когда?

Сейчас, пока темно, пока тебя не заметили.

Хорошо.

Хорошо, пусть будет так. Я сделаю это. Но мне нужно

немного времени, чтобы подготовиться. Чтобы успокоиться. Как-никак умирать приходится не каждый день. Это не может войти в привычку.

Вроде бы все в жизни было как надо. Люди ни в чем не смогут упрекнуть тебя. Ты жил, как того требовала жизнь. Время. Эпоха. Честно служил своему делу, ставя его превыше всего.

А ребят все-таки спасут. Нет, просто не может быть, чтобы их не спасли. Погибнет только он, Колин. Конечно, их спасут.

И все будет хорошо. Ребята спасутся. А ты — ты выполнишь все, что должен. Сейчас же. Буквально через несколько минут. Ты успеешь. Еще очень темно. Кажется, скоро начнет светать. Но ты все сделаешь раньше. Это не требует много времени.

— Прощайте, друзья, — негромко сказал Колин. — Прощайте. Вас обязательно спасут. А мне пора.

Он протянул руку и отвел предохранитель главного выключателя. Ну, вот и все приготовления. Теперь только нажать от себя. Энергетические экраны мгновенно выключатся. И столь же мгновенно чужое время раздавит хронокар и все, что в нем находится. Превратит в ничто. Сам Колин ничего не увидит и не почувствует. А если бы кто-нибудь находился неподалеку, он бы увидел вспышку. Взрыв, даже не очень сильный. И потом, подойдя, не нашел бы ни малейшего признака того, что здесь что-то было. Слегка обожжена будет земля.

Да, кстати: нужно выполнить еще одну обязанность. А именно, посмотреть, нет ли поблизости людей. Хотя людей нет и увидеть вообще ничего нельзя, посмотреть все же надо. Если вдруг человек окажется рядом, он пострадает от разряда, который возникнет при дехронизации.

Он оглянулся. Но за прозрачным куполом была все та же темнота. Ничего не было видно. И слышно — тоже ничего. Сплошная чернота.

А тебе не кажется, что в одном месте — вот здесь — эта темнота еще чернее? Чернее черноты... Как будто бы какое-то уплотнение возникло. Что это такое? Просто чудится?

Он вглядывался в уплотнение. И увидел, как из непонятной черноты протянулась рука. Он ясно различил все пять пальцев. Они были странно согнуты — как будто рука хотела зацепить что-то. Вот рука костяшками пальцев коснулась купола. Белые пальцы на фоне черной ночи. И раздался стук.

Сердце билось бешено, как будто за немногие оставшиеся ему минуты хотело до дна исчерпать все свои возможности.

Колин сидел, упираясь руками в подлокотники кресла, поправляя ноги.

Он все-таки оказался здесь, человек. Набрел. Дехронизация отменяется, пока он не отойдет на достаточное расстояние. Лучше всего будет, если человек уйдет совсем.

Но это от Колина не зависит. Что предпринять? Сидеть, не подавая никаких признаков жизни? Снаружи тот ничего не разглядит: в машине темно, выключена даже подсветка приборов. Да если бы в ней был и полный свет — все равно металл кабины поляризован, она прозрачна только при взгляде изнутри.

Итак, переждать, пока ему надоест стучать и он уйдет своей дорогой. Это самое разумное.

Стук повторился.

Но если он уйдет и приведет других? Ну что за беда — Колина здесь уже не будет. А если эти другие рядом и их пока просто не разглядеть?

Когда-то такая ситуация уже была. Только снаружи вместо человека топтался ящер. Тогда Колин вышел. Но с ящером разговор был краток. Впоследствии палеозоологи с удовольствием занимались его анатомией. То был ящер, не человек.

Выйти? Но зачем торопиться навстречу неизвестному?

Да, попал ты в переделку; час от часу хуже. Но вроде бы так дожидаться — не совсем в твоих привычках.

Колин встал и решительно нажал на ручку двери.

Он вышел. Вокруг был лес. Послышался хруст шагов. Стучащий, видимо, обходил машину. Предраассветная мгла начала проясняться. Колин пошел навстречу человеку.

Обходя машину спереди, он окинул взглядом уже проступивший из тьмы корпус хронокара. Это был профессиональный интерес: как удалось ему вынырнуть из субвремени в таком густом лесу? Н-да, этим особо не похвалишься. Левый хрононатор — вдребезги. Деформирован большой виток темп-антен-

ны. Вмятина в корпусе почти рядом с выходом энергетического экрана. Проклятые деревья!..

Разглядывать повреждения дальше стало уже некогда. Предок вышел из-за левого борта. Он подходил медленно, остановился, вглядываясь, и Колин тоже стал вглядываться в него.

Человек казался страшно неуклюжим. Он стоял, широко расставив ноги, и молчал. Наверное, ему показалась необычной тонкая фигура в блестящем защитном костюме, с широким, охватывающим голову обручем индивидуального энергетического экрана. Впрочем, если человек и удивился, то, во всяком случае, не испугался. Он не отступил, не сделал ни одного движения, которое можно было бы принять за признак страха или хотя бы за ритуальный жест, какой, помнится, в прошлом полагалось делать при встрече с чем-то необычным: не воздел рук к небу, не дотронулся до лба и плеч, не подул на плечи. Человек не принял даже оборонительной позы. Он просто сделал шаг вперед, и теперь Колин, в свою очередь, смог рассмотреть его как следует.

Тяжелая одежда, очевидно, без подогрева. Интересно все-таки, смогу ли я определить эпоху?.. Нет, безнадежно. Ясно, например, что штаны есть. Но короткие они или длинные — не разобрать, потому что на ногах у человека, к сожалению, сапоги до бедер. А такие носили с незапамятных времен и чуть ли не до вчерашнего дня. Да и у нас в экспедиции есть нечто похожее, только, конечно, не тот материал. За спиной висит оружие. Кажется, еще газовое. Которое стреляло пулями. Так... Сейчас он заговорит. Как важно...

— Извините, я вас разбудил, — сказал человек и улыбнулся. Зубы его блеснули в полумраке.

Колин наморщил лоб. Слова можно было понять: хотя они показались очень длинными, но корни были те же, из одного языка. Это, пожалуй, удача...

И нападать предок как будто не собирается. Тем лучше. Теперь надо только вести себя так, чтобы наткнувшийся на хронокар человек не заподозрил истины, чтобы у него вообще не возникло никаких подозрений. А для этого — не позволять ему опомниться. Сразу занять чем-нибудь. И самому осмотреть ретаймер.

— Значит, спали, — снова сказал человек. — Я вас не стану больше тревожить. Расположился здесь, по соседству, но

оказалось, что огня нет — то ли потерял спички, то ли дома забыл...

— Нет, — проговорил Колин, — я не спал. Вздремнул немного. Так и думал, что кто-нибудь подойдет. Мне нужна помощь. А огонь я вам дам.

«Это можно, — подумал он. — Чтобы развести костер вокруг машины, нужно еще поработать. Да и одному ему это не под силу...»

Он достал из кармана батарейку, нажал контакт. Неяркий веничек плазмы возник над электродом.

— Зажигалка интересная, — сказал человек, прикуривая. С удовольствием затянулся. — Иностранец?

— Как?

— Ну, турист. Путешественник?

— Пожалуй, так, — сказал Колин.

— Понятно, — проговорил человек и взглянул почему-то вверх. — Машина любопытная, я таких не видал. Изда-лека?

— А... да, довольно издалика (я правильно сказал?). Там вы сможете мне помочь?

— Почему же нет? Конечно... А в чем дело?

Он снял с плеча устройство, прислонил к дереву.

— Вот, — сказал Колин. — Видите этот виток? Выпрямить...

— Инструмент у вас есть? — спросил предок. Он разложил свое верхнее одеяние возле хронокара. — Давайте...

«Хорошо, — подумал Колин. — Пока работает, он ни о чем не спросит. Хотя бы о том, как я попал сюда — в чащу леса, без дороги, на такой неуклюжей машине... Или — откуда попал... Значит, можно браться за ретаймер».

Он начал осмотр с внешних выходов. Так, здесь все в порядке. Ну, перейдем к главному...

В ретаймерном отделении было тепло. Колин протянул руку и сразу нащупал рест. Он был еще теплым на ощупь... Колин стал слегка прикасаться пальцами к ячейкам. Они осыпались под самым легким нажимом — слышно было, как крупинки вещества падали на пол. Да, сгорел. Восстановлению не подлежит, сказал бы Сизов.

Крышка. Самое обидное, что и результаты погибнут тоже...

Последняя мысль была мучительной; Колин заскрипел зубами. Но опомнился, услышав легкое покашливание. Он под-

нялся и вышел из машины, стараясь выглядеть как можно безмятежнее.

— Ну, это я сделал, — сказал предок. — Готово... — Речь его странно замедлилась, он смотрел в одну точку, смотрел не отрываясь. Колин проследил за направлением его взгляда и почувствовал, как холодеет спина: сквозь блестящий титановый щиток хронокара проросла былинка. Она уже была здесь, когда хронокар выходил из субвремени, и что-то в нужный момент не сработало в уравниателе пространства — времени; щиток не принял былинку, а заключил ее в себя — слабый стебелек пронзил металл, словно сверхтвердое острие... Колин почувствовал, что краснеет, но предок все смотрел на былинку. Сейчас спросит. опередить его...

— Кстати, кто вы? — спросил Колин. — Вы работаете здесь?

— Нет. Иногда приезжаю отдыхать.

— А чем вы занимаетесь, когда не отдыхаете?

Кажется, предок взглянул на Колина с некоторым подозрением. Ответил он не сразу.

— Да, — сказал Колин. — Здесь вы отдыхаете... («Если бы он здесь не болтался, как знать — я и проскочил бы, не было бы этого уплотнения времени, на котором сгорел рест... И сидел бы я сейчас в стартовом зале Института Хроногации и Физики Времени...») Наши, возвращаясь из звездных экспедиций, тоже любят пожить в лесу. Кстати, что слышно о последней звездной?

Колин выжидательно посмотрел на человека из прошлого. Тот не менее внимательно смотрел на Колина, в глазах его было что-то... «Неужели, — подумал Колин, — я попал в эпоху, в которой еще не было звездных экспедиций?..» Человек шагнул к нему, и Колин напрягся, чувствуя, что сейчас что-то произойдет.

— Знаете что? — сказал человек. — Давайте-ка начистоту. Я ведь не ребенок... и вы меня не убедите в том, что на такой машине смогли заехать в чащу леса, куда я и пешком-то еле пробираться...

— Я по воздуху, — безмятежно промолвил Колин. — Вы, наверное, еще не слышали — сейчас уже изобретены машины, которые передвигаются по воздуху. Как птицы. Есть машины с крыльями, ну, а вот моя — без крыльев.

— Согласен, — предок чуть улыбнулся. — Ваша машина

смахивала бы на вертолет... будь у нее винт. Или у вас реактивный двигатель? Откровенно говоря, не очень-то похоже: здесь все вокруг было бы выжжено. Да и как это вы ухитрились опуститься сквозь сомкнутые кроны, не задев ни одной веточки?

Он снова взглянул наверх и опять перевел взгляд на Колина. «Вот несчастье, — подумал Колин, — вот эрудит на мою голову... Он прямо припер меня к стене. А мне и деваться некуда: все время попадаю впросак. И сколько раз еще попаду! Рассказать ему, что ли, все?

А правила?

Так что ж что правила; все равно мне деваться некуда. Да и человек этот, кажется, не из тех, кто сразу же лежит в истерике, стоит им только услышать, что где-то люди живут иначе. Нет, он определенно не из тех. Рассказать?»

— Расскажите-ка все, — сказал предок. — Я тут строю всякие предположения, но они выходят очень уж фантастичными. А мне фантастика в выводах противопоказана.

— Ну что ж, — вздохнул Колин, набирая полную грудь воздуха.

Он рассказывал недолго. Когда кончил, предок усмехнулся и повертел головой.

— Да...

Впрочем, тотчас же он стал серьезным.

— Я чувствую себя виноватым: выходит, что, не раскинь я здесь свой лагерь, вы благополучно проскочили бы в ваше время?

— Возможно, — согласился Колин. — Но такова наша судьба: подчас спотыкаться там, где располагались предки. Это не ваша вина.

— Очень хочется вам помочь. Вы меня, конечно, изумили порядком. Но в принципе история знает вещи, которые на первый взгляд казались еще менее вероятными. Давайте подумаем, как вам выпутаться. Вы не покажете эту вашу деталь?

— Рест ретаймера? Пожалуйста...

«Все это ерунда, — подумал Колин. — Эпоха не ясна, но, во всяком случае, не наше столетие. И даже не прошлое. В ресте он разбирается, как... как...» Но сравнения наворачивались только обидные, и Колину не захотелось употреблять их даже мысленно.

Он осторожно отсоединил рест, вынес из машины и положил на землю, усыпанную сухими сосновыми иглами.

— Вот, — сказал он. — Это сгорело. Остались считанные ячейки. Видите — одна, две, три... семнадцать. Из ста двадцати. Остальные — пепел. Дать мне новые ячейки — если не рест целиком — вы, к сожалению, не можете. А иного пути нет.

Предок молчал, размышляя. Затем медленно проговорил: — А больше таких обломков у вас не сохранилось?

Колин удивился.

— Один лежит в багажнике. Но там уцелело еще меньше...

— А если те, уцелевшие, переместить сюда?

— Сюда?

— Естественно, отремонтировать. Вы что, не понимаете, что ли?

Ремонтировать: взять два сгоревших реста и пытаться сделать из них один годный. Очевидно, этим предкам приходится туго с техникой. А идея остроумна, но, к сожалению, бесполезна.

А впрочем, почему бы и нет? Ведь что-то делать надо! Думать о дехронизации пока нет смысла: стоит ли выполнять второе правило, если так основательно нарушено первое? И потом, это не уйдет. Это успеется. А вдруг и не понадобится? Вдруг действительно что-то получится?..

— Вы молодец, — сказал Колин. — Мне это не пришло бы в голову, у нас ремонт — нечто иное. Что же, поработаем.

Да, раз уж маскировка не помогла, раз этот предок знает, кто ты и откуда, надо держаться до самого конца. Предки должны быть высокого мнения о потомках, о людях будущего. Как-никак я здесь в исключительном положении. Своего рода пророк. Хотя и стараюсь не становиться в позу. Пока это, кажется, удавалось. И во всяком случае, удалиться надо будет, так сказать, с библейским величием. Чтобы предок не подумал, что ты просто уничтожаешься. Пусть думает, что ты спасаешься. Зачем предкам знать, что и у нас бывают катастрофы?

Он вынес второй рест и инструменты. Спокойно взглянул на часы; время уходило, более безвозвратное, чем когда-либо. Но если у человека спокойна совесть относительно прошлого, ему нечего бояться будущего, что бы его там ни ожидало... Человек из прошлого засучивал рукава: наверное, это по ритуалу полагалось делать перед тем, как приступить к работе.

Потом Колин незаметно забыл о времени. Ячейка за ячейкой покидали раму реста, сожженного Юрой, и занимали место

по соседству с уцелевшими семнадцатью. Ну что ж: даже увлекательно. Тихо пощелкивал выключатель батарейки, в возникающем пламени мгновенно сваривались с трудом различимые глазом проводнички. Пепел от сгоревших ячеек падал на землю и, вспыхивая мгновенными, неслышными искорками, исчезал. «Модель моей судьбы, — мельком подумал Колин. — Модель гибели. Но я сделаю все, что возможно».

Через час привинченный рест стоял на месте. Все выглядело бы совсем благополучно, если бы не тридцать ячеек вместо ста двадцати. Предок, подняв брови, покачивал головой — то ли сомневаясь, то ли удивляясь степени риска, на который надо было идти, то ли осуждая — уж не самого ли себя? Колин медленно собрал инструменты, тщательно уложил их в соответствующую секцию багажника, обстоятельно, очень обстоятельно проверил, хорошо ли защелкнулся замок секции. Потом он решил, что надо проверить и остальные секции. Он проверял их медленно, медленно...

Было совсем светло, но солнце еще не поднялось над деревьями. Хотя бы увидеть солнце напоследок... Колин ухватился за эту мысль, потому что логика да и все остальное подсказывали: работа окончена, осталось только отправляться в путь.

Рест сгорит на первых же секундах пути. Он, и ты, и все. Потому что теперь у него даже не останется той мощности, которая необходима, чтобы вынырнуть из субвремени.

Да, но ведь то же произойдет и в случае, если ты никуда не тронешься. А умирать лучше в пути, если этот путь — вперед.

Ладно, все ясно, все просто. Не впервые человеку умирать на Земле. Но перед этим — еще пять минут. Нет, десять. Это ведь ничего не изменит!

Он просил у себя эти пять минут. И он разрешил себе. Ведь и вправду ничто не изменится...

— Спасибо вам, — сказал Колин предку. — Все-таки вы мне очень помогли. А сейчас я хочу немного отдохнуть. Давайте посидим спокойно. Может быть, зайдем в машину? Там уютно...

— Я с удовольствием, — сказал предок. — А может, сначала разжечь костер?

— Костер? Это будет славно...

Древний огонь — простое открытое пламя, — возникнув над электродом колинской батарейки, охватил сучки, и они заго-

релись, треща и бросая искры. Колин устремил взгляд в огонь. Человек уселся, стал подкладывать сучья.

— Чайку вскипятить, что ли? — задумчиво сказал он. — Или вы не откажетесь — по одной?

Колин не услышал его. Костер разгорался все ярче. Недалек Колин ночью думал об этом пламени. Конечно, этот разложен не для того, чтобы сжечь путешественника во времени, заподозренного во множестве непонятных, а значит, страшных деяний. И однако же, этим костром, вероятно, все и закончится. Предок оказался вовсе не таким, как представлял Колин, и это означало, что наши представления о прошлом в значительной мере не опираются на опыт, а проистекают из легенд, нами же созданных.

А помощь уже наверняка идет к экспедиции. Что-то должно было случиться, чтобы помощь успела; она обязательно успеет. Иначе просто не может быть. Я хочу, чтобы помощь успела. Пусть я буду единственным, кому нельзя помочь.

Наверное, он сказал это вслух; предок отвел глаза в сторону и промолчал. Наверное, он все-таки тоже не до конца верил в отремонтированный рест. Было очень тихо. Только потрескивал огонь, да еще какой-то треск примешался к нему.

Это был негромкий хруст сухого, сломавшегося сучка, и оба сидевшие у костра оглянулись. Звук донесся из-за густой массы соснового молодняка, в правильности рядов которого чувствовалось вмешательство мысли и руки. Треск повторился. Колин озадаченно взглянул на предка. Но человек уже вынырнул из чащи. Он шел к костру, и хворост потрескивал под его погами.

Человек ступал свободно и неторопливо. Легкая даже на взгляд ткань свободно драпировала его тело. Он держал в руке ветку розовых ягод, но глаза его смотрели не на ягоды, а на сидевших около костра. В этом взгляде было внимание и не было страха.

Это был какой-то другой предок, понял Колин. Он вовсе не походил на уже сидящего у костра, и дело было не только в одежде. В чем-то еще; точнее Колин определить не смог. «Очевидно, я еще в классовом обществе», — подумал он. И этот, новый, принадлежит к какому-то из привилегированных классов. Аристократ, как говорили когда-то. Дело не только в осанке, в уверенном шаге, повороте головы. Но эти глаза! Этот взгляд, мудрый и проникновенный... Как они назывались

в те времена: жрецы? Или еще как-то?.. Вот угораздило! И главное, я так и не знаю, где я, что это за эпоха. Проклятие!.. И зачем мне понадобились эти десять минут?

Выход один — стартовать поскорее. Все равно куда: в современность или в небытие. Важно лишь сделать это так, чтобы неизбежный в случае неудачи взрыв не повредил предкам.

Для этого нужно, чтобы они отошли от хронокара подальше.

Как добиться этого? Пожалуй, вот как: скрыться — ну, хотя бы в этой чаще. И позвать их таким жалобным голосом, словно бы стряслась беда: ногу сломал, что ли.

Предки, вернее всего, кинутся на помощь. И пока они станут разыскивать тебя в чаще, ты добежишь до машины.

Они не успеют приблизиться к хронокару настолько, чтобы взрыв задел их.

Все логично.

Воспользовавшись тем, что предки не смотрят на него, Колин нырнул в густую заросль молодых сосенок.

Согнувшись и закрыв глаза, чтобы защитить их от игл, Колин углубился в чащу. Он сделал всего лишь десяток шагов, и заросль вдруг кончилась: она шла, как оказалось, неширокой полосой. За ней обнаружилась просторная полянка, и Колин подумал мельком, что именно здесь следовало ему вынырнуть из субвремени, тогда не произошло бы совмещения с деревьями. Он подумал об этом лишь мимоходом и тотчас же забыл, потому что в нескольких шагах от него стояла машина, и Колин, не раздумывая, устремился к ней.

Безусловно, это была машина Третьего, гипотетического жреца. Машина, наконец, нечто способное дать почти абсолютно точную справку о времени, в котором оказался Колин. Машина жреца; итак, что это за машина?

Колин сделал несколько шагов, приближаясь к этому образцу материальной культуры неизвестного пока столетия. С каждым пройденным метром шаги делались все медленнее; внезапно Колин поймал себя на мысли, что ему хочется идти на цыпочках — подкрадываться так, как будто бы не безжизненный механизм был перед ним, а какой-то из пещерных хищников третичного периода. Хронофизик остановился, не доходя до машины двух метров; не приближаясь более, обошел

вокруг нее, стараясь понять, где же здесь вход или хотя бы каким же образом должен передвигаться этот по меньшей мере странный аппарат.

Входа не было; вообще не было ничего. Не было колес, не было воздушного винта, никаких движителей. Не было ни окон, ни дверей. Ничего. Да полно, машина ли это? Может быть, этот матово-серый купол — просто жилье или даже какое-то хранилище, а за машину, средство передвижения, Колин принял его потому, что хотел увидеть именно машину? Может быть, весьма вероятно. Было бы даже абсолютно ясно, если бы... если бы сооружение это стояло на земле.

Но оно не стояло. Во всяком случае, так казалось. Чтобы убедиться в этом, Колин опустился на колени, затем совсем прильнул к земле. Да, купол не стоял, а висел, неподвижно висел сантиметрах в тридцати над грунтом; густая трава росла под ним как ни в чем не бывало; небольшой черный жук сосредоточенно карабкался по зеленому стебельку, вот он достиг вершины, медленно распахнул крылья и вырулил из-под купола, направляясь куда-то по своим делам. Колин вздохнул и поднялся на ноги.

Да, висящий в абсолютной тишине и покое купол. Что это такое? Пока что созерцание аппарата ничуть не помогло Колину определиться, скорее наоборот. Итак, надо проникнуть внутрь. Должен же быть вход. И надо сделать это поскорее, пока хозяин машины еще согревает ладони у костра...

Колин решительно одолел те два метра, что еще отделяли его от машины. Положил ладонь на матовую поверхность. И сейчас же отдернул ее. Ему показалось, что купол живой. Его поверхность — Колин мог бы поклониться в этом — чуть шевельнулась под ладонью. Кроме того, она была теплая; не холод металла, не безразличная прохлада пластика — живое тепло! Так что же?..

Он не успел сформулировать вопрос до конца, потому что купол внезапно раскрылся перед ним, открывая вход. Колин шагнул вперед, не колеблясь. Купол едва ощутимо качнулся, словно восстанавливая равновесие; отверстие, через которое Колин проник, затянулось, и через секунду стало уже невозможно сказать, в каком месте оно только что было. Учитывая возможное коварство этой эпохи (что же это все-таки за эпоха? Ну, сейчас-то мы узнаем!), можно было предположить, что это ловушка. Капкан. Ну, теперь все равно...

Несколько секунд Колин стоял на месте, оглядываясь. Изнутри купол оказался более просторным, чем казалось снаружи. Нечто круглое и массивное располагалось в середине помещения, вокруг этого круглого находились сидения. Это было похоже на стол; было бы совсем похоже, если бы не занимавшие почти всю поверхность мерцающие круги, эллипсы и прямоугольники, в которых Колин скорее угадал, чем опознал шкалы приборов.

Значит, все-таки машина. В этом круглом постаменте, вернее всего, скрывается двигатель. Но как можно ездить, если все кресла обращены спинками к оболочке купола? В такой позе Колин не стал бы ездить не только по лесу, но и по самой широкой и безопасной дороге. Предки все-таки странные люди.

Хотя не все ли равно, как сидеть, если сквозь купол все равно ничего не видно?

Чтобы получить необходимое подтверждение последней мысли, Колин взглянул на купол. Почувствовав дрожь в ногах, он невольно опустился в ближайшее кресло.

Купол таял. Поляна протупила за ним, и окружающая ее стена леса. Поляна была безлюдна и солнечна. Затем она колыхнулась и растворилась, стена леса приблизилась вплотную к куполу, словно кто-то дал увеличение. Вот задрожал и лес, деревья изогнулись и исчезли. Колин увидел костер, и свой хронокар по соседству, и два человека по-прежнему сидели у костра. Ну да, вряд ли минули и две минуты с тех пор, как он их покинул.

А что, если...

Нет, слишком рискованно. Не говоря о последствиях, которые могут быть очень неприятными.

Но все-таки надо же что-то делать!

Ну, не обязательно трогать кнопки и клавиши.

А почему бы и нет? Какой бы непонятной ни казалась машина, нельзя забывать, что это техника прошлого. Что бы она ни выкинула, Колин сумеет ее укротить. Машины не люди, они всегда поступают строго логично.

Колин нажал на педаль. Ничего не произошло, если не считать того, что шкала одного из приборов засветилась голубым светом. И все. Купол не сдвинулся с места, не изменился и вид сквозь прозрачную стенку. Стояла такая же тишина. Впрочем...

Нет, не совсем так. Какой-то шорох слышался сзади. Колин повернулся вместе с креслом. За спиной не оказалось ничего,

но вот стекло в рамке перестало быть прозрачным. На нем появились какие-то изображения; мутные, они становились все более четкими. Все-таки это экран. Сейчас мы увидим картины современной этим предкам жизни, и тогда станет совершенно ясно...

Колин протяжно свистнул. Что станет ясно? Ведь это... Это же...

Это был он сам. Хотя и не совсем такой, каким привык видеть себя в зеркале, но ведь известно, что зеркало не дает нам точного изображения. Да, это был он сам, и он стоял, глядя прямо перед собой, поодаль располагался лес, но не этот лес, в котором он находился сейчас, а какой-то другой, а между лесом и Колиным располагались хронокары. Их было три, и около них возились люди.

— Черт знает что! — сказал Колин.

Это был мезозойский лес, тот самый, где экспедиция задержалась перед тем, как разделиться на группы. Все три хронокара экспедиции. И все люди налицо. Их спасли все-таки?

Ерунда, взорвавшийся хронокар спасти никто не в силах. Да и Колина сейчас там нет: я вот здесь, и нигде больше.

Колин невольно тронул себя за ухо, прикоснулся к голове, к груди — да, он здесь. И он — там. Нет, это всего лишь трансляция из прошлого. Ай да предки!.. А этот, первый, каков артист: удивлялся очень естественно, когда я ему рассказывал! Ну, погоди, сейчас я...

— Погоди, погоди... — медленно произнес он.

Надо было досмотреть это до конца. Вот сейчас он, Колин, разговаривает с Арвэ. Ну да: это последний разговор перед тем, как группа Арвэ на одной из машин уйдет глубже в минус. Но... нет, он же разговаривал не так!

Он помнит совершенно ясно: Арвэ тогда говорил о допустимом проценте риска, и Колин сказал, что чрезмерно рисковать не следует. Потом, как известно, Арвэ все-таки рискнул, и в результате произошла катастрофа. А это устройство в куполе все искажает.

Да нет, тут явное искажение. Не мог он так разговаривать.

Что там сейчас? Опять он сам; на этот раз к нему подошел мальчишка. Юра. О чем это? Жаль, нет звука — очевидно, он включается отдельно. Ага, вспомнил: Юра просит разрешения взять хронокар. Помнится, Колин тогда деликатно ответил ему, что с Юриным опытом не следует и подходить близко к маши-

не, если в ней не находится кто-то из старших. Да, так было. Ответ был правильным. Помнится, он еще что-то тогда прибавил... Да, это можно прочесть по губам сейчас, на экране. Но опять-таки выражение лица... И поза! Колин, как это тебе раньше не приходило в голову? Вот как, оказывается, это выглядит со стороны! Не удивительно, что после этого мальчишка прямо-таки не мог поступить иначе. Он просто обязан был доказать, что справится с хронокаром, что здесь, в глубоком минусе, он оказался не благодаря недоразумению...

Он не справился. Но не я ли спровоцировал его на это? Ведь если бы я то же самое сказал по-другому... если бы я не держался столь презрительно, всем видом не дал бы ему понять, что считаю его абсолютно лишним здесь... кто знает, может быть, ничего бы и не произошло?

Юра не вывел бы из строя хронокар. Арвэ с машиной не бросался бы в самое пекло. Все было бы в порядке, и ты сам сейчас не сидел бы в запрещенном времени, готовясь к смерти. Вот что было бы, если бы ты...

Да нет, это все бред. Несовершенная техника прошлого искажает. Она приписывает мне то, чего на самом деле не было. Здесь все показано не так.

Брось, сказал Колин себе. Всё так. И виноват именно ты, и никто другой. Во всем виноват ты. С начала до конца. Ты виноват. Из-за тебя люди оказались в таком положении. Под угрозой гибели. И ты не имеешь ровно никакого права надеяться на то, что их спасет кто-то другой.

Ты не имеешь права умереть — это было бы подлостью.

Колин слабо усмехнулся. Новый философский аспект: смерть как подлость. Такого, кажется, еще не было.

Вот так наши предки! Ткнули носом. На этом странном экранчике показали тебе, чего ты стоишь...

И тут же он почувствовал, как начинают дрожать руки.

Этот Третий не предок. Он из плюс-времени. Из будущего. И кажется, из достаточно отдаленного будущего. Значит...

Значит, в нем и заключается спасение. Он спасет и тебя и всех остальных. Не для этого ли он и явился сюда?

Колин резко поднялся с кресла. Близкий костер за прозрачным куполом мгновенно отпрянул вдаль, стена сосен выросла перед ним, и людей не стало видно. В последний момент Колину показалось, что Третий поднял глаза и взглянул в ту сторону, где находилась эта его машина (но ведь он не мог

видеть ее сквозь чашу? Или мог? Мало ли на что способны потомки...), и в глазах этих блеснуло пламя костра. Но стенки купола уже потеряли прозрачность и в одном месте послушно растворились.

Он соскочил на землю. Машина чуть качнулась.

Он взглянул на часы. Затем порывистым движением поднес их ближе к глазам. Стрелка секундомера бодро кружила по циферблату. Идут. Но как же могло получиться, что по своим часам он провел в машине всего лишь одну минуту? Они растягивают время, как резину, эти потомки!

Колин остановился у костра и взглянул прямо в глаза Третьему. В глазах этих действительно было пламя. Люди смотрели друг на друга, и Колин почувствовал, как ветры в его душе утихают и поднявшиеся было слова оседают на дно.

— Я понял, кто вы, — медленно произнес он.

— Хорошо, — мягко ответил Третий. — Но ведь главное было не в этом. Главное было, чтобы вы поняли, кто вы.

— Я был в вашей машине.

— Я знаю. — Третий улыбнулся, но улыбка не была обидной. — Так и должно было случиться. Значит, теперь вы знаете о себе намного больше. И сейчас можно сказать, что мы встретились по-настоящему. Садитесь к огню. Что может быть лучше такой встречи?

— Я многого не понял у вас...

— Это естественно, — сказал Третий. — Между вами и нашим собеседником — хозяином этого времени — целая эпоха; но нас с вами разделяет время куда большее. Но это не страшно, важно ведь не то, что вы поймете у нас, важно, чтобы все мы понимали те вещи, которые человек должен понимать во все эпохи.

«У него странное произношение, — подумал Колин. — Не такое, как у меня, но и предок говорит иначе. Вон как сейчас слушает этот предок: боится моргнуть, чтобы не пропустить чего. И все же сейчас не время для нравоучений. Надо спасать людей. Способен ли этот приезжий из будущего на такой шаг? Или, может быть, они там только наблюдают?»

— Вы пришли помочь нам? — спросил он прямо.

— Вообще потомки не должны спасать предков, — задумчиво произнес Третий. — Скорее, наоборот; во всяком случае, так было всегда. Нет, я просто присел к вашему костру. Разве нам не о чем поговорить?

— Да, — сказал Колин, — возможно, поговорить и есть о чем. Но я, к сожалению, не смогу участвовать. Мне пора.

— Мы тут наладили машину, — сказал предок. — Я думаю, что она дойдет.

— Но вы-то, — сказал Третий, обращаясь к Колину, — вы-то знаете, что машина не выдержит.

— Иного выхода у меня нет, — сухо ответил Колин. — Я должен использовать все возможности. Что мне еще остается?

— Что остается? Вот костер. Остается посидеть и поговорить.

— И это единственное, чем вы можете помочь мне? Мне и всем остальным? Немного...

— Мы еще и не начинали разговора, — сказал Третий, — а ведь какую-то помощь вы уже получили.

«Вот на что он намекает, — подумал Колин. — Да, побывав в его машине, я понял, что умирать не имею права».

Он взглянул на свою машину. Помочь мне — значит помочь хронокару. Но никакие ухищрения мысли не могут из ничего создать новый рест. Впрочем, может быть...

— Слушайте! — воскликнул Колин. — Но ведь мы можем поговорить и у вас в машине!

— Идя на выручку вашим друзьям? — спросил Третий. — Но это будет означать лишь, что спасете их не вы... Кроме того, я, как и вы, не имею на это права.

— Хорошо, — надменно сказал Колин. — Вы не имеете. Но я имею. И я возьму вашу машину...

— Нет, вам даже не сдвинуть ее ни на секунду. Мы ведь используем совсем другие принципы: вы проламываете время, мы его расщепляем... Нет, спасение не в этом.

— Откуда вам знать? У вас вряд ли случается такое...

— Такое случается везде, где есть поиск. У вас и у нас, а у предков наших случалось куда чаще.

Предок молча наклонил голову.

— Тем обиднее нам. Но и мы нередко ставим результаты нашей работы выше себя самих. Хотя, может быть, это и неправильно....

— Вы сомневаетесь?

— Люди всегда будут в чем-то сомневаться. А работа... Кто из нас знает, во что может превратиться открытие, хотя бы даже случайное? Например, однажды — это было уже доста-

точно давно, чтобы об этом можно было говорить совершенно точно, — однажды древняя экспедиция в минус-время, экспедиция очень слабая, немногочисленная, вооруженная очень немогущей, с нашей точки зрения, аппаратурой...

— Такие бывали, — сказал Колин.

— Да. Так вот, одна из таких экспедиций, занимаясь вопросами изучения уровня радиации на планете, доказала, что увеличение этого уровня происходит скачкообразно.

— Так.

— И при этом скачки происходят в результате излучения сверхновых.

— Но это же...

— Нет, я не знаю, была ли это ваша экспедиция. Это могло быть сотней лет раньше или позже — для истории в конечном итоге это немного значит, а ведь то, что сделали вы, пока еще никому не известно... Вопрос радиации на планете имел интерес в основном исторический. Но мне хотелось бы сказать о другом. Сегодня, перед тем как сесть в машину, уходящую в минус-время, я остановился на пороге нашего института. Это Институт энергетики.

— Институт энергетики планеты, — мечтательно проговорил предок.

— Планеты? Нет... Энергетика планеты — слишком мало-значительная тема, чтобы ею стал заниматься целый институт. Речь идет об энергетике вообще, энергетике человека и его цивилизации. Будет ли вопрос решен на Земле или на любой другой из семидесяти базовых планет семидесяти цивилизаций, составляющих сейчас Объединение человечества, значения не имеет. Я говорю о базовых планетах, потому что на остальных четырехстах с лишним планетах, заселенных нами, хроногация происходит лишь с чисто подготовительными целями, настоящие исследования там еще не развернуты...

Колин закрыл глаза. Семьдесят планет — и еще четыреста. Объединенное человечество. Единый мир, единый разум...

Он поднял веки. Деревья негромко шумели над головой. Взошедшее солнце пробивалось сквозь кроны, прозрачный дым костра поднимался им навстречу. Звучали чистые голоса птиц. Белка промчалась по стволу вниз головой. Все это было просто и прекрасно. Объединенное человечество...

— Итак, я стоял возле института, и один из друзей предупредил меня, чтобы я не задерживался в минусе: сегодня нам

предстоит еще завершить всю работу по подготовке к эксперименту, который может решить задачу обеспечения энергией на долгие столетия вперед.

— Что-нибудь связанное с термоядерными реакциями?

Это спросил предок. Ему ответил Колин:

— Это решено уже в наше время. Вероятно, вы занимаетесь гамма-энергетикой, получаете энергию в результате реакции вещества с антивеществом?

— И эта задача решена уже давно, — ответил Третий. — Но у нас слишком мало антивещества. Нам так и не удалось обнаружить его в тех областях галактики, откуда было бы выгодно его транспортировать. И мы решили просто создать эти запасы поблизости. Вы знаете, что даже просто столкновение двух частиц достаточно высокой энергии может породить целые миры. Ну, а если эти частицы обладают обратным знаком... Если это античастицы...

— Ясно. Но ведь, чтобы разогнать их...

— Нужна колоссальная энергия, конечно. И мы долгое время не могли найти удовлетворительного решения вопроса.

Однажды я вот так бродил в лесах и непрерывно думал именно над этим. На Земле очень много лесов, она зеленая планета. Мы сейчас полагаем, что надо использовать планеты по назначению, то есть развивать на них то, что наиболее выгодно. Например, на Марсе гораздо выгоднее строить энергетические централи, чем разводить леса — те леса, которые на Земле растут сами, если только им не мешать. Я жил на Земле в одном из лесов уже вторую неделю и вот так же сидел однажды у костра, когда вспомнил, что некогда читал о такой вот древней экспедиции, участникам которой удалось наблюдать взрыв сверхновой не столь далеко от Земли. И — это главное — в той точке неба, в которой до этого никакой звезды не было замечено.

— Ошибка наблюдения, — произнес Колин.

— А если не так? Если ее действительно не было, подумал я? Если этот взрыв — результат столкновения всего лишь двух частиц, но обладающих колоссальной энергией? Внешне взрыв вряд ли можно было отличить от взрыва сверхновой, особенно при том уровне знаний... Кто же разогнал эти частицы? Конечно, те поля, которые существуют во вселенной, вернее, в нашей Галактике. Вот так возникла схема эксперимента.

Требовалось разобраться в конфигурации этих полей, но это было уже делом техники...

— Таким образом, вы...

— Не только я. Когда я вышел из лесу, оказалось, что к таким же выводам — хотя и иными путями — пришло еще четверо. Но это не главное. Как видите, та экспедиция, с которой я начал свой рассказ, в общем даже не подозревала, в чем заключается ее истинное открытие. Но если бы сведения об этой экспедиции не дошли до нас...

— Остальные четверо, так или иначе, пришли бы к тем же выводам, — сказал предок.

— Но ведь и они делали выводы не в пустоте. И они основывались на том, что было сделано раньше... И вот сегодня мой друг напомнил мне. Но разве я мог об этом забыть?

— Я понимаю, — сказал Колин. — Да, вы хотите помочь мне... Но разве меня надо еще убеждать в необходимости донести результаты до нашей современности? Я не хочу ничего иного... Но почему вы задержали меня, когда я хотел двинуться в путь?

— Подозреваю, что это был бы не лучший путь... Хотя я и сказал вам: я не уверен, что это именно ваша экспедиция.

— Малочисленная и слабая... — усмехнулся Колин. — Но что мне остается делать?

— Может быть, подумать как следует?

— Вы хотите, чтобы я думал здесь, когда остается все меньше времени? Пусть я даже что-нибудь придумаю — за час, допустим. Но если я пушусь в дорогу через час, то ничто уже не успеет, ничто больше не поможет людям там, в глубоком минусе. А ведь взрыв наблюдал не я, а именно они...

— И поэтому вы предпочитаете кинуться в неизвестностьсию минуту?

— Моя честь требует этого.

— Устарелая трактовка. Ваша честь требует не того, чтобы вы погибли с ними, а чтобы вы их спасли.

Колин поднялся.

— Мне кажется, это бесполезный разговор. Каждый из нас руководствуется понятиями своего времени. И если они погибли, то даже доставленные мною результаты...

Он шагнул к хронокару, но Третий положил руку ему на плечо, поднявшись от костра и встав рядом. Только сейчас Колин понял, насколько тот выше его и шире в плечах.

— Колин, друг мой, — укоризненно сказал Третий. — Неужели вы думаете, что я так спокойно беседовал бы с вами, если бы все было оставлено на произвол судьбы? Нет, мы не спускаем с вас глаз. Все мы звенья одной цепи.

— Это я знаю.

— Но ведь это значит, что и выход надо искать не на путях прошлого, а на направлениях будущего!

— Не на путях прошлого... А как? Вот если бы я мог сообщить Сизову, что необходимо срочно вылететь... Если бы связь в субвремени была возможной...

— Видите, вы уже начинаете мыслить категориями будущего! Если бы связь была... Так изобретите ее!

— Вы шутите!

— Нет. Попробуйте по-иному взглянуть хотя бы на то, что с вами произошло вчера, сегодня... Даже на самые трагические события.

— Самым трагическим было то, что хронокар вышел из строя. Мальчик сжег его...

— Так. Каким образом?

— Он усиливал ритм и одновременно по ошибке дал сильное торможение. Я это помню совершенно ясно, я был при этом. Правда, снаружи. По словам мальчишки, фигурально выражаясь, от замыкания даже взвыли маяки.

— Вот именно!

— Но ведь они находились в субвремени... Погодите! Неужели вы хотите сказать...

— Что у вас в институте ведь тоже стоит маяк. И расстояние во времени здесь уже очень мало.

— Это выход! — вскричал Колин. — Это идея...

Он кинулся к хронокару. Затем резко остановился.

— Но даже таким способом я не смогу сообщить им ничего! У нас нет приборов.

Наступило секундное молчание. Затем предок, до сих пор неподвижно сидевший у костра, повернул голову и усмехнулся.

— Оказывается, и нас еще рано списывать со счета, — сказал он. — И мы еще можем пригодиться...

— Я вспомнил... — прошептал Колин.

Третий кивнул.

— Да. Теперь ваша очередь помочь, предок.

— Диктуйте текст, — сказал предок.

— Вам придется только, — сказал Третий, — тормозить не один раз, а несколько. И осторожно, чтобы не сжечь ячейки сразу, но и достаточно сильно. Вы сможете?

— Когда-то, — сказал Колин, — меня считали лучшим минус-хронистом. Поторопимся. Времени действительно немного.

6

Отправив сообщение, он вернулся к костру. Теперь рест был сожжен окончательно. Слабое голубое облачко вылетело из двери ретаймерного отделения и рассеялось в воздухе.

— Ну вот, — сказал Третий. — Как видите, вы спаслись сами. Главное было — найти нужное направление мысли. Об этом можно говорить много, но мне пора. Я слышу, как мои друзья торопятся из минус-времени. Всем хочется участвовать в энергетическом эксперименте. И для всех там найдется дело, если мы только не опоздаем на свои корабли.

— Они торопятся сейчас? — спросил предок. — А если бы их увидеть... хотя бы на миг?

— Вообще это не принято, — задумчиво промолвил Третий. — Но ради нашей необычной встречи...

Он поднял голову, лицо его приняло выражение глубокой сосредоточенности. Колин и предок смотрели на него. Он покачал головой и протянул руку по направлению поляны. Тогда они стали смотреть туда.

Казалось, шквал взметнул воздух над поляной и заставил его дрожать и клубиться. Еще секунду ничего не было видно. А затем появилась экспедиция.

...Они возникали не более чем на секунду каждый. Матовые полусферы, эллипсоиды, машины других, более сложных и сразу даже трудноопределимых форм, они появлялись по несколько сразу и почти тотчас же исчезали. Но на смену им шли и шли все новые, новые... Прошло полминуты, и минута, и пять минут, а поток их все не иссякал, многообразие форм увеличивалось, они проскальзывали перед глазами людей все быстрее, быстрее... Колин стоял, опираясь на плечо предка, у них перехватывало дыхание, и Колин, несмотря на всю свою выдержку, почувствовал, как у него оглушительно колотится сердце.

И внезапно поток машин иссяк.

— Мне пора, — сказал Третий. — Вот мы и расстаемся. Ничего не поделаешь: мы разные поколения, из разных эпох. И лицом к лицу со временем выступаем порознь. Но не в одиночку.

— Это чудесно, — сказал предок. — Но ведь мы всегда ощущали, что так оно и есть. Должно быть!

— Конечно, — сказал Третий, улыбаясь. Он кивнул на прощанье и сделал несколько шагов к машине. Потом обернулся. — Не забывайте, каждому из нас всегда сопутствуют предки и потомки. Предки, живущие в памяти, и потомки, живущие в мечтах. И мы не можем представить себя без них, потому что не может быть человека без памяти и мечты.

САНТО ДИ ЧАВЕС

«Мы так далеки от того, чтобы знать все силы природы и различные способы их действия, что было бы недостойно философа отрицать явления только потому, что они необъяснимы при современном состоянии наших знаний. Мы только обязаны исследовать явления с тем большей тщательностью, чем труднее признать их существующими».

Лаплас

Игра шла вяло. Перед каждым из игроков лежало по равной кучке разноцветных фишек, несмотря на то, что шел третий час игры. За столом сидели четыре человека, ни больше и ни меньше, как и полагается в классическом покере: все четверо были пассажирами «Тускароры», трансокеанской громадины, делающей свой очередной рейс из Европы в Австралию. Познакомились они на пароходе и уже вечером того же дня засели за столик в самом дальнем углу малого салона и совершенно равнодушно смотрели на тени танцующих в соседнем зале.

Старшему из них, полному человеку в хорошо сшитом сером костюме, было лет под пятьдесят. По некоторым признакам можно было догадаться, что он бывший моряк. В пользу этого предположения говорил и кепстен, которым он время от времени набивал трубку, и характерная походка, и несколько чисто профессиональных морских терминов, иногда проскальзывавших в его речи.

Второй игрок — молодой, болезненного вида человек — испуганно смотрел себе в карты. Каждый раз, когда у него складывалась удачная комбинация, пальцы его начинали нервно перебирать фишки.

— Вам надо играть в маске, — проворчал моряк. — Я по выражению вашего лица догадываюсь, какая у вас карта.

Сидящий слева от него человек снисходительно улыбнулся. По тому, как быстро он роздал карты, по его непроницаемому во время игры лицу можно было догадаться, что это настоя-

щий игрок. Курил он беспрерывно, прикуривая сигарету от сигареты.

Четвертый — высокий, хорошо сложенный парень — играл с совершенно безразличным видом. Чувствовалось, что ему и впрямь все равно, у кого окажутся в конце игры все эти фишки.

И вдруг наступило то напряжение, с которого начинается крупная игра. Три раза по кругу все игроки увеличили банк, и никто не вышел из игры.

— Десять, — робко сказал худосочный молодой человек, и пальцы его дрогнули.

— Отвечаю на ваши десять и плюс двести, — сказал человек, искусно сдающий карты.

Моряк, не задумываясь, увеличил ставку еще на пятьсот.

— Уравниваю, — сказал парень, похожий на спортсмена. Он ничего не прибавил.

Все еще раз увеличили ставку. Теперь посреди стола вышалась целая груда фишек. Это был очень большой банк.

Первым не выдержали нервы у человека с дрожащими пальцами. Он вышел из игры. За ним вышел другой, смекнувший, что у моряка и спортсмена крупная карта. Интуиция игрока его не обманула.

— Двести, — сказал моряк.

— Уравниваю, — сказал его противник.

— Прибавить к ставке не хотите? — разочарованно спросил моряк.

— Нет, — сказал спортсмен. — Что у вас?

— Каре! Четыре туза, — сказал моряк, показывая карты и подгреб к себе фишки банка.

— У меня флешь-рояль, — спортсмен спокойно посмотрел на моряка. — Червовая флешь-рояль.

— Не может быть! — вырвалось у моряка. Он растерянно перебирал карты противника.

Это действительно была великолепная червовая флешь-рояль, пять карт подряд одной масти, от девятки до короля.

— Поразительно. Тридцать лет играю в покер и только второй раз вижу, чтобы каре тузов нарвалось на флешь-рояль.

Спортсмен собрал фишки и сложил их аккуратными столбиками. Теперь почти ни перед кем фишек не оставалось. Этот банк поглотил все.

Моряк не мог успокоиться.

— Почему же вы не увеличивали ставку? Я со своим дурацким каре рубился бы с вами до конца. Вы бы могли меня до нитки раздеть.

— Зачем? — улыбнулся парень.

— Так вы ничего в жизни не добьетесь, — строго сказал моряк. — Нельзя упускать счастливого случая. Кто его знает, когда он еще подвернется. Нельзя искушать судьбу.

Спортсмен улыбнулся. У него была хорошая детская улыбка.

— Вы, наверно, правы, — сказал он. — Я даже уверен, что так оно и есть, но я иногда изменяю этому правилу.

— Зря, — сказал моряк. — Когда-нибудь пожалеете.

Танцы в соседнем зале прекратились. Салон наполнился людьми. Стюарды разносили по столикам бутылки.

За соседним столом вдруг пронзительно закричала женщина. Она показывала на портьеры.

— Крыса! Я видела там крысу!

Один из стюардов бросился к портьеру. За ней сидел маленький серый котенок.

— На «Тускароре» крыс не бывает, — с достоинством ответил стюард.

— Меня бы только успокоило, если бы это была крыса, — проворчал моряк. — Спокойнее, когда на корабле крысы. Они поразительно чувствуют, когда кораблю угрожает беда. Ни одну на борту не найдешь!

— О чем только ни говорят мужчины, стоит им остаться одним, — сказала за соседним столиком мужу какая-то дама. — Эти говорят о крысах.

— Я сейчас припомнил поразительную историю, которая как-то приключилась со мной, — сказал моряк. — Несколько лет назад я был капитаном и владельцем... Послушайте, вам же не очень важно знать, как называлось судно? Ага... Я возил все, что мне предлагали, но это почти не приносило мне дохода. В экипаже судна было восемнадцать человек, и я до сих пор удивляюсь, как они ухитрялись жить на те гроши, что получали у меня. Наверное, единственно довольными существами на корабле были крысы. Их было великое множество.

Моряк отпил немного коньяка и продолжал:

— В это время я встретил одного своего приятеля. Приятель этот работал тогда в страховой компании, и мы решили застраховать мою посудину. Ну, естественно, в компании не

знали, что он мой приятель. Застраховали. Утром мы должны были выйти в море, и я договорился с приятелем, что потоплю шхуну, когда до порта назначения останется миль десять. Для команды у меня на борту был вельбот. Вы, наверное, догадываетесь, что об этом знали только я и мой приятель и не в наших интересах было, чтобы об этом узнал еще кто-нибудь. Так вот, когда я утром подошел к кораблю, я увидел такое, от чего у меня кровь застыла в жилах. Да, любой моряк на моем месте почувствовал бы себя не лучше. С корабля убегали крысы. Они сбегали по канатам и прыгали на причал прямо с борта. Они выбегали из всех щелей, и скоро на корабле не осталось ни одной. Матросы сидели мрачные. Они сказали, что не выйдут в море, потому что с кораблем должно что-то случиться. Двое матросов и боцман спустились в трюм выяснить, не началась ли течь, остальные сидели сложа руки. Я растерялся, и они это почувствовали. В море мы все-таки вышли — я их уговорил. Остальное было просто: ночью я открыл кингстон, а к утру мы добрались на вельботе до берега. Ну, а потом я получил страховку и все остальное. Так вот, говорят, инстинкт. Но о том, что мой корабль пойдет ко дну в ту ночь, знали только я и мой приятель. Каким же образом об этом узнали крысы?

Моряк победоносно посмотрел на собеседников. Все сидели молча.

— Мистика какая-то, — наконец сказал болезненного вида молодой человек. — Это, если хотите знать, даже как-то сверхъестественно.

— Вы уверены, — вежливо улыбаясь, спросил у моряка покерист, — что эта история произошла так, как вы ее рассказали?

— Послушайте, вы, — отодвинув от себя стакан, хмуро сказал моряк. — Мне не нравится ваш тон, вы видно отвыкли от разговора с порядочными людьми?

Спортсмен положил руку на плечо вскочившего покериста.

— Тише, — сказал он. — Не надо шуметь, на нас обращают внимание. Я вам верю, — обратился он к моряку. — Вы не представляете, как я вам верю. Никогда и ни во что я так не верил, как в рассказанное вами. Я знаю кое-что, и поэтому я вам верю. Это случилось со мной...

Черт знает что, — спортсмен неожиданно засмеялся. — Хочешь вдруг рассказать такое, что не сказал бы самому близ-

кому человеку... Ну, с чего же начать? Вы слышали такое имя, Санто ди Чавес? — без всякого перехода спросил он покериста.

— Слышал ли я о Чавесе! — изумился покерист. — Слышал — не то слово: я им просто оглушен. Последний раз неделю назад. Это имя висело над стадионом, вылетев в воздух из ста тысяч глоток после третьего гола в ворота «Броксов». Вы бы, приятель спросили что-нибудь посложнее! О Чавесе слышал каждый.

— Постойте, постойте! — вдруг оживился моряк. — И как я вас сразу не узнал? Ваша физиономия так примелькалась, что мне и в голову не пришло, что это вы. Так и казалось, что снова вижу вашу фотографию на коробке конфет или обложке журнала. Так о чем вы хотите нам рассказать?

Теперь все трое смотрели на футболиста с явным интересом. Даже болезненный молодой человек, внешний вид которого не давал повода заподозрить его в любви к спорту.

— Так вот, — сказал Чавес, — я футболист, и, как вы знаете, футболист очень высокого класса. Я играю центральным нападающим в одной из самых лучших команд мира, моя манера игры изучается в футбольных школах, я самый высокооплачиваемый игрок. Мои ноги, каждая в отдельности, застрахованы на огромную сумму. Не правда ли, все это так? — неожиданно перебил он себя.

Слушатели согласно закивали головами.

— Хорошо, — сказал футболист. — А теперь я вам должен сказать, что в этом нет никакой моей заслуги. Понимаете, никакой! И если хотите знать, я, Санто ди Чавес, ненамного больше футболист, чем вы, — он кивком показал на моряка, — или вы, — на болезненного молодого человека.

— Скромность в таких буйволиных дозах... — пробормотал покерист.

— Все понятно, — проворчал капитан. — Вы хотите сказать, что у вас замечательный тренер и вы во многом обязаны ему.

— Нет, — возразил спортсмен. — Мой тренер здесь ни при чем. Должен вас предупредить, что вы первые, кто узнает об этой истории. И я не советую вам рассказывать ее кому-нибудь, если хотите сохранить репутацию правдивых людей.

— Интересно, как вам это удастся? — пробормотал покерист.

— Я уверен, что вы не усомнитесь в рассказанном мною, — улыбнулся спортсмен. — Впрочем, судите сами... Наверное,

у каждого из вас есть какие-то воспоминания, связанные с детством. У меня таким воспоминанием был футбол. Первое, что я ясно помню, — это огромный застывший в напряжении стадион, потом словно взрыв поднял с мест беснующихся людей — забили гол... И так изо дня в день. На стадион меня водил отец — он работал в тотализаторе. Кроме отца, у меня никого не было, потом и он умер, оставив мне в наследство крепкое здоровье и неистребимую любовь к футболу.

Футболистом я стал с четырнадцати лет. Отец следил до этого за моим физическим воспитанием — с четырех лет я занимался плаванием, а с десяти — баскетболом и греблей. Отец говорил, что это меня подготовит к футболу. Старик очень хотел, чтобы я стал настоящим футболистом. Он добился — у него были кое-какие связи в спортивном мире, — чтобы я тренировался у лучшего нашего тренера Гвидо Солеквани. Впрочем, наверное, Гвидо взял бы меня и без всякой протекции — в семнадцать лет я был идеальным спортсменом.

При росте в шесть футов я весил восемьдесят шесть килограммов и порвал резиновую прокладку на двух спидометрах, прежде чем удалось выяснить, что объем легких у меня больше восьми тысяч. Я пробегал стометровку за десять и четыре и умудрялся выжимать штангу весом в сто килограммов.

Тогда, как, впрочем, и сейчас, я не пил и не курил. У меня были мгновенная реакция и лошадиная выносливость. Словом, я был идеальное сырье для футболиста.

Гвидо Солеквани сразу поверил в меня. После общей тренировки с командой он еще подолгу занимался со мной. Он сделал все, чтобы я стал настоящим футболистом. Солеквани замечательный тренер, и он создал команду, равной которой не было на континенте. Это Гвидо придумал способ отдыха между таймами, когда уставшие, разгоряченные игроки прямо с поля, раздеваясь на ходу, с разбегу бросались в бассейн с горячей водой. Бассейн был разборный, и Гвидо повсюду возил его с собой. Через пять минут горячая вода сливалась и заменялась теплой, почти прохладной. Это продолжалось еще пять минут, потом три минуты массажа, и команда снова выбегала на поле такой бодрой, что второй тайм казался разминкой перед настоящей игрой. Этот способ отдыха и еще многое другое Гвидо придумал сам, и команда, которую тренировал он, была лучшей из всех, что мне довелось повидать. Я еще раз

повторяю: Гвидо очень в меня верил. Я легко усваивал все, что он мне показывал, никто лучше меня не мог ударом с двадцати метров загнать мяч в любой верхний угол ворот, никто не умел так финтить, как я, и никто не мог пронести мяч на голове от своих ворот до ворот противника, как это делал я. И, умея делать все это, я не был футболистом. Я не умел играть. Я портил игру всей команде, когда дурачки топтались на поле, не зная, кому отпасовать мяч, я нехоти путался в ногах игрока, который вел верный голевой мяч к воротам, я не мог правильно выбрать себе место на поле. И все матчи просиживал на скамье запасных.

Я видел, что Гвидо во мне разочаровывается. Однажды он мне сказал:

— Посмотри на вот этого полудохлого парня, который сейчас обрабатывает мяч. Скелет, и только, смотреть противно, а играет как бог. Знаешь, футбол — это как пение, одним это удастся, а другому не запеть — хоть старайся изо всех сил. Тебе так не кажется?

Я старался как мог, я лез из кожи, чтобы стать игроком, но ничего не получалось.

Весь ужас моего положения заключался в том, что я ничего не умел, я не получил никакого образования, не имел профессии. А футбол... Я ждал со дня на день, что наступит конец терпению Гвидо и он меня выгонит. Что я буду делать?

Этот вопрос мучил меня днем и ночью.

Вот тогда-то, в самое подходящее для этого время, я влюбился.

Я встретил ее на пляже. Ее зовут Ева, и она самая красивая женщина на свете. Тогда я этого не знал. Не знал, разумеется, как ее зовут.

Как сегодня, помню этот день. Стояла адская жара. Ветра не было, волны лениво облизывали берег, и было слышно, как шипит на песке пена. Я лежал под навесом и с отвращением думал, что через два часа нужно идти на тренировку.

И тут я увидел ее. Она стояла бледная, и мокрые волосы падали ей на плечи. Ее окружили трое, знаете, из тех молодых, что все время околачиваются на пляже, иногда, словно невзначай, напрягая накачанные гантелями мышцы. Один из них положил ей руку на бедро, и она резким ударом отбросила ее. До меня доносились гнусности, которые они говорили ей.

— Господи, — вдруг с тоской сказала она, — ну неужели же никто не даст вам в морду? Неужели не найдется хоть один человек, который захочет это сделать?

Я почувствовал, что это хочется сделать мне. Ничего в жизни я так не хотел. Но этого не хотели и три «собеседника» Евы. Они, видно, привыкли драться втроем.

Ева стояла в стороне, она не кричала, не звала на помощь, она как-то сразу поверила в меня.

Говорят, когда всех троих привезли в больницу, врачи были уверены, что это жертвы автомобильной катастрофы.

В этот день я в первый раз не пошел на тренировку.

А потом наступил вечер, я не буду о нем рассказывать — вечер с Евой, а потом еще много таких же вечеров.

Она иногда приходила на стадион, когда играл я, в эти дни я играл еще хуже.

— Милый, — как-то осторожно сказала Ева, — а не лучше ли тебе бросить все это и заняться чем-нибудь другим?

Бросить! Футбол мне давал возможность жить, а что будет, когда Гвидо выгонит меня из команды?

Еве я тогда ничего не сказал. Мы твердо решили пожениться, а над остальным не хотелось думать.

Утром я пошел на тренировку. Гвидо остановил меня перед раздевалкой.

— Не раздевайся, — сказал он. — Мне нужно с тобой поговорить.

Я шел за ним и думал, что все кончено и завтра мне придется на этом же стадионе продавать программы матчей или разносить сигареты и воду.

— Слушай, — сказал Гвидо, когда мы отошли от раздевалки, где нас могли услышать. — У тебя, наверное, было время заметить, что я к тебе хорошо отношусь? Ага. Ну так вот, я сделал все что мог, но не моя вина, что из тебя футболиста не получилось и не получится, что бы ты ни делал.

Я сказал, что все правильно, и встал, чтобы уйти. Мне было неприятно оставаться в этом зале — я еще помнил, с какими надеждами я пришел сюда в первый раз.

— Подожди, — остановил меня Гвидо. — Я неспроста упомянул о том, что хорошо отношусь к тебе. Футболиста из тебя не получилось — это верно, но надо подумать и о том, на что ты будешь жить. У тебя есть деньги?

Я засмеялся.

— Вчера ко мне приходил один человек. Я его знаю — он ученый. Я видел книги, которые он написал, — какие-то исследования мозга. Он сказал, что давно наблюдает за тобой, и спросил, что я о тебе думаю как тренер. Я ему сказал то же, что и тебе: что у тебя самые лучшие данные для футболиста, какие только я видел, и что ты никогда не станешь футболистом — ты бездарен. Ты извини, что я говорил так резко, но у нас был деловой разговор. Он сказал, что ты ему нужен, для чего, он не объяснял, и что он будет платить тебе в два раза больше, чем ты получаешь у меня. По-моему, над этим стоит подумать. Он оставил мне адрес.

Вечером я отправился к этому человеку... Пошел с Евой. Мы подошли к небольшому двухэтажному особняку на одной из отдаленных от центра тихих улиц. Ева осталась ждать меня в сквере напротив. Я шел, не веря, что из этой затеи получится что-нибудь путное. На звонок мне отворил дверь старик слуга. В руках он держал садовые ножницы. Он стоял в дверях и вопросительно смотрел на меня. Тогда я, конечно, не мог знать, что отныне наши судьбы — этого старика и моя — неразрывно связаны.

Он провел меня в кабинет своего хозяина. Я сказал «кабинет», но скорее это была лаборатория. В огромной светлой комнате рядами стояли клетки, а в клетках возились крысы. Мне стало как-то не по себе, и я даже не сразу заметил чело-века, который что-то делал в углу.

Я подошел к нему, это был человек лет пятидесяти, с седыми, аккуратно причесанными на пробор волосами. На нем был хорошо сшитый костюм и модный галстук. А!.. Костюм, галстук, волосы... тогда я видел только его глаза. Острый, пронзительный взгляд его глаз как будто проникал в душу. Я сказал, что я Санто ди Чавес и пришел, потому что меня послал тренер.

— Знаю, — не дослушав, перебил он. — Садитесь. Я вас много раз видел в игре и на тренировках. Я никогда в жизни не видел такого великолепного тела, как у вас. Солековани говорит то же самое. Кроме того, он уверен, что вы самый бездарный футболист из всех бездарностей, каких только ему приходилось видеть.

Я сказал — тогда я еще не очень хорошо знал этого человека, — что никому не позволяю разговаривать с собой таким тоном.

Он засмеялся.

— Ты самодур, мальчик, — сказал он. — Но это не имеет никакого значения. Итак, перейдем к делу. Солевани тебе говорил, сколько я тебе буду платить? Тебя это устраивает? Хорошо... Возможно, впоследствии ты будешь получать еще больше. Но одно условие. Ты не будешь задавать никаких вопросов. Все, что я найду нужным, я тебе расскажу сам! Да! Еще. От того, что здесь будет происходить, тебе никакого вреда не будет.

Я спросил у него, за что же я буду получать деньги и что я должен делать.

— Ничего, — успокоил меня он. — Ровным счетом ничего. Считай, что ты подопытная собака, крыса, что ты мне нужен для опыта.

Я спросил, для какого опыта.

— Я хочу сделать из тебя великого футболиста, — сказал он.

Он посмотрел на меня, ожидая, что я скажу. А мне нечего было сказать. Все происходящее казалось мне сном. Я машинально сунул в карман деньги, которые он протянул мне. Мои деньги за месяц вперед.

— А теперь начнем, — сказал он. — По ходу дела я тебе все объясню.

Он отошел в тот угол, где, как мне казалось, стоял радиоприемник, и снова включил его.

— Как по-твоему, — спросил он, — крысам отсюда видно, что делается в коридоре?

Я сказал, что нет. Крысы и вправду не могли видеть коридора. Лаборатория отделялась от него крошечной прихожей.

— Встань в прихожей, — сказал он мне, — и выгляни в коридор.

Я повиновался и увидел в дальнем углу коридора стеклянную клетку, в которой сидел большой пушистый кот.

В то же мгновение в лаборатории раздался писк и топот маленьких лапок. Крысы в ужасе метались по клеткам, опрокидывая друг друга.

Он с удовольствием потирал руки.

— Войди в лабораторию, — сказал он.

Я вошел.

Беготня в клетках сразу прекратилась.

— Выйди в прихожую.

Я вышел, и снова в клетках началось столпотворение, которое прекратилось только тогда, когда я вошел в лабораторию.

— Ты понял? — нетерпеливо спросил он меня.

Я стоял, окончательно сбитый с толку.

— Нет, ничего не понял. Почему эти твари начинают метаться по клетке, стоит мне выйти в прихожую?

— Он не понял! Ты не понял, отчего они беснуются? Да оттого, что они увидели этого кота твоими глазами. Все, что сейчас видишь ты, видят и они. Зрительный центр твоего мозга излучает радиоволны, которые принимаются их центрами. Между тобой и крысами радиосвязь. Теперь ты понял? Нет? Попытаюсь тебе объяснить. С тобой случалось, — спросил он, — такое?.. Например, тебе хочется запеть какую-нибудь песенку, а в это время ее начинает насвистывать или напевать кто-нибудь находящийся неподалеку? Причем нельзя объяснить это чистой случайностью, потому что иногда вспоминаешь что-нибудь совершенно немодное в это время.

Я припомнил, что со мной и впрямь случалось такое.

— Ага, — сказал он. — А не бывало ли, что ты думаешь о чем-нибудь, а в это время твой собеседник начинает говорить о том же самом. Существуют люди, которые заинтересовались этой проблемой и даже ставят в этой области кое-какие опыты. Часто слышишь, что поставлен новый опыт по угадыванию мыслей или по передаче зрительных впечатлений на расстояние. Но ни один из ученых, кто ухитрился во всех подобных случаях найти какую-нибудь закономерность, не научился этим явлением управлять. Никто, кроме меня. Мозг излучает радиоволны, которые могут приниматься иногда другим мозгом. Я научился направлять эти радиоволны от одного мозга к любому другому, по желанию. Этот опыт я и поставил с тобой. Когда ты увидел кота, крысы почувствовали это так, как будто увидели его сами. Теперь понял? На сегодня хватит. А завтра приходи с утра. Займемся делом. Ты станешь настоящим футболистом, хоть я и не много смыслю в футболе.

...Утром мне открыл двери тот же старик слуга. Так же, как и вчера, я прошел в лабораторию.

Мой новый хозяин сидел на корточках у клетки и наблюдал за своими подопытными.

Потом он с ног до головы оглядел меня.

— Надо следить за внешностью, молодой человек, — недо-

вольно сказал он. — Будущая знаменитость не должна ходить небритой.

Потом он принялся растолковывать мне суть своей затеи. Он сказал, что нам предстоит проделать первый сложный опыт, в котором будут участвовать только люди. Я никак не мог понять, какое отношение имеет все сказанное к тому, что я стану футболистом.

— Сейчас мы сделаем один маленький опыт, — сказал он, — а потом поговорим о главном. Ты пока посиди, посмотри газету.

Я сел за стол, а он, отойдя в угол, щелкнул выключателем. Раздалось тихое гудение, изредка прерываемое шорохами. Внезапно я почувствовал страшный голод, как будто не ел по крайней мере дня два. Полчаса назад я плотно позавтракал и минуту назад и не помышлял о еде, а теперь у меня от голода стягивало желудок.

Он подошел ко мне.

— Что ты чувствуешь? — спросил он.

Я сказал ему, что я чувствую, и попросил позволения уйти, чтобы где-нибудь проглотить дюжину бифштексов — меньшее количество меня не устроило бы.

— Значит, ты голоден? — участливо спросил он. — Ну что ж, иди поешь, если хочешь.

Я пошел к двери.

— Погоди, — сказал он, довольно улыбаясь. — Может быть, удастся помочь тебе прямо здесь, в лаборатории.

Он опять отошел в угол, нагнулся над своей рацией, и я внезапно почувствовал, что сыт. Ощущение сытости переполняло меня, как будто я только встал из-за обеденного стола.

— Понял? — улыбнулся он. — Нет? Все приходится тебе объяснять. Это же очень просто. Вначале я установил связь от мозга неокормленных со вчерашнего дня животных к твоему мозгу, и ты почувствовал страшный голод, а потом я установил связь между только что покормленными и... Ты уже не хочешь есть?

Я не мог прийти в себя от изумления. Он взял меня под руку.

— Пошли. Я тебя кое с кем познакомлю.

Мы вышли во двор его дома. Там я снова увидел старика, который открыл мне дверь. Он стриг газон.

— Видишь этого садовника? Это Джузеппе Ризи. Слышал о таком футболисте?

Еще бы! Кто из футболистов не слышал о Ризи! О нем рассказывают легенды. Самая большая похвала футболисту — сказать о нем: «Играет, как Ризи». Но Ризи не играет уже лет двадцать, и все, даже мой тренер, были уверены, что он давно умер.

А он, оказывается, работает здесь садовником! Так я познакомился с Джузеппе Ризи.

Потом Джузеппе стал моим другом. Иногда вечером мы отправлялись гулять втроем: Ева, я и Джузеппе. Он рассказывал нам много интересных историй. Ризи... О Ризи потом...

Изо дня в день мы приходили с Ризи в лабораторию, и через некоторое время между нами была установлена радиосвязь, которая ни на кого больше не распространялась.

Наш хозяин был доволен. Я чувствовал то же, что и Ризи, стоило только «подключить» меня к нему.

И наконец, наступил день, когда все было готово. В этот день хозяин позвонил к Солеквани.

— Сегодня ваша команда играет с «Чаппарелем». Поставьте центральным нападающим Санто. Не пожалеете.

Я не слышал, что ему ответил Гвидо. Я думал о том, что все это значит: «Чаппарель» — одна из сильнейших команд, а за это время я не стал играть лучше.

Гвидо согласился.

Мы пришли на стадион за час до игры.

Хозяин занял на стадионе два места — для себя и для Джузеппе.

— Будешь играть, мальчик, — сказал он мне. — Будешь играть, как никогда в жизни. Можешь волноваться или нет — это не имеет никакого значения. Ты силен и вынослив. У Джузеппе не было такого тела, как у тебя, даже в его лучшие годы, а у тебя никогда не будет его таланта. Сегодня ты будешь играть, а чувствовать за тебя, распоряжаться твоим телом будет Джузеппе, сидя на трибуне и наблюдая игру. Ты будешь играть так, как сыграл бы на твоем месте Джузеппе Ризи.

Началась игра. Я страшно волновался. И вдруг волнение прошло — я понял, что хозяин включил рацию.

Эту игру все запомнили надолго.

Вначале защита «Чаппареля» не обращала на меня ника-

кого внимания — они знали меня по прошлым играм. Они вспомнили обо мне, когда я, легко обойдя трех игроков, забил первый гол. И пошло!

Джузеппе следил с трибуны за каждым моим движением и представлял себе мысленно, что бы он сделал на моем месте. Это мгновенно передавалось мне. Джузеппе потом сказал, что я играл лучше, чем он в свое время, ведь у меня данные были лучше, чем у него тогда.

Люди на трибунах бесновались, когда я забил второй гол из невероятно трудного положения.

В этот день «Чаппарель» проиграл с таким счетом, с каким он не проигрывал за все время своего существования.

И так от матча к матчу. Гвидо был вне себя от счастья. Появились реальные шансы на то, что его команда станет чемпионом.

Нечего и говорить, как счастливы были мы с Евой: мы наконец-то смогли пожениться и пригласили на свадьбу всю команду. О завтрашнем дне думать нам не приходилось — я зарабатывал бешеные деньги. Все шло как будто хорошо.

Правда, я стал чувствовать, как у меня изменились привычки. Теперь по вечерам я любил сидеть дома. Ева сердилась, когда ей хотелось пойти погулять, а мне было лень вылезти из кресла. Хозяин подшучивал надо мной, утверждая, что у меня появляются стариковские привычки Джузеппе. Тсперь я думаю, что в этом была и доля правды.

Джузеппе часто приходил к нам. Мы привыкли к старику. Джузеппе иногда говорил, что, наконец, и у него появилась семья.

Единственное, что омрачало все, — это здоровье Джузеппе. Старик за последнее время здорово сдал. Теперь хозяин перед каждым матчем давал ему что-нибудь возбуждающее. Джузеппе не выдерживал напряжения целого матча.

Мои дела шли блестяще. Я не буду рассказывать об этом. О Санто ди Чавесе, лучшем футболисте мира, вы знаете все не хуже меня.

Хозяин за деньги, которые он заработал на мне, купил новый большой дом и оборудовал в нем прекрасную лабораторию.

У меня с Евой в банке рос счет, и мы собирались открыть какое-нибудь дело. Словом, все шло хорошо.

...Это случилось на финальном матче чемпионата. Мы опоз-

дали на стадион. У Джузеппе было плохо с сердцем. Гвидо звонил раз десять — он умолял меня поторопиться: уже начался первый тайм. Джузеппе лежал на кушетке. У него были серые от боли губы. Наши взгляды встретились. Он улыбнулся мне: «Все будет хорошо, мальчик».

Хозяин наклонился над ним.

— Может быть, как-нибудь доедем до стадиона, Джузеппе, — просительно сказал он. — Сегодня финальный матч. Пульс уже выравнивается.

Мы приехали к началу второго тайма.

Наша команда проигрывала. Гвидо трясущимися руками помог мне переодеться. Я вышел на поле.

В этот день Джузеппе превзошел себя. Я играл так, как не играл никогда в жизни. После второго гола в ворота «Броксов» зрители вскочили на ноги. Говорят, рев болельщиков был слышен за много миль от стадиона!

А я не останавливался. Я повел мяч между двух защитников «Броксов» и с угла штрафной площадки загнал третий мяч под перекладину.

И вдруг я почувствовал такую тоску... Господи, до сих пор сжимается сердце, когда я вспоминаю об этом. Я весь как-то сразу обмяк и, кажется, сразу догадался, в чем дело.

Я посмотрел на трибуны. Вокруг того места, где обычно сидели хозяин с Джузеппе, столпились люди, они загораживали от меня Джузеппе, но я знал, что, когда они разойдутся, я не увижу его больше.

Этот матч я кое-как доиграл. Мы стали чемпионами.

На следующий день газеты, захлебываясь от восторга, описывали подробности матча, расписывали подвиги Санто ди Чавеса, вырвавшего победу у «Броксов», а в конце там была и такая фраза: «О напряженности матча свидетельствует и то, что один зритель умер прямо на трибуне от разрыва сердца, не перенеся огорчения после третьего гола в ворота «Броксов».

На похоронах Джузеппе плакала только Ева. Я стоял и думал, и одна мысль не давала мне покоя...

Я пришел к хозяину. Он стоял в своей лаборатории.

Я спросил его, сколько бы прожил еще Джузеппе, если бы ему не приходилось «играть» за меня.

— Еще бы лет десять-пятнадцать, — равнодушно сказал хозяин. — Это напряжение ему дорого обошлось. Но ты не огорчайся, мальчик. Жизнь есть жизнь, как говорят французы.

В конце концов у Джузеппе ничего не было хорошего впереди. А ты не огорчайся, мы тебе найдем другого знаменитого безработного футболиста.

— И убьем и его, так же как убили Джузеппе?

Он удивленно посмотрел на меня.

— Мне не нравится твой тон!

Я его не ударил.

Я только стукнул ногой по клетке с крысами, которые сидели, притихнув, и как будто прислушивались к разговору. Клетка перевернулась, а я, не оборачиваясь, ушел. Больше хозяина я не видел.

Мы с Евой решили уехать. Еве почему-то захотелось в Австралию, не знаю почему, а мне все равно куда ехать. Вот и все.

За столом воцарилась тишина.

— Интересно, — сказал моряк, — Здорово. Значит, вы больше не будете играть в футбол.

— Нет, — сказал Чавес. — Не буду. Тогда я понял раз и навсегда, что я не крыса, а человек, хоть и надо мной можно делать опыты.

— А вы уверены, — сказал моряк, — что никогда не пожалеете об этом?

— Я жалею об этом все время, — резко сказал Чавес, — стоит мне только вспомнить Джузеппе.

— Что вы будете делать в Австралии? — спросил болезненный молодой человек.

— Деньги у нас есть, купим какое-нибудь дело...

Покерист хотел что-то спросить, но раздумал. Он нерешительно вертел в руках колоду карт.

В салон вошла красивая молодая женщина.

— Санто, — она остановилась у стола, — извини, я думала, ты заблудился и никак не можешь отыскать нашу каюту.

— Спокойной ночи, — Санто встал. — Завтра еще поиграем в покер?

— Нет, — сказал моряк. — Увольте. С вами играть неинтересно. Просто поговорим.

Санто взял жену под руку и вышел из салона.

— Красивая пара, — сказал им вслед, ни к кому не обращаясь, болезненный молодой человек.

Ему никто не ответил.

Пароход пришел в Сидней рано утром. Проталкиваясь

сквозь толпу пассажиров, стоявшую перед сходнями, к Чавесу подошел покерист.

— Простите. На одну минуту.

Чавес отошел от Евы.

— Послушайте, — покерист оглянулся по сторонам, — вы мне не дадите адрес?

— Какой адрес? — удивился Чавес.

— Того, вашего хозяина.

Чавес несколько мгновений, как будто изучая, смотрел в его лицо, потом медленно по слогам назвал адрес и фамилию.

— Запомнили?

— Да, — сказал покерист. — Спасибо.

Чавес не заметил протянутой руки. Он заторопился к Еве. Пассажиры сошли на берег.

Отвечает Станислав Лем

Осенью прошлого года в гостях у любителей фантастики Москвы, Ленинграда, Харькова побывал известный польский писатель Станислав Лем. Выступая перед студентами, учеными, в беседах с журналистами он коснулся ряда вопросов, связанных с проблемами научной фантастики и «лаборатории творчества» современного фантаста. Некоторые ответы польского фантаста на вопросы советских читателей мы публикуем ниже.

Что больше всего вам понравилось в Советском Союзе?

Ст. Лем: Больше всего? Пожалуй, то, как у вас в стране любят, читают и ценят хорошую фантастику. Ведь не каждая страна может похвастаться изобилием зрелых, требовательных читателей-фантастов.

Фантастика — это литература проблем человека и науки, литература о будущем. И если народ читает фантастику, то, значит, он смотрит вперед, значит, связывает свою судьбу с судьбами науки.

В чем причины высокой популярности жанра научной фантастики?

Ст. Лем: Наш быт заставлен продукцией техники и науки. Но помыслы человека идут ведь дальше быта, к миражам будущего. Воображение человека всегда жаждало чудесного. Но современный человек — реалист, чудесного он ждет не от нарушений законов природы, а от их логического продолжения

Фантастика окунает человека в мир принципиально возможных чудес. Она идет навстречу потребностям воображения человека XX века.

Все больше и больше людей начинают понимать, что приключения развивающегося интеллекта относятся к числу самых острых, полнокровных приключений. Ведь каждое научное открытие — это своеобразный детектив, приносящий ученому острые минуты мучений, поиска, а затем мощный поток радости. Фантастика вводит читателя в мир самого острого из приключений — интеллектуального.

Какие страны можно назвать мировыми державами фантастики?

Ст. Лем: Мировые державы фантастики? Это СССР, затем США и Япония. Как ни странно, в некоторых странах, несмотря на высокое развитие науки и техники, жанр фантастики не сопровождается популярностью. Например, издательства ФРГ, Италии, Франции еще не приняли фантастику всерьез. В то же время поток дешевой, низкосортной литературы не перестает наводнять литературные рынки этих стран.

Каковы перспективы развития научной фантастики?

Ст. Лем: Успехи и вес науки в жизни общества не заставляют сомневаться, что интерес к научной фантастике будет расти. Однако, листая книги фантастов, я начинаю испытывать тревогу.

Что происходит, скажем, в американской фантастике? В ее авторском активе есть ряд настоящих, больших писателей. Зато подавляющее количество авторов наводняют рынок вульгарной, второсортной продукцией. Гангстеры в космосе, убийцы на галактических орбитах, ковбои, модернизированные на космический лад, заселили страницы этих книг. Супермены в скафандрах утверждают право неких сверхсильных личностей, проектируют худшие стороны современной жизни на всю вселенную.

Многие фантасты не могут вырваться из круга заколдованных избитых тем. Герои их, пользуясь свободой фантастического жанра, вызывают духов, выпускают флюиды, бездумно телепатируют — короче, отдаются мистике.

Когда открыли Америку, конквистадоры хлынули на новый материк. Вслед за открытием начался немедленный и откры-

венный грабеж Америк. Так и здесь — как только состоялось открытие жанра новейшей фантастики, на его безграничные материи устремились толпы халтурщиков. Балансируя между тягой читателя к фантастике и уровнем его вкуса, авторы эти беззастенчиво подсовывают читателям фальшивый товар.

Таковы будни, такова жизнь фантастики.

В одном из рассказов Станислава Лема была построена сложнейшая, огромнейшая электронная машина, отвечающая на любой вопрос. Лишь перед одним вопросом пасовала машина: зачем существует жизнь? Во время беседы со студентами МГУ кто-то напомнил Лему об этой машине.

Машина не смогла ответить на вопрос, зачем существует жизнь. А может ли сам писатель ответить на этот вопрос?

Ст. Лем: Когда-то считалось, что жизнь, разум существуют только на Земле. Тогда-то и возник этот вопрос: зачем жизнь? Эгоцентризм человека ставил этот вопрос, он же затуманивал его.

Теперь мы знаем, что во вселенной существуют миллиарды планет, где условия для возникновения жизни, цивилизации не менее благоприятны, чем на Земле. Из самой идеи множественности миров вытекает вывод, что биологическая жизнь, разум — такое же обыкновенное во вселенной явление, как, положим, существование бездушного камня. Получается, что наличие разума для природы — нормально и естественно. Раз так, то сам вопрос «зачем» теряет смысл, как не имеет смысла вопрос «зачем существует камень».

С другой стороны, все естественные процессы природы идут с повышением энтропии, с рассеянием энергии, информации. И только живая природа таит в себе процессы, упорядочивающие мировой хаос, способные к понижению уровня энтропии определенной системы. Возможно, что живая природа существует и развивается как бы в противовес энтропийному развитию неживой материи.

Но так или иначе — мы живем, и другого выхода у нас быть не может.

Перо Станислава Лема вызвало к жизни серию героев научно-фантастического эпоса: Ийон Тихий, пилот Пиркс, про-

фессор Тарантога, роботы... Переходя из рассказа в рассказ, они набираются ума-разума, переживают самые удивительные приключения, но присутствие духа не изменяет им, и они, судя по всему, не собираются прощаться с жизнью. Кто из героев фантастического эпоса наиболее люб самому писателю?

Ст. Лем: Уходя от автора, герои начинают жить собственной, как бы независимой жизнью. Теперь, когда они разбрелись по свету, мне кажется, что они не позволят подвести себя под какие-то параграфы таблицы о рангах, и я не рискую заниматься этим делом.

Твердость их характера я испытал на самом себе. Иногда по ходу моей работы они начинают вести себя совсем не так, как предусматривалось сюжетом. Что делать? Приходится менять сюжет и следить за их дальнейшими поступками, чувствуя себя при этом почти посторонним человеком, просто наблюдателем. Но чувство ответственности за судьбы героев не покидает меня никогда.

Когда читаешь ваши рассказы, то перед глазами четко возникают зрительные картины будущего: отсеки атомных ракет, лунные тропинки и т. п. Видите ли и вы столь ясно описываемые картины?

Ст. Лем: У каждого писателя своя творческая лаборатория. Свой метод. Так вот: это может показаться парадоксальным, но я, когда пишу, не стараюсь представлять себе обстановку описываемой сцены и не «вижу» ее. Все внимание я концентрирую на самой строке повествования, на предложении. Передо мной как бы лежит семантическое, выложенное огромным количеством слов поле, и я пробираюсь по нему, подбирая нужные выражения. А образ уж, видимо, формируется сам собой.

Ставите ли вы перед каждым своим произведением наперед заданную цель, доказательство той или иной мысли?

Ст. Лем: Когда я пишу, то не думаю о результатах работы. Ведь когда человек дышит, он не думает о каждом своем вздохе, о том, что необходимо поддерживать ритм вдохов и выдохов. Это происходит автоматически.

Конечно, начав рассказ, я создаю в нем определенную ситуацию, а дальше — дальше начинается исследование ее

развития. Да, настоящее литературное исследование, во время которого отбраковывается много различных боковых вариантов. Ну, а в конце-то концов я оказываюсь у финиша. И тогда начинаю подсчитывать, чего достиг... или не достиг.

Если принять за первый скачок в развитии природы возникновение биологической жизни, за второй скачок — рождение разума, то как можно представить третий скачок развития природы?

Ст. Лем. В какой-то степени я коснулся этого в повести «Формула Лимфатера». Идет ли дальше биологическая эволюция мироздания, или она остановилась и человек — предел ее естественных возможностей, венец творения?

Посмотрим же, что подсказывает нам сама формула возникновения скачков. Неживая природа привела к возникновению органической жизни. Биологическое развитие родило разум. Значит, третий скачок должен родиться из недр разума. Именно быстрое развитие мышления может привести к появлению качественно новых видов самоорганизующихся систем. Так что писатель-фантаст может допустить возможность такого хода событий.

В «Формуле Лимфатера» именно сам человек своими руками, а точнее, мыслью, вызвал третий скачок эволюции, создав биокибернетический организм, более сообразительный, чем сам человек.

Возможно, третий скачок придет совсем иным путем, возможно, мы уже начали испытывать его перегрузки, но еще не осознали этого, как не осознала обезьяна медленное проявление своего рассудка.

Может ли изобретение биокибернетических организмов, высокоинтеллектуальных роботов отдать нас под власть собственных изобретений?

Ст. Лем: Еще древние говорили: если не хотите попасть под власть вещей, не имейте их. Однако человечество, как мы видим, нашло иной путь освобождения от власти вещей, и мы по нему продвигаемся. Точно так же, мне кажется, нечего бояться и власти роботов. Зачем нам передавать контроль над собой конденсаторным батареям роботов? Наоборот, нам ничто не мешает оставить контроль за роботами в своих собственных руках.

Можно ли считать, что современная оболочка, в которой по-коится носитель интеллекта — мозг, — человеческая оболочка, представляет предел эффективности? Может быть, в будущем сумеют переселить мозг в более удобное убежище, более безопасное и устраивающее наш мозг не меньше, чем современная оболочка? Хотя бы затем, чтобы существенно продлить время нашей жизни.

Ст. Лем: На первый взгляд эта идея выглядит заманчиво. Но лично я повременил бы переселяться в некую пластмассовую коробку, гарантирующую хотя бы двести лет бесстрастного существования.

Разумеется, наша плоть причиняет временами немалые страдания. Даже совершенно ненужный аппендикс заставляет нас ложиться под скальпель хирурга. Однако она же пока что продолжает приносить немалое удовольствие. Искупаться в море или сыграть в футбол — кто не вспоминает об этих минутах?

А если уж говорить о будущем, то почему бы там, в этом обетованном будущем, не обеспечить мозг долголетием и даже бессмертием вкупе с имеющейся оболочкой. Если хотите, это может оказаться даже просто-напросто экономичным. И уж если на то пошло: сами роботы попытаются со всей своей электроникой втиснуться в человеческую оболочку. Чтобы тем самым приобрести это бессмертие. И узнать, почему люди так много говорят о морских ваннах, пляжах и кожаном мяче.

Многие из технических предсказаний Жюль Верна сбылись. Но чтобы проверить их, потребовались десятилетия. Теперь наука и техника развиваются гораздо быстрее, и, наверное, уже сейчас вы можете видеть, какие из ваших сюжетов принимаются жизнью, какие — нет.

Ст. Лем: Да, это так. В 1950 году герои моего первого романа стартовали в космос. Прошло немного лет, и туда же отправились живые люди. Конечно, это замечательно.

Однако наука приносит и огорчения. Например, последние данные о Марсе оставляют очень мало веры в существование марсиан. Условия для функционирования жизни на Марсе крайне тяжелы...

Видимо, в следующих рассказах придется отказаться от этих не слишком удачливых братьев по разуму.

Наука вообще заставляет отказываться от многого и — парадокс! — сама от себя. Бурное расширение научной информации сводит на нет все попытки следить за всем сразу. Все большее количество научных достижений уходит из поля зрения. Мой дом завален книгами, но прочитал ли я половину их? А ведь нужно еще выкроить время и для работы. Да, проблема расширяющейся информации, может быть, посложнее проблемы расширяющейся вселенной.

В своем творчестве вы объединяете множество данных из самых разнообразных научных дисциплин. Из биологии, астрономии, атомной физики, математики, кибернетики, мирмекологии и т. д. Критики отмечают удивительную для писателя подлинность этих данных. В то же время вы окончили лишь один институт — медицинский. В чем секрет вашей эрудиции?

С т. Лем: Секрет один: терпение. Лимфатер недаром вспоминает в моем рассказе слова Эдисона: «Гений — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов упорства». Информацию необходимо вводить в себя ежедневно, как пищу. Для этого нужно терпение.

Еще Винер показал, что, чем больше содержится в системе упорядоченной информации, тем лучше ее энтропийные, энергетические возможности, качества.

Когда я пишу книгу, то упорядочиваю в ней свои знания наиболее стройным образом. Поэтому, хочу я этого или нет, мои книги получаются как бы умнее меня самого.

Писатель-фантаст может позволить себе верить в то, в чем ученые сомневаются. На Западе многие фантасты увлечены темами телепатии. Верите ли вы в существование телепатии?

С т. Лем: Лично я в телепатию не верю. Было бы слишком хорошо, если бы она существовала.

Доказательством существования любого физического явления служит его повторяемость. Насколько известно мне, телепатия этому условию не удовлетворяет. Но, разумеется, мне известно далеко не все...

Каковы перспективы завоевания фантастикой других жанров искусства, скажем, кино?

С т. Лем: На мой взгляд, фантастика открывает для кино

новое и благодатное поле деятельности. Однако до сих пор я не встречал научно-фантастических фильмов, способных в художественном отношении конкурировать с шедеврами киноискусства.

Мои личные попытки пока еще к успеху не привели. Единственной своей сценической удачей я считаю постановку одной пьесы в кукольном театре.

Над чем вы работаете в настоящее время?

С. т. Лем: Сейчас я работаю над книгой «Кибернетика и литература». Мне хочется проследить за тем общим, что связывает эти, казалось бы, далекие друг от друга области деятельности человеческого духа и интеллекта. Насколько мне это удастся, можно будет судить после выхода книги в свет.

Одновременно я работаю еще над одной книгой, имеющей к фантастике косвенное отношение, постольку-поскольку пишу в ней о писателе-фантасте. Пишу автобиографию. И буду очень рад, если советские читатели познакомятся и с ней. Однако когда кончится этот труд, не знаю, ибо собираюсь прожить долго. Жить и делать научно-фантастические книги.

Интервью записал В. ГРИГОРЬЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	6
<i>В. Фирсов. Бунт</i>	7
<i>Б. Зубков, Е. Муслим. Непрочный, непрочный, непрочный мир</i>	36
<i>М. Емцев, Е. Парнов. Возвратите любовь</i>	43
<i>Е. Войскунский, И. Лукодянов. Сумерки на планете Бюр</i>	93
<i>А. Днепров. Там, где кончается река</i>	130
<i>В. Григорьев. Аксиомы волшебной палочки</i>	150

Новые имена

<i>В. Михайлов. Глубокий минус</i>	158
<i>М. Ибрагимбеков. Санто ди Чавес</i>	214

Наши интервью

Отвечает <i>Станислав Лем</i> (Интервью записал В. Григорьев)	231

ФАНТАСТИКА, 1966. Вып. 2. М., «Молодая гвардия», 1966.

240 стр., с илл. (Фантастика. Приключения. Путешествия.) Р2

Редактор *С. Митрохина*
Худож. редактор *А. Степанова*
Техн. редактор *Н. Михайловская*

А17097. Подп. к печ. 2/XII 1966 г.
Бум. 60×84¹/₁₆. Печ. л. 15(13,95)
Уч.-изд. л. 13,4. Тираж 65 000 экз.
Заказ 1180. Цена 54 коп. Т. П. 1966 г.,
№ 246.

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-30, Сущевская, 21.

54 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ